

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

Жизнеописание

Молитвы из темницы

Первая часть книги, “Жизнеописание”, представляет собой биографию доминиканского монаха, научно обоснованную и вместе с тем ярко изложенную итальянским автором Тито С. Ченти.

Вторая часть, “Молитвы из темницы”, включает в себя размышления самого Джироламо Савонаролы, записанные им в тюрьме накануне казни.

“В печали и скорби предстаю пред лицом Твоим, Всемилостивый Боже; Ты — единственная моя надежда, Ты один — мое прибежище. Но что смогу сказать Тебе, когда не смею поднять глаз моих на Тебя? Слова скорби изолью перед Тобой, воззову к милосердию Твоему и скажу: “Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam Tuam — Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей” (Пс 50, 1)”.

Джироламо Савонарола

ТИТО САНТЕ ЧЕНТИ

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

монах,
который потряс Флоренцию

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

МОЛИТВЫ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Издательство Францисканцев
Москва 1998

Тито Сante Ченти.

Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию

Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы

Издательство Францисканцев выражает искреннюю благодарность г-ну Роберто Вальдуччи и фирме VAPHARMA S. A., Республика Сан-Марино, а также г-ну Капитани и фирме EUDERMA, Римини, Италия, за помощь в издании этой книги.

*Перевод с итальянского
и научная подготовка текста:*

Виктор Гайдук

Редактор:

Игорь Баранов

Главный консультант:

о. Григорий Церох OFM Conv.

Художественное оформление:

Иван Сердюков

Корректурa:

Вера Полякова, Ольга Басий

Верстка:

Татьяна Шишова

ISBN 5-89208-013-7

© 1998, Издательство Францисканцев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начну с рассказа о том, каким образом я пришел к решению заняться личностью и творчеством Савонаролы.

В двадцатых числах сентября 1972 г., еще молодым человеком, я был во Флоренции. Поезд из Рима прибыл уже затемно. Бросив вещи в гостинице «Минерва», притаившейся под сенью ренессансного фасада церкви Санта Мария Новелла, я поспешил в самое сердце Флоренции — на площадь Синьории. Ее темная, почти черная брусчатка блестела от прошедшего накануне дождя. Было пусто и сиротливо.

На следующее утро площадь Синьории ослепительно сияла. Вся она была сплошь усеяна цветами — белыми лилиями. Этот цветок — символ Флоренции. А люди все шли и шли — каждый с цветком белой лилии в руке. Вот процессия монахов — сначала доминиканцы из монастыря св. Марка (Сан-Марко), затем францисканцы из монастыря Святого Креста, следом за ними — юноши и девушки, «дети Флоренции». Все они стремились к площади для возложения живых цветов.

Перед моими глазами до сих пор стоит незабываемое зрелище одной из красивейших площадей Европы, превратившейся вдруг в цветник белых лилий.

И, наконец, картина, запечатлевшая в памяти собравшуюся на площади молодежь с горящими факелами — символом неугасимой воли, — готовую воспринять идеал добра.

Зрелище было столь прекрасным, что нельзя было не поинтересоваться, в честь чего произошло это удивительное событие? И о каком идеале идет речь?

Ответ звучал — Савонарола.

Это был день 21 сентября, празднование его годовщины, как было введено еще в 1952 г. мэром города Флоренции Джорджо Ла Пира в ознаменование пятисотлетия со дня рождения Савонаролы. Тогда же после многовекового перерыва была отслужена Святая Месса во вновь освященной часовне Приоров Палаццо Веккьо. Торжественный кор-

теж из Палаццо проследовал к монастырю св. Марка на открытие выставки, посвященной Савонароле и его времени.

При посещении Палаццо Веккьо, резиденции мэра Флоренции, важной московской делегацией, при которой мне довелось быть переводчиком, я получил в подарок небольшую книжку — «Трактат о государственном устройстве Флоренции Джироламо Савонаролы» и совсем уж крохотную книжку — собрание стихотворений, автором которых тоже был Джироламо Савонарола¹.

Я тотчас же принялся за чтение стихотворений Савонаролы. Меня, так же, как и многих других читателей, поразил один чрезвычайно странный факт. Стиль Савонаролы был какой-то «неправильный» — и это, недоумевал я, в эпоху Полициано, Фичино, Пико дела Мирандола, Макиавелли и Гвиччардини, когда в искусстве и литературе красота формы была возведена в культ. Но особенно необычным мне показалось то, что при чтении этих стихотворений создавалось совершенно ясное впечатление, что автор их обладает великой, возвышенной и благородной душой.

Каким же образом, спрашивал я себя, величие души могло так отчетливо проявиться в стихотворениях, имеющих столь малую, в обычном понимании, «художественную ценность»? По этому поводу я стал размышлять в исследованиях по истории того времени все, что касается Савонаролы.

Чем больше я читал, тем более меня удивляло, как, впрочем, не перестает удивлять и по сей день, одно существенное противоречие.

Одни видят в Савонароле человека величайшей доброты, святости и учености, одаренного пророческим даром и красноречием, которым он увлекал своих слушателей. Другие, наоборот, видят в нем фанатичного, экзальтированного монаха, который хотел вернуть Флоренцию в «мрачное Средневековье» и установить «теократию», вводил народ в заблуждение своими выдуманнными пророчествами, представляют его как врага Лоренцо Великолепного, других Медичи и великой культуры Возрождения. Ему инкриминируют то, что он устроил «сожжение

---

¹ GIROLAMO SAVONAROLA, *Il buon governo degli Italiani*. Torino 1954; *Poesie di fra Girolamo Savonarola con l'aggiunta di una canzone pel Bruciamento delle vanità e precedute da notizie storiche* di C. GUASTI e I. DEL LUNGO. Lanciano 1933.

сует» — собрал в одну кучу и сжег множество произведений современного ему искусства.

Во всяком случае, выяснилось, что этот доминиканский монах вступил в ожесточенную схватку с Папой Александром VI Борджа, был им отлучен от Церкви, но объявил отлучение недействительным. Наконец, он восстановил против себя толпу, которая аплодировала его казни. Синьория повесила его, сожгла тело и пепел сбросила в реку Арно.

Одни до сих пор считают его святым и пророком, другие — еретиком, предшественником Лютера, третьи — просто обманщиком. В общем, я понял, что обо всем этом нельзя рассуждать, слепо доверяя тем или иным авторитетам.

Тем более что сегодня, как и в эпоху Савонаролы, его личность находится в центре политических разногласий, а политикой во Флоренции по традиции занимаются решительно все.

Историка не может не поразить количество брошюр пропагандистского характера, сохранившихся в архивах. Видно, как оно возросло буквально день ото дня. Были в ходу и так называемые «летучие брошюры», и простые листки, которые переходили из рук в руки или вывешивались в людных местах.

Эти брошюры можно подразделить на две категории — политические и религиозные. О политике рассуждал, в основном, простой народ, о религии — ученые. Народ был не искушен в стилистических изысках, ученые в совершенстве владели латинским и греческим языками, философией Аристотеля и Платона. И, как верно подметил еще в начале нашего века один из виднейших биографов Савонаролы, итальянский историк П. Виллари, важнейшая его заслуга была в том, что при нем политическая жизнь во Флоренции напоминала «дерево, посаженное в плодородную почву», тогда как религиозная жизнь нуждалась в тщательном уходе².

Действительно, простой народ не брался за перо, чтобы рассуждать о религии. Но, как отлично показано в книге о Тито Санте Ченти, чье исследование читатель держит сейчас в руках, флорентийцы целыми днями рассуждали о политике и писали о ней. В этой пробуждающей-

---

² Виллари П., *Джироламо Савонарола и его время*. Т. I, СПб, 1913, с. 331.

ся к свободе Флоренции стали появляться молодые ученые, которыми тоже овладела политика. К ним относятся звучные имена Макиавелли и Гвиччардини — «детей начатой Савонаролой революции 1494 года».

Политическая жизнь в годы деятельности доминиканского монаха, отмечает Т. Ченти, развивалась во всех направлениях. Новые законы и реформы обсуждались с полным знанием дела. Главным организатором столь мощного движения к свободе был Савонарола. Зачатки этого движения Савонарола разглядел в самом характере флорентийского народа. И нельзя не разделить вывода, делаемого Т. Ченти, относительно того, что они дали ощутимые и стабильные результаты.

Но, как показывает автор этой новейшей биографии доминиканского реформатора, стоило Савонароле в своих проповедях упустить из виду политические цели, заинтересованность его слушателей ослабевала. Дело в том, что Савонарола хотел, чтобы политика и свобода служили религии, а флорентийцы, наоборот, хотели религию поставить на службу республике. Препятствием на пути исполнения замыслов Савонаролы была религиозная индифферентность общества и безудержная страсть к обогащению — наследие более чем полувековой тирании Медичи. С этим наследием Савонарола и вступил в противоборство, о котором повествуется в этой книге.

В архивах сохранились многие тысячи писем и торговых книг флорентийцев того времени — своеобразное соединение бездушных цифр и интимных заметок. Многие документы начинаются словами «Во имя Бога и прибыли». Флорентийцы имели в своей бухгалтерии даже особый «Счет Господа Бога» и при выдаче дивидендов выделяли Богу, как всякому акционеру, его долю³.

Поэтому в тот самый день, когда Александр VI Борджа перешел в политическое наступление на Савонаролу, доминиканский проповедник уже не мог рассчитывать на прежний энтузиазм толпы и на призывы колокола монастыря св. Марка никто не откликнулся. Наоборот, толпа сбегалась на площадь Синьории посмотреть на казнь своего бывшего кумира. Желая дать народу пример истинной религиозности, Савонарола принес в жертву собственную жизнь.

---

³ См.: ВЕС С., *Les marchands ecrivains: affaires et humanisme a Florence*. P., 1967, p. 21.

ЖЕРТВЕННЫЙ ПУТЬ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ

Вряд ли кого-нибудь оставит равнодушным письмо Савонаролы, написанное к матери в 1496 г. В этом письме сына — немало сердечных излияний. Они предназначены той, кому он доверял свои сокровенные мысли. Это письмо Савонарола заканчивает предсказанием, что близится конец его земного пути:

«О, если бы матери могли без слез смотреть на мучения детей! Милая мама, я говорю это не для того, чтобы огорчить вас, но для того, чтобы, если мне придется умереть, вы были готовы к этому»⁴.

В том же 1496 г., за два года до своей смерти, в День Поминовения усопших⁵ Савонарола сказал проповедь, известную под названием «Об искусстве хорошо умирать». Истинный христианин, говорил он, всегда должен помнить о смерти, правильное отношение к которой должно заставить всякого человека жить благочестиво. Он описал состояние души в последний момент ее земного бытия, произвел тонкий разбор всех страстей и угрызений совести, которые мучают тогда человека. «Смерть, — восклицал он, — это торжественный момент в нашей жизни: дьявол дает нам тогда последний бой. Он как бы постоянно играет с человеком в шахматы и ожидает решительного конца, чтобы объявить ему мат. Кто побеждает в этот момент, выигрывает битву всей жизни». Каждому он советует иметь дома образ, непрестанно напоминающий о неизбежности смерти⁶.

Желая помочь христианам избежать греха, Савонарола ввел образное понятие — «очки смерти» (*occhiali di morte*). Если христианин станет смотреть на жизнь сквозь эти духовные очки, то он увидит, что все, составляющее предмет его мирских желаний, — это тлен. Тогда христианин, говорит Савонарола, неизбежно поставит перед собой вопрос, являются ли тленные вещи достойными того, чтобы в погоне за ними потерять жизнь вечную и, взамен ее, обречь себя на вечные муки. Поэтому, говорит Савонарола, всякий раз, когда христианин общается с властью, ему следует взглянуть на ее представителей сквозь «очки

⁴ См.: Виллари П., *цит. соч.*, с. 391.

⁵ День Поминовения усопших отмечается в Католической Церкви 2 ноября.

⁶ См.: Виллари П., *цит. соч.*, с. 357-358.

смерти», и тогда всякая охота вступать с ними в какие-либо сделки отпадет сама собой.

Люди, алчущие денег, карьеры, богатства и во имя этой цели подвергающие других людей грабежу и насилию, как только наденут эти очки, увидят, что им предстоит «заплатить по счетам в преисподней».

Мужчины и женщины, которые тратят все свое время на телесные упражнения ради физического совершенства, обретая, наконец, «очки смерти», поймут, что телесная красота, лишенная духовного содержания, — это прямой путь к вечному проклятию.

Юноши и девушки, идущие на поводу мирских соблазнов, благодаря «очкам смерти» смогут вступить на путь служения Христу и умом, и сердцем своим. Даже священнослужители и монахи, постоянно нося «очки смерти», смогут лучше защитить себя от мирских искушений.

Однако, говорит Савонарола, так же, как настоящие очки нуждаются в добротной оправе, так и воображаемые духовные очки нуждаются в реальных поступках. Для этого верующий должен заботиться об умирающих, быть рядом с ними и не покидать их до последнего часа. Когда человек заболевает, дьявол неизменно насылает на него мысли о доме, мастерской, земельном участке и политике и убеждает даже находящегося при последнем издыхании человека, что как только он выздоровеет, он снова займется настоящими делами.

Средство против всех этих дьявольских наваждений Савонарола видит в постоянном повторении Псалма 37-го: «Господи, не в ярости Твоей обличай меня и не в гневе Твоем наказывай меня». Стало быть, говорит Савонарола, всякий мирянин может обрести спасение. Но такова и предпосылка, со всей яркостью показанная в книге Т. Ченти, всего жизненного пути и послушания Савонаролы как проповедника, пророка и реформатора. В сконцентрированном виде Савонарола сказал о своей религиозной миссии сам в предсмертном размышлении на 50-й Псалом «Помилуй меня, Боже»:

«Множество путей означает различие в образе жизни. Одним путем идут священнослужители, другим — монахи, и по-своему — нищие. Один путь супругов, другой — тех, кто вдовствует, третий — избравших целомудрие или девственность. Различны пути

тех, кто отдает распоряжения, тех, кто учит, тех, кто ведет торговлю. Так что различные сословия идут к небесной отчизне разными путями. Вот отчего “я научу беззаконных путям Твоим”, по состоянию и способности каждого, “и нечестивые к Тебе обратятся”, ибо стану проповедовать им не себя самого, но Распятого Христа. И, таким образом, они обратятся, но не благодаря мне, а по благодати Твоей, так как оставят свои пути, чтобы последовать Твоими путями, взойдут на них, чтобы прийти к Тебе».

Перед жадно ловившим каждое его слово народом он в подробностях набросал несколько подобных картин, которые впоследствии в гравюрах Сандро Боттичелли и других выдающихся художников были приложены к многочисленным изданиям этой проповеди⁷. В этот день он не оставил народ и без политики, убедительно рекомендовав ему поддерживать единодушие и оказывать вооруженную помощь отечеству.

ИЕРОНИМ И МАКСИМ

Итак, для того, чтобы понять, кто же такой был Савонарола на самом деле, мне нужно было свидетельство его современника, пусть краткое, но написанное неподвзятым автором. И оказалось, что такое свидетельство есть. Автор его не кто иной, как преподобный Максим Грек. Напомним, что в 1988 году, вошедшем в историю как год 1000-летия Крещения Руси, Русской Православной Церковью он был провозглашен святым.

Известно, что во Флоренции Максим, которого звали тогда Михаил Триволис, лично узнал Савонаролу и слушал его проповеди. Он не мог не выразить своего глубокого удивления этим проповедником, который, как он пишет в своем свидетельстве, «посредством учительного слова из Священного Писания оказал помощь своим согражданам и безупречно исправил их развращенные нравы». Это глубокое нравственное чувство составляет существеннейшую часть русской культуры и выражено в ней весьма ясно, в том числе и благодаря просвети-

⁷ См.: GUSTAVE GRUYER., *Les illustrations des écrits de J. Savonarole publiés au XVe et au XVIe siècle et les paroles de Savonarole sur l'art.* P., 1879.

тельской деятельности самого Максима Грека, «богомольца Русской земли», как он сам называл себя.

Мы же ограничимся лишь небольшим отрывком из этого замечательного свидетельства Максима о Иерониме (Джироламо) Савонароле:

«В Италии есть город Флоренция, прекраснейший и лучший из всех других находящихся там городов, которые я сам видел.

В этом городе есть монастырь, который составляет родину называемых по-латыни предикаторов, то есть проповедников слова Божия. Храм этой священной обители освящен в честь святого Апостола и евангелиста Марка...

В этом монастыре игуменом был некоторый священноинок по имени Иероним, родом и учением латинянин, исполненный всякой премудрости и разума боговдохновенных писаний и внешнего образования, то есть философии, великий подвижник и обильно украшенный божественной ревностью...

...Весь город привязался к нему любовью и упрасивал его, чтобы он пришел и стал учить слову Божию в самой соборной церкви.

Ему понравилось согласное приглашение и изволение, и он с усердием предпринял этот подвиг по Богу, приходя в соборный храм, куда собирался народ, предлагал поучения, стоя на высоком, приготовленном для сего месте два часа, а случалось, что и более двух часов продолжалось его поучение...

Итак, половина жителей города получили через него превосходное и богоугодное исправление; другая же половина продолжала не только не слушаться его и сопротивляться его божественному учению, но и враждовали против него, досаждали ему, бесчестили и наветовали так, что намазывали человеческим калом перила, на которые он обыкновенно опирался руками, когда стоял и изливал народу струи учения⁸.

---

⁸ Максим Грек описывает происшествие, случившееся во время проповеди Савонаролы в день Вознесения Господня 3 мая 1497 года, когда «Компаниячки» (то есть противники Савонаролы, собиравшиеся в целях конспирации на веселье пирушки и при звоне стаканов замышлявшие против него все новые козни) решили нанести ему, по крайней мере, тяжкое оскорбление.

Он же, подражая кротости и долготерпению Спасителя ко всем, терпел все мужественно, сильно желая исправления многих. Почему он и самых находящихся на церковных властях, но живущих не по-апостольски и о пастве Спасителя Христа не пекущихся, как бы следовало, — и их он не похвалял, а небоязненно обличал их согрешения и часто говорил:

“Если бы мы жили согласно с Евангелием Христа Спасителя, то всячески все неверующие народы обратились бы ко Господу, видя нашу равноангельскую жизнь, и это много послужило бы нам во спасение и к наслаждению вечных благ. Теперь же, живя вопреки евангельским заповедям и себя не исправляя, ни других не заботясь руководить ко благочестию, — что другое услышим от праведного Судии, как только не это: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение (Мф 23, 14)*”⁹.

Говоря это без стеснения и еще более жестокими словами осуждая самого пользующегося у них особым почитанием Папу и находящихся при нем кардиналов и прочий их причт, он подал этим повод к большей к нему ненависти и вражде со стороны тех, которые с самого начала возненавидели его святое учение. Они называли его еретиком, и хульником, и льстецом, как отверзшего уста свои против святейшего их Папы и всей римской Церкви...

Однако он еще больше стал обличать их беззакония, ибо, как я не без основания понимаю, он решил про себя и умереть за благочестие и за славу Божию, если бы это потребовалось¹⁰.

---

⁹ Здесь и далее Максим Грек цитирует письмо Савонаролы от 8 мая того же года «Ко всем избранным Божиим и верным христианам», в котором он говорит: «Наши мучения, вопреки желаниям тех, кто их вызывает, послужат лишь к распространению света. Мы благодарим Бога, избравшего нас претерпеть за веру как раз во времена, когда она оскудела». Цит по: Виллари П., *цит. соч.*, с. 23.

¹⁰ Максим Грек излагает слова, сказанные Савонаролой в саду среди монахов монастыря св. Марка в заключение проповеди в день Вознесения Господня 3 мая 1497 года: «Чем долее медлит рука Господа, тем тяжелее и суровее будет она при воздаянии каждому по делам его. Нечестивые не хотят верить, не хотят слушать, но они сами попадут в яму, выкопанную ими. Они подрывают фундамент стены, которая падет на них. Тогда я воспою хвалу Богу и с радостью отойду из сей жизни». Цит. по: Виллари П., *цит. соч.*, с. 22.

Когда же приверженцы Папы не переставали грозить ему и всяким способом отвлекать его от проповеднической кафедры, а он со своей стороны продолжал не подчиняться им, не переставая обличать их неправды, то они решили умертвить его, что и исполнили.

Избрав некоего генерала монашеского ордена именем Иоаким, весьма преданного им, послали его, уполномочив властью Папы лишить его игуменства и, исследовав о нем, предать его смерти чрез сожжение, как непокорного, и досадителя, и клеветующего на апостольскую римскую Церковь.

Этот Иоаким, прибыв во Флоренцию и показав высшему начальству города грамоты Папы, представил Иеронима суду и подверг его мучительным пыткам. Когда тот дерзновенно отвечал на все лукавства несправедного того следователя, так что судья не мог признать его виновным, то предстали против преподобного того и невинного учителя города их ложные свидетели из числа беззаконников, не покорившихся его учению, высказывая против него тяжкие несправедливые обвинения.

На основании этих обвинений несправедные те судьи осудили его и еще двух священных мужей, его соучастников, на двойную казнь: повесить на дереве, а потом разжечь под ними огонь и сжечь их.

Я же настолько далеко отстою от согласия с несправедными теми судьями, что с радостью причислил бы замученных ими страдальцев к древнейшим защитникам благочестия...

Не от другого слышал, но сам видел их и часто бывал на их поучениях, причем я видел в них не только подобную древним ревность за благочестие, но и ту же премудрость, тот же разум и то же искусство в боговдохновенных и внешних писаниях, в особенности же отличался этим Иероним, не из книги почерпая доказательства этих слов, но из сокровищницы своей великой памяти, в которой хранился всякий богомудрый разум Святых Писаний.

Пишу это не для того, чтобы показать, что латинская вера чиста, совершенна и во всем правильна, но чтобы показать православным, что и неправильно мудрствующие латиняне имеют попечение и тщание о спасительных евангельских заповедях и ревность по вере во Христа Бога, и потому посвятившие себя из них монашеской

жизни прилежно устраивают свое пребывание по святым Его заповедям, так что их единомыслию, братолюбию, нестяжательности, безмолвию, беспопечительности о житейском и заботливости о спасении многих следует и нам подражать, чтобы не оказаться нам хуже их...

Ибо как они не могут сделаться совершенными через усердное исполнение заповедей Спасителя, так и нас не может сделать совершенными одна православная вера, если не приобретем и ревностного исполнения евангельских заповедей»¹¹.

Естественно, что историков не могла не привлечь тема — Савонарола и Максим Грек.

Так, одним из первых писал об этом в предисловии к русскому переводу, вышедшему в 1913 г., П. Виллари, автор уже упомянутого нами фундаментального исследования о Савонароле и его времени.

Характеризуя русскую культуру и ссылаясь при этом, главным образом, на Максима Грека, «афонского монаха», и сочинения Л. Н. Толстого, П. Виллари справедливо подчеркивал, что в ней «с энтузиазмом превозносится вера простого человека, который умеет жить для других до самопожертвования, который не верит в надменную гордость ума, который своим личным примером совершенствует, обращает на путь истины других. Это же чувство воодушевляло и Савонаролу в течение всей его жизни. Оно было причиной сначала его успехов, а затем и его мученичества. Именно эта нравственная сторона его характера и заставляет меня верить, что история монаха монастыря св. Марка может быть интересна и для русского читателя»¹².

Для нас же немаловажно, что «афонский монах» не просто останавливался во Флоренции на пути в Россию, но в конце XV в. жил в Италии, где, по его собственному признанию, входил в круг людей, владеющих знаниями в области философии и науки того времени. В России же Максим Грек прошел вторую половину своего жизненного пути (1518-1555 гг.).

Во многом под влиянием Савонаролы и под впечатлением от его казни он принял постриг и имя Максим в доминиканском монастыре

---

¹¹ Здесь и далее цит. по: *Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе*. Т. III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910.

¹² Виллари П., *цит. соч.*, т. XIII.

св. Марка во Флоренции¹³. Тогда это означало бросить прямой вызов властям, стремившимся искоренить всякую память о Савонароле и даже вынашивавшим планы срыть само здание монастыря.

Вскоре оставаться во Флоренции стало не только невыносимо, но и опасно, когда погибли или подверглись аресту все друзья Максима Грека, а руководство доминиканцев отсеклось от Савонаролы как от страшного еретика. В 1505 г. он обрел прибежище в родных греческих пределах — на Афоне, став православным монахом, но, что примечательно, сохранив имя, принятое им в 1502 г. в монастыре св. Марка. В 1517 г. инок Максим был направлен святогорскими старцами в Москву в ответ на просьбу великого князя прислать книжного переводчика¹⁴.

В литературе о Максиме Греке неоднократно высказывалось мнение, что проповедь и реформаторская деятельность Савонаролы, протекавшие на глазах Максима, оказали сильное влияние на мировоззрение последнего¹⁵.

Историки отметили также композиционное и тематическое сходство основного произведения Савонаролы «Торжество Креста» и ранних собраний сочинений, подготовленных самим Максимом Греком¹⁶.

¹³ Известна следующая запись из архива монастыря св. Марка: «*Frater Michael Emmanuelis de civitate Arta, eodem nomine prius in seculo dictus, accepit habitum a venerabili frate Mattheo Marci, die quartadecima Iunii circa horam primam noctis anno Domini 1502*» (Брат Михаил, сын Эммануила из города Арта, каковым именем наречен был в миру, принял одеяние от досточтимого брата Матфея Марчи, июня четырнадцатого дня в первом часу ночи 1502 года от Рождества Христова).

¹⁴ См. DENISOFF E., *Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Paris — Louvain, 1943, а также ряд статей этого автора. См.: КАШТАНОВ С. М., *Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографиях / Византийский временник // Т. XIV*. М., 1958, с. 284-295. КЛИБАНОВ А. И., *К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека*, там же, с. 148-174.

¹⁵ ИВАНОВ А. И., *К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека. // Византийский временник // Т. XXIX*. М., 1969, с. 137-138; ИКОННИКОВ В. С. *Максим Грек и его время*, с. 560-573.

¹⁶ ИВАНОВ А. И., *Максим Грек и Савонарола / ТОДРЛО, Т. XXIII*, Л., 1968; СИНИЦЫНА Н. В. *Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину*. М., 1972, с. 154-156.

В историографии утвердилось мнение, что влияние Савонаролы на воззрения Максима Грека выражено в двух текстах. Первый — «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве», которая характеризует нищенствующие католические ордена и некоторые стороны реформаторской деятельности Савонаролы (при этом принято считать, что рассказ о Савонароле был написан Максимом Греком в качестве самостоятельного сочинения), и второй — «Послание о католических монашеских орденах, францисканском и доминиканском», где, как и в предшествующей «Повести», восхваляется образ жизни католических монахов, которые, по словам Максима, не владеют именьями, а живут своим трудом и подаянием. Вероятно, «Повесть» и «Послание» были написаны после 1531 г. во время тверского заточения Максима.

Теперь же, в связи с выходом в свет этой книги, содержащей впервые и без купюр переведенные на русский язык «Молитвы из темницы» Савонаролы (размышления на тему Псалмов 50-го и 30-го), в круг его влияния мы бы включили также «Сказание, какая словеса рекл бы Петр, отвергся Христа и плакася горько». «Сказание» Максима Грека есть разработка темы, предложенной Савонаролой, сказавшим: «Вот почему лучший поступок Петра следующий: “И, выйдя вон, плакал горько”»¹⁷.

Эта широко и весьма живо развернутая Максимом мысль была кратко изложена Савонаролой в проповеди от 31 мая 1495 г.: «Вспомните Святого Петра, каким он был прежде, чем обрел Дух Святой, и как отрекся он от Христа из страха перед какой-то служанкой. Дело в том, что сам Петр был рабом в услужении себялюбия, вот отчего рабыня нагнала страх на него. Однако когда Дух Святой вселился в него, не испытал он страха даже перед смертью и исповедал Христа не то что в присутствии рабыни, но в присутствии господ и свободных граждан. Так что покайтесь, и все вы обряцете Духа Святого»¹⁸.

Действительно, зачин «Сказания» Максима: «Горе мне, горе мне! Увы мне, увы, увы! Какими потоками слез очищу нечестие мое, окаян-

---

¹⁷ Мф 26, 75.

¹⁸ SAVONAROLA G., *Prediche italiane ai Fiorentini*, II, «Giorni festivi del 1495», Perugia — Venezia, 1930, p. 209.

ный? Какими тяжкими стенаниями омою беззаконие мое?» — явно интонирован на лейтмотив толкования «Miserere» Савонаролы: «Несчастный я, покинутый всеми, оскорбивший небо и землю... Омой меня водой моих слез, омой меня водой Твоих Священных Писаний, дабы был я причислен к тем, о которых Ты сказал: “Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам”»¹⁹.

Основанием этого сопоставления является не только общая горечь заточения, но и сходство нравственного выбора, перед которым оказываются оба узника — Савонарола и Максим Грек. Оба подвергаются тяжким испытаниям души и тела, и оба понуждаемы палачом к отречению от своих взглядов и убеждений. Для того, чтобы в этом удостовериться, достаточно сопоставить прежде недоступные в полном объеме и теперь публикуемые целиком в переводе на русский язык размышления Савонаролы на тему Псалма 50-го «Помилуй меня, Боже»²⁰ с текстом «Сказания» Максима Грека.

Кроме того, как нам представляется, в круг общения Иеронима с Максимом следовало бы ввести также «Канон божественному и поклоняемому Параклиту», начертанный (до 1529 г.) Максимом Греком углем на стене тюремной камеры в Германовой башне Иосифо-Волоколамского монастыря, где святогорский монах находился в несправедном заключении²¹.

Наша гипотеза основана не столько на сопоставлении и без того вполне очевидных внешних трагических обстоятельств, в которых пребывали «государственные преступники», Савонарола и Максим Грек, сколько на внутреннем единстве размышлений Савонаролы на тему псалма «На Тебя, Господи, уповаю» (Пс 30)²², главным действующим

¹⁹ Ин 15, 3.

²⁰ В качестве приложения к книге П. Виллари, русское издание которой вышло в свет в 1913 г., были представлены извлечения из этой книги Савонаролы, которые, по словам редактора перевода А. Волинского, только и «представляют интерес для русской читающей публики». См.: Виллари П., *цит. соч.*, т. VII, с. 279-284.

²¹ См.: ИВАНОВ А. И., *Литературное наследие Максима Грека*. Л., 1969, с. 202.

²² Насколько нам известно, размышления Савонаролы на тему псалма 30-го вообще никогда не переводились на русский язык и публикуются в настоящем издании впервые.

лицом которого является христианская Надежда, и «Канона» Максима Грека, обращенного к Параклиту, то есть Святому Духу, Заступнику и Утешителю.

При этом важно помнить, что в православной традиции параклис — это усердная молитва, именуемая «Параклис Пресвятой Богородице», то есть «молитва во всякой скорби душевной и обстоянии»²³. Такой была и оборванная на полуслове молитва «На Тебя, Господи, уповаю», написанная Савонаролой за несколько часов перед казнью. Важно также, что «Канон» вместе с «Молитвой ко Пресвятому Духу» включен самим Максимом Греком в самое раннее прижизненное «Иоасафовское» собрание его сочинений.

Кроме того, в размышлении на тему Псалма 30-го «На Тебя, Господи, уповаю» Савонарола использует особенно насыщенный в драматическом отношении жанр диалога. Его участники — Надежда и Печаль — выражают полярные концепции, борьбу различных начал, несовместимость противоположных установок. В этом размышлении Савонаролы отражено биеие мысли и противоречивость бытия. Многие мыслители в послееантичный период использовали эту выразительную форму. Диалог Разума и Мудрости у св. Августина, «прение» Души и Тела в «диоптре» (диалоге) Филиппа Пустынника, беседа Разума, Скорби и Радости у Петрарки и, наконец, спор Надежды и Печали у Савонаролы.

Вслед за названными прославленными предшественниками и Савонаролой жанр диалога умело использует и Максим Грек, что помогает ему ненавязчиво излагать свои мысли. Он, как и Савонарола, никогда не встает в позу вещающего истину, не декларирует свои идеи, но размышляет, убеждает, доказывает.

В исторической литературе широкую известность получил рассказ Анджело Полициано о посещении Савонаролой в апреле 1492 г. бывшего при смерти прославленного правителя Флоренции, деятеля Возрождения Лоренцо Великолепного. Полициано, единственный свидетель этого события, пишет о том, что в один из последних дней Лоренцо призвал о. Иеронима к своему смертному одру. Савонарола дал ему утешение и благословил умирающего, как того требовало от его священнического сана христианское милосердие.

---

²³ Полный церковнославянский словарь. М., 1900 (1993), с. 408.

Быть может, отголосок этого эпизода из жизни Савонаролы — потрясшего Флоренцию диалога Савонаролы со своим извечным противником Лоренцо Медичи — мы слышим в знаменитом «стязании» (диалоге) Филоктимона (Любостяжателя) и Актимона (Нестяжателя), принадлежащем перу Максима Грека.

Напомним только, что Нестяжатель, выражающий взгляды мыслителя, убеждает Любостяжателя: «Не спеши, любимиче, злословить». Он называет его «brate мой», не считая своего оппонента закоренелым злодеем и безнадежным глупцом. Не насилием утверждается истина — «не единого нудит благоверия слово», а честным размышлением. Во всяком случае, именно так в передаче Полициано звучат слова Савонаролы, обращенные к одному из сильных мира сего²⁴.

Максим Грек, «богомалец земли Русской», считает, что понять его «притчи» и «слова» может лишь внимательный читатель, а тем, кто субъективно настроен против него, его речь «не токмо не полезна, но и zelo темна». Одно из сочинений Святогорца так и именуется: «Слово душеполезно zelo внимающим ему — беседует ум к душе своей». Это название вполне применимо не только к произведениям Максима Грека, впервые представившим русскому читателю Савонаролу, но и к книге, содержащей как «Молитвы из темницы» самого о. Иеронима, так и его жизнеописание, составленное о. Тито Санта Ченти, священником монастыря св. Доминика во Фьезоле. Эту книгу мы и предлагаем всем, кто желает внимать «беседе ума с душой» Джироламо Савонаролы.

Виктор Гайдук

---

²⁴ Письмо Полициано от 18 мая 1492 г. в кн.: *Prosatori latini del Quattrocento* (ed. E. Garin). Milano 1952, p. 889-901.

ТИТО САНТЕ ЧЕНТИ

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

монах,
который потряс Флоренцию

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Джироламо (Иероним) Савонарола родился в Ферраре¹ 21 сентября 1452 года, в середине XV века, то есть в момент подъема целой эпохи — эпохи Возрождения. Ему было суждено провести свой краткий век в переходный период — от Средневековья к Новому времени. Семья Савонаролы была родом из Падуи. Дед, Микеле Савонарола, был довольно известным врачом. В 1444 году он получил место лейб-медика при дворе герцогов д'Эсте² и вместе с семьей переехал в Феррару. Отец, Никколо Савонарола, был нотариусом. Мать, Елена Бонакосси, чьи предки одно время были синьорами Мантуи, до Джироламо уже родила двух сыновей. За третьим последовали еще два сына и две дочери.

Мальчика, которому было суждено прославить род Савонаролы в веках, крестили 4 октября. При крещении ему были даны имена Джироламо, Марии, Франческо и Маттео, то есть имена, упоминавшиеся в церковном календаре на той неделе. Так, 21 сентября был днем поминовения св. Матфея, 30 сентября — днем св. Иеронима, 4 октября — днем св. Франциска.

¹ Феррара — город в Северной Италии. — *Прим. ред.*

² Эсте, д' — правящий феррарский род. — *Прим. пер.*

Все это были имена глубоко почитаемых святых и Пресвятой Девы Марии.

На живого, смышленного и не по годам развитого Джироламо возлагали в семье большие надежды. С младых лет Микеле Савонарола окружил внука нежнейшей заботой, глубоко запечатлевшейся в душе Джироламо и повлиявшей на развитие его умственных способностей и укоренение в нем нравственной прямо-ты. Микеле Савонарола менее всего походил на придворного. Получив образование еще в XIV веке, он был убежденнейшим христианином, следовал строгим нравственным принципам Десяти заповедей и Евангелия. В том, что касалось философии, он руководствовался Аристотелем в истолковании св. Фомы Аквинского. В своей области, медицине, он неукоснительно придерживался советов классиков и традиционных приемов своих коллег по профессии. Он писал обширные сочинения, получившие определенный отклик и выдержавшие несколько изданий. В своих более кратких брошюрах он поднимал темы морали и обращался к житиям святых.

Под благотворным влиянием деда Джироламо пребывал до шестнадцатилетнего возраста, то есть до самой кончины Микеле Савонаролы в 1468 году. Джироламо сохранил верность завещанным ему принципам на протяжении всей своей жизни: горячая любовь к Священному Писанию, ревностное отношение к религии, требовательное и последовательное соблюдение нравственной прямо-ты, неприятие беспутной жизни у людей, называющих себя христианами, особенно у священно-служителей.

Приобщение к христианским таинствам не оставило в душе его сколько-нибудь глубоких воспоминаний, хотя, несомненно, они были уделены ему в детстве и ранней юности. В те времена миро-помазание совершалось в большинстве случаев без особой торже-ственности, в том возрасте, когда ребенок с трудом способен осознать грань между священным и мирским. Во многих епархиях существовал обычай конфирмации крещеных младенцев всего несколько недель спустя после обряда крещения, вопреки справедли-

вому поучению св. Антонино³: «Не следует совершать миропомазание детей до достижения ими седьмого года жизни, и дабы впоследствии они могли лучше помнить об этом, их наделяют алапой»⁴.

При этом первое Причастие совершалось в более позднем, двенадцатилетнем возрасте. Можно только догадываться о том, какие чувства и мысли о вере могло вызвать Святое Причастие у феррарского отрока. Дело в том, что в многочисленных проповедях его личный опыт отрочества и юности никак не проявился. Однако вполне вероятно, что как раз в эти годы он вобрал в себя существовавшие в те времена народные представления об участии прихожанина в Божественной Литургии, которые в зрелом возрасте он станет распространять в Италии — как своими проповедями, так и письменными сочинениями. Имелось в виду мысленное сопереживание верующего всей истории Спасения посредством участия в богослужении.

«Когда Месса начинается, вспомни о том, как святые патриархи жаждали пришествия Христа. Именно поэтому священник говорит: “Kyrie eleison”, то есть “Господи, помилуй”.

Когда он произносит “Gloria”⁵, вспомни о Христе, рожденном в яслях... Когда читают Префацию⁶, вспомни о Христе, въезжающем в Иерусалим на осле. Когда священник читает евхаристический канон, вспомни о Тайне Его Страстей и о том, как Он взошел на Крест. Когда же священник возложит Евангелие на аналой, вспомни о Его положении во Гроб и прочти “Отче наш”... Во время Причастия духовно причащайся Ему, моля Бога ниспослать тебе благодать таинства — словно причащаешься сам. Когда священник возвращается с Евангелием в правой руке своей, вспомни о Страшном Суде...

---

³ Св. Антонин, или Антонино Пьероцци (1389-1459) — доминиканский монах, богослов, основавший в 1436 г. монастырь св. Марка во Флоренции, а в 1446 ставший архиепископом этого города. — *Прим. ред.*

⁴ См. SANCTI ANTONINI, *Summ. Theol.*, Pars III, tit. 14, c. 14, 5. Алапа — символический шлепок по щеке после совершения таинства миропомазания. — *Прим. ред.*

⁵ Gloria (лат.) — гимн «Слава в вышних Богу». — *Прим. ред.*

⁶ Предначинание — часть католической Литургии. — *Прим. ред.*

Запомни, что ты должен идти на Мессу с такими намерениями: во-первых, вспомнить о Страстях Христовых; во-вторых, вместе со священником принести жертву ради тебя самого, твоих близких и всех христиан; в-третьих, причаститься и преобразиться во благодати Господней»⁷.

Савонарола, вероятнее всего, учился у преподавателя грамматики Джованни Баттиста Гуэрино, несколько лет был в школе литературы и философии и в итоге получил звание магистра искусств. Впоследствии в проповедях и сочинениях он вспоминал о том, что педагоги в школе его секли по ладоням и что некоторое время он был очарован Платоном. «Да, мы познакомились с поэтическими школами и блуждали в бесплодной пустыне виршей, за что нас били по рукам линейкой, но любовь к Богу открыла нам глаза, и мы, покинув эту пустыню, вкусили плодов из сада Церкви»⁸.

Примерно двадцать лет спустя Савонарола продолжил спор с гуманистами о воспитательной ценности беллетристики и наследия языческих классиков. Его приговор был суров. Поводом послужил Уголино Вьерино, который хотел посвятить Савонароле «Песнь о Христианской религии и о счастье монашеской жизни», написав пространное предисловие в защиту поэтов, в котором он, правда, отмежевался от «поэтов сладострастия, изобретателей постыдных вымыслов о языческих богах».

Джироламо охотно повторяет слова Исидора Севильского: «Христианину запрещено читать вымыслы поэтов, ибо те соблазнительными рассказами возбуждают похотливые умы. В действительности же они кадят ладаном перед языческими богами, не только почитая этим бесов, но и с удовольствием внимая их речам»⁹. В заключение Савонарола гневно вопрошает: «Что делают наши правители? Почему притворяются, что не видят этого зла? Почему не принимают законов, которые

---

⁷ SAVONAROLA G., *Trattato del Sacramento e dei misteri della Messa // Operette Spirituali*, vol. I, EN, pp. 66 ss.

⁸ SAVONAROLA G., *Scritti Filosofici, Apologeticus*, EN, p. 245.

⁹ *Ibid.*, p. 264.

не только изгнали бы подобных виршеплетов из города, но и предали бы огню и испепелили как их измышления, так и фолианты языческих авторов, пускающихся в размышления об искусстве любви, наложницах, идолах и грязном и нечестивом бесовском суеверии?»¹⁰

Следует, впрочем, отметить, что к написанию столь резких страниц, превосходящих по остроте критики аналогичные высказывания блаженного Иоанна Доминичи в его «Лесах ночи», Савонаролу побудило печальное состояние религии и нравственности флорентийской и вообще европейской молодежи в последнем десятилетии XV века, равно как и извращения в преподавании закона Божьего, что под влиянием античных классиков привело к отказу от евангельской простоты и истины, тогда как тексты Священного Писания были преданы забвению. Речь шла не только о литературной моде — повсеместно поднимало голову язычество, не пощадив даже духовное сословие.

В 1471 году Папой Римским стал Сикст IV. Он представил всему христианскому миру зрелище такого откровенного nepотизма¹¹ и безудержного стремления к роскоши, что это было бы непростительно даже светскому государю. В его понтификат для святой Церкви настали трудные времена, поскольку она попала в зависимость от людей беспринципных, принимавших участие в кровавых преступлениях, например в знаменитом заговоре Пацци (1476 г.)¹².

Чернь, всегда склонная обобщать отдельные скандальные проявления пороков и заблуждений, всю поносила священников и монахов. Поэтому неудивительно, что Джироламо тогда в глубине своей души принял решение никогда не вступать на стезю религиозного служения. К тому же, судя по его публич-

---

¹⁰ Ibid., p. 265.

¹¹ Nepотизм (от лат. *nepos* — внук, племянник) — раздача Папами ради укрепления собственной власти доходных должностей, высших церковных званий, земель родственникам. — Прим. пер.

¹² Сикст IV (1414-1484) — в миру Франческо дела Ровере, избранный Папой в 1471 г., был враждебен к Медичи и поддерживал заговор Пацци, завершившийся убийством Джулиано Медичи в 1478 г. — Прим. пер.

ным высказываниям, он никогда всерьез не думал о женитьбе. Вот почему мы, в соответствии с позицией Роберто Ридольфи, биографа Савонаролы, не придаем большого значения эпизоду, которым столь дорожат сочинители романов, касающемуся первой юношеской влюбленности Джироламо¹³.

Как рассказывает родной брат Савонаролы, Маурелио, однажды Джироламо попросил руки своей соседки, флорентийской девушки, незаконной дочери Роберто Строщи. Девушка будто бы гордо ответила: «Неужели ты вообразил, что благородный род Строщи пожелает породниться с каким-то Савонаролой?» Возмущенный Джироламо якобы ответил: «Думаешь, семья Савонаролы готова унизиться до того, чтобы женить своего законного сына на чьей-то внебрачной дочери?»

Этот эпизод, даже если допустить, что он действительно произошел, никак не повлиял на дальнейшую жизнь Джироламо, который вскоре и вовсе забыл об этом, так как мысли его были заняты другими вопросами. Будучи глубоко религиозной и думающей натурой, Савонарола постоянно размышлял о печальном состоянии нравственности христианского общества, которому многие мыслящие люди его эпохи предсказывали скорые и тяжкие испытания.

Савонарола жил во времена Синьории и княжеств. Карликовые итальянские государства, которые в промежутках между братоубийственными войнами существовали в обстановке зыбкого политического равновесия, соперничали друг с другом в блеске придворной жизни и разврата. Недавнее изобретение книгопечатания способствовало быстрому распространению культуры во всех слоях общества, но с еще большей скоростью происходило распространение игральных карт и порнографии.

Турки после падения Константинополя в 1453 году продвигались на Балканы, лишь время от времени они наталкивались на разрозненное сопротивление христиан, а между тем их набег на прибрежные районы Италии становились все более дерзкими и опасными.

---

¹³ RIDOLFI R., *Vita di Girolamo Savonarola*, Firenze 1974, pp. 8, 494.

МОНАШЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ — ВСТУПЛЕНИЕ В ОРДЕН ПРОПОВЕДНИКОВ

В этот бурный период истории Италии у Джироламо Савонаролы постепенно созревала мысль о том, чтобы посвятить себя монашеству. Эта мысль долго и мучительно прокладывала себе путь. Главным препятствием, которое надлежало преодолеть, было чувство привязанности к семье. Однако любовь ко Христу и святой Церкви, не дававшая ему покоя ни днем ни ночью, делала для него невыносимой мирскую жизнь. В 1472 году, когда ему шел двадцатый год, Джироламо выразил свое душевное волнение в стихотворении, озаглавленном по-латыни «De culpa mundi» («О нестроении мира»). В нем он заклеил позором коррупцию, распространяющуюся в современном ему обществе, где, как казалось, угасли всякие проявления добродетели, а штурвал корабля оказался «в руках пирата», грозя гибелью Святому Престолу и собору св. Петра — «где правят бал разврат и всякий грех». Свое стихотворение Джироламо завершил призывом к музе поэзии бежать прочь из дворцов и избегать людей власти, облаченных в пурпурные мантии, привыкнуть к мысли о том, что лишь немногие смогут оценить ее по достоинству, ибо «на тебя ополчится весь мир».

К этому времени Джироламо уже закончил «тривий» и «квадривий»¹ с тем, чтобы приступить к изучению медицины. Его родители мечтали о том, чтобы Джироламо пошел по стопам деда, чтобы он ни в чем не уступил ему в профессионализме и славе. Однако голова Джироламо была занята тревожными размышлениями о коррупции и ее опасности для христианства. В 1475 году обуревавшая Савонаролу страсть заставила его еще раз выразить в стихах уже известные нам мысли. В стихотворении «De ruina Ecclesia» («О нестроении Церкви») он представил Церковь в виде вдовы в траурном одеянии и лишенной украшений. Юный поэт задает ей дерзкий вопрос: «Кто причинил ей горе?» Со вздохом она отвечает, что «в ее горе повинна Вавилония, надменная блудница». Поэт уверен, что «обидчицу изгонят из храма». Однако оскорбленная вдова советует ему воздержаться от слов по причине опасных обстоятельств: «Иди, путник, своей дорогой и не допытывайся напрасно о том, что касается меня, ибо не можешь дать мне никакого исцеления или доставить какую-нибудь пользу... Не хотела я, о странник, поведать тебе то, что касается меня, опасаясь, чтобы ты, предав это писанию, не навлек на себя ненависти...»²

Все чаще юный феррарец размышляет о тщетности земных благ и краткости земной жизни. Страстное желание благ вечных побуждает его посвятить свою жизнь Господу, приняв монашеское облачение. «По божественному озарению я начал тогда презирать все земные блага, — напишет Савонарола впоследствии, — и воспылав невероятным желанием обрести Царство Небесное и решив посвятить всего себя без остатка нашему Господу Иисусу Христу, я пришел к убеждению, что нашел наконец величайшее сокровище на ниве Господа, и продал все, что имел, и приобрел эту ниву»³.

¹ «Тривий» — учебный цикл из трех словесных наук — грамматики, диалектики и риторики; «квадривий» — цикл из четырех математических наук — арифметики, музыки, геометрии и астрономии. — *Прим. пер.*

² Это стихотворение Савонаролы мы даем в переводе Максима Грека. — *Прим. пер.*

³ SAVONAROLA G., *Dialogus de Veritate prophetica*, lib. III, EN, p. 277.

Летом 1474 г. по случаю религиозного праздника Джироламо побывал в Фаэнце. В церкви, посвященной св. Августину, он случайно услышал слова проповедника, которые потом не мог забыть: «Оставь землю свою и дом отца твоего, иди в ту землю, которую я тебе укажу». «Так услышал я слово, которое и по сей день храню в своем сердце, — рассказывал Савонарола в 1496 г. — Не прошло и года, как я пошел в указанную мне землю и стал монахом»⁴.

Приняв решение стать послушником, Савонарола стал выбирать среди существовавших тогда монашеских орденов. В Ферраре их было немало. Был здесь и монастырь доминиканцев. Нам неведомы причины, побудившие его выбрать именно этот Орден. Однако мы знаем, что слово, услышанное им в Фаэнце и усиленное внутренним голосом, заставило его покинуть родину. Словно повинувшись какой-то тайной силе, он направил свои стопы в Болонью. Полсотни километров, отделяющие Феррару от Болоньи, в современных условиях не являются значительным расстоянием, чего не скажешь о второй половине XV столетия.

Однако Джироламо еще предстояло преодолеть гораздо более существенное препятствие — расставание с родителями и братьями. Обдумав свое решение несчетное количество раз, он наконец осмелился бежать из дома, при этом ни с кем не прощаясь. Он понимал, что мука прощания с родными может оказаться выше его сил. Причину своего отъезда он решил доверить бумаге и, чтобы исчезнуть незаметно, воспользоваться шумным праздником св. Георгия. Но когда вечером 23 апреля он в последний раз взял в руки свою лютню, пальцы его исторгли из инструмента столь грустные звуки, что у матери на мгновение сжалось сердце, словно она предчувствовала то, что должно было произойти. «Сын мой, — обратилась она к нему, — неужели ты играешь песню прощания?» Усилием воли Джироламо справился с охватившим его волнением и, как мог, успокоил ее.

---

⁴ Id., *Prediche sopra Ezechiele*, vol. I, EN, p. 374.

На следующее утро он оставил отчий дом и отправился в болонский монастырь, где уже несколько веков хранятся мощи святого Доминика, основателя Ордена Проповедников. Оказавшись за монастырскими стенами, он написал своему отцу письмо с объяснением своего поступка и словами утешения:

«Досточтимейший отец мой, знаю, как много горя причинил вам мой отъезд, тем более, что я уехал тайком. Этим письмом мне хотелось бы объяснить вам причину... Первая причина, побудившая меня избрать монашескую жизнь, такова: величайшее бесславие мира и бесчестье людей... В таком мире уход в монастырь стал моим величайшим желанием, вот почему я ежедневно молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он избавил меня от этой грязи, и, обращаясь к Господу, я непрестанно повторял: “Укажи мне путь, ибо к Тебе возвысил я душу мою. Разве не будет считаться проявлением огромной неблагодарности с моей стороны, если, получив от Бога указание праведного пути, о котором я так горячо молил, я вдруг не приму его? Господи Иисусе, лучше тысячу раз умереть, чем проявить подобную неблагодарность!..”

Не думайте, будто не испытал я огромной боли при расставании с вами. Знайте же, что с той поры, как я появился на свет, никогда не изведал я более жгучей боли, чем та, которая обожгла меня при расставании с родными и уходе к чужим людям, дабы принести себя в жертву Иисусу Христу и отдать волю мою в руки тех, кого я никогда не знал. Но осознав, что меня призывает Бог и что Он не погнушался стать рабом среди нас, низких червей, я почувствовал, что не могу не подчиниться Ему, взывающему по-отечески: “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас”⁵... Знаю, как вам обидно, что ушел я из дома тайком, чуть ли не бежал от вас. Скажу только, что настолько велика была моя боль и страдание мое, терзавшее сердце при одной только мысли о том, как мне предстоит вас покинуть, что если бы я обнаружил это чувство перед вами, то тогда и в самом деле сердце

---

⁵ Мф 11, 28.

мое разорвалось бы на части прежде, чем я переступил бы порог отчего дома...

Скоро пройдут дни, когда будет саднить не зарубцевавшаяся рана. Потом, я надеюсь, мы оба, вы и я, получим утешение... Об одном прошу вас сейчас по-мужски — утешьте мать мою, которую я умоляю, так же, как и вас, дать мне свое благословение»⁶.

Среди бумаг, которые Джироламо оставил в Ферраре для утешения родителей и братьев и в оправдание своего решения, выделяется краткое латинское сочинение «О пренебрежении к миру». В нем содержится описание нравственного упадка общества. Однако в этом же сочинении Джироламо засвидетельствовал свое подлинное восхищение теми сверстниками, которые и в ту эпоху посвящали себя служению Господу. «И вот крестьяне и женщины более жизнью своей, нежели словами, дают нам пример пренебрежения делами людскими и подражания Христу... Дети и подростки оставляют мир и его плотские вожделения, прекрасно сознавая тленность мирских дел»⁷.

Подобные поступки никогда не оставляли его равнодушным. Каким-то особым чутьем он прозревал в них действие надличностной сверхъестественной силы всякий раз, когда сам принимал в послушники десятки молодых людей в конгрегации⁸ св. Марка.

Однако последуем за молодым феррарским иноком в болонский монастырь, где 26 апреля 1475 г. из рук настоятеля, брата Георгия да Верчелли, он принял монашеское облачение. Сама простота и скорость, с какой он был принят в монастырь, заставляют предполагать, что брат Иероним заранее позаботился о своем вступлении на это поприще, по меньшей мере окольными путями установив отношения с кем-либо из наиболее влиятельных священноинокв этого монастыря. От феррарских доминиканцев

---

⁶ RIDOLFI R., *Lettere di Girolamo Savonarola*, Firenze 1933, pp. 1-3.

⁷ SAVONAROLA G., *Operette spirituali*, vol. I, EN, p. 3.

⁸ Конгрегация (*lat. congregatio* — соединение) — здесь — объединение родственных религиозных организаций, например, нескольких следующих одному уставу монастырей или группы общин, составляющих структурное подразделение одной организации. — *Прим. пер.*

в Болонье могли быть получены только блестящие отзывы. Для того, чтобы стать добрым монахом, этому молодому человеку не понадобилось многое менять в своем поведении. Он даже сохранил имя, данное ему при крещении, несмотря на то, что в те времена уже почти вошло в обычай менять его на имя какого-либо святого, особенно почитаемого в новой монашеской семье.

На первых порах феррарский студент-медик пожелал принять облачение монаха-конвертита⁹, своим черным скапулярием¹⁰ и капюшоном напоминавшее облачение цистерцианцев¹¹. Однако после экзамена, которому брат Иероним был подвергнут перед специально созванной комиссией, он больше не решился возражать настоятелям, которые сочли его достойным тонзуры, то есть посвящения в духовный сан. На время послушания, длившегося целый год и начинавшегося с пострижения в монахи, учение прерывалось для получения духовного образования. Однако перспектива двенадцатимесячного перерыва совершенно не беспокоила его. Джироламо был уверен в том, что он исполняет святую волю Господа.

Как свидетельствуют некоторые собратья, успевшие в то время хорошо познакомиться с братом Иеронимом, его отличали ревностное соблюдение обета молчания и готовность исполнять волю других. Он не только послушно исполнял повеления настоятелей. Достаточно было искреннего пожелания одного из собратьев, чтобы Джироламо «поступил в его полное распоряжение»¹².

⁹ Монахи-конвертиты — с XII в. — название особой категории монахов, исполнявших, как правило, физическую работу и не участвовавших в управлении монастырем; само название восходит к временам раннего христианства, когда так называли людей, принявших монашество в зрелом возрасте. — *Прим. ред.*

¹⁰ Скапулярий (*от лат. scapula* — плечо) — часть монашеского облачения в некоторых орденах, состоящая из двух прямоугольных кусков материи, сшитых между собой, с отверстием для головы; является символом монашеского самоотречения. — *Прим. ред.*

¹¹ Орден Цистерцианцев был основан в XI веке и действовал на основе устава св. Бенедикта Нурсийского в русле отшельнической традиции. — *Прим. пер.*

¹² FRA PLACIDO CINOZZI, *Epistola // VILLARI-CASANOVA, Scelta di prediche di Fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti*, Firenze 1898, p. 4.

ПОСЛУШАНИЕ И ПЕРВЫЕ УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ

По промыслу Божию, брат Иероним и его болонские братья имели идеальные условия для учебы. В монастыре св. Доминика в Болонье как бы возродились лучшие академические традиции братьев-проповедников, и все это благодаря правильному соблюдению монашеского устава. В те времена этот монастырь пользовался заслуженной славой, причем не только как монастырь, искоренявший злоупотребления, но и как научный духовный центр.

В числе преподавателей богословия, чьи лекции слушал Савонарола, был Пьетро да Бергамо (ум. 1482), составитель «Tabula Augea» («Золотой скрижали»), то есть свода трудов св. Фомы Аквинского¹. Этот труд является непревзойденным рабочим ин-

---

¹ Св. Фома Аквинский (1225-1274) — итальянский богослов, монах-доминиканец, в 1323 г. был причислен к лику святых. Основной принцип философии Аквината — гармония веры и разума; он считал, что разум способен рационально доказать бытие Бога и отклонить возражения против истин веры. Св. Фома считает, что разум сам по себе выше воли, однако делает оговорку, что в жизненной плоскости любовь к Богу важнее, чем познание Бога. В трактате «О правлении государей» он излагает представления о человеке как общественном существе, об общем благе как цели государственной власти и о моральном добре. Св. Фома признает право народа восстать против тирана, извращающего справедливость. Осн. соч.: «Сумма против язычников» (1261-1264), «Сумма теологии» (1265-1273).

струментом, который с необходимыми дополнениями неоднократно переиздавался на протяжении нескольких веков и сохраняет свое значение до сегодняшнего дня.

Под руководством подлинных мастеров своего дела умы молодых людей раскрывались навстречу познанию мысли Аквината и диалектическому сопоставлению с иными философскими и богословскими школами древнего и современного мира. Величайшими оппонентами томизма в то время были Иоанн Дунс Скотт и Уильям Оккам², в отношении которых Савонарола в дальнейшем стал проявлять особую суровость. Отметим также усердие Савонаролы при изучении трудов Джованни Капреоло (ум. 1444), бывшего настолько острым и беспощадным критиком упомянутых противников Аквината, что он даже заслужил титул «первого среди томистов». С не меньшим пылом выступал он и против аверроистов, фанатичных последователей аристотелизма в изложении Ибн-Рошда, знаменитого арабского ученого XII века³.

Джироламо стремился понять причины, по которым его учителя восстали против нового умственного поветрия, созданного гуманистами. Как прилежный ученик, он вчитывался в писания на эту тему, оставленные блаженным Иоанном Доминичи (ум. 1419) и св. Антонином, флорентийским архиепископом⁴. Он уяснил, что увлечение античными философами, в особенности Пла-

---

² Дунс Скотт (1265-1308) — монах-францисканец, в отличие от св. Фомы Аквинского стремился отделить философию от теологии, установил известное в современной математической логике положение: «Из лжи следует все что угодно»; Оккам (ум. ок. 1349) — английский богослов и философ, наряду с Дунсом Скоттом — один из лидеров схоластической оппозиции томизму; утверждал, что бытие Бога и другие религиозные догматы не могут быть доказаны с помощью разума и основаны исключительно на вере. — *Прим. пер.*

³ Ибн-Рошд (лат. транскрипция — Аверроэс; 1126-1198) — средневековый арабский философ и ученый, живший в Испании в период Кордовского халифата, развивал материалистические элементы философии Аристотеля. Известно учение Аверроэса о «двойственной истине» — «аверроизм». — *Прим. ред.*

⁴ Св. Антонин способствовал распространению учения св. Фомы Аквинского. — *Прим. пер.*

тоном, не может быть допустимым. Изящество и чистота языка, характерные для классиков, не могут считаться верным мерилom в поиске наилучшего решения самых трудных вопросов человеческой мысли. Сарказм, с каким гуманисты пытались похоронить схоластическую философию и богословие, не может быть принят в качестве основательного довода, но должен оставаться тем, чем он и был на самом деле, — хоть и забавной, но бесплодной литературной игрой. Размышляя таким образом, Савонарола считал также смехотворным и то поклонение, которым литераторы-гуманисты окружили колдовство и астрологию.

Более всего его внимание привлекала священная наука с ее особым догматическим складом и источниками — Священным Писанием и Церковным Преданием. В 1476 г., когда он приступил к изучению богословия, в Венеции вышло полное издание Библии. Заполучив его, Савонарола тотчас принялся испещрять узкие поля книги собственными примечаниями и продолжал это занятие в течение всего периода своего ученичества, то есть до своего пребывания в Ферраре, о котором мы вскоре расскажем. Почти чудом эта «комментированная» Савонаролой Библия сохранилась до сегодняшнего дня⁵.

Наряду с этими примечаниями дошла до нас также слава о его исключительном знании Священного Писания. Кое-кто из его современников даже полагал, будто он знает всю Библию наизусть. Как бы то ни было, добродетели в нем созревали и обретали конкретные черты те намерения, с которыми он вступил в год своего послушания.

Из свидетельств непосредственно знавших его собратьев явствует, что он стремился привести свое личное поведение в полное соответствие с теми строгими правилами, исполнения которых он впоследствии потребовал от всех монахов:

«Главная забота монаха — денно и нощно безраздельно пребывать душой с Господом Богом при помощи молитвы, созерцания и пламени негасимой любви. Но этого не достичь

---

⁵ См.: RIDDOLFI R., *op. cit.*, p. 497, п. 43. Эта реликвия хранится в монастыре св. Марка во Флоренции. — *Прим. ред.*

без душевного спокойствия; оно же несбыточно без полного отречения от любви к прочим тварям и к себе самому вплоть до пренебрежения собственной жизнью. Для достижения этой цели надобно прежде всего блюсти надлежащие правила.

Во-первых, монах должен настолько возлюбить нищету, в общем и в частности, чтобы прочно утвердить в своем сердце нежелание обладать какой бы то ни было собственностью или вещью для своего личного обихода, разве что таковая ему совершенно необходима, то есть возлюбить нищету настолько, чтобы возненавидеть всякое богатство, малое или большое, и даже одеяния, излишние для скромной жизни, наслаждаться нищетой монастыря и огорчаться его изобилием, испытывать желание жить в величайшей нужде вплоть до крайней бедности, ибо истинный нищий вкушает блаженство от нищеты.

Во-вторых, в том, что касается обета целомудрия, монах должен чураться всякого плотского наслаждения, воздерживаясь не только от недозволенного, но даже и от дозволенных развлечений, дабы никогда и ни в чем не давать себе послаблений в соблюдении строгих правил; ему надлежит истязать плоть, пребывать в постоянном недовольстве самим собой, соблюдая разумную дисциплину, не попустительствовать всем чувствам своим, удерживаясь от исполнения своих желаний. Да вкусит он наслаждение от плача и стона, вторя Псалмопевцу, обращающемуся к Господу: *В день скорби моей ищу Господа*⁶.

В-третьих, да помнит он о послушании Господа нашего Иисуса Христа Матери Его и названному отцу Иосифу и о покорности Его до последнего часа и крестной смерти. Да старается он всеми своими силами смиренно покоряться не только настоятелям, но и равным и подчиненным себе, то есть всем — даже самым низким, но в пределах, допустимых положением его, дабы иметь возможность повторить за Апостолом: *Вы освободились от греха и стали рабами Богу*⁷.

---

⁶ Пс 76, 3.

⁷ Рим 6, 22.

В-четвертых, да блюдет он язык свой, чтобы избежать не только речей непотребных, но и пустых и праздных, стараясь при этом не удлинять даже речей необходимых... Ничем демон не обманывает инока так, как говорливостью, отвлекая его таким образом от молитвы и размышления. Будучи однажды отторгнутым от них, монах утрачивает всякую силу духа, после чего лукавому ничего не стоит одержать победу над ним по прихоти своей.

В-пятых, да сторонится он развлечений, то есть воздействий, направленных на расслабление души, каковыми являются диковины всякого рода, служащие приманкой для чувств и разума. Желаящие видеть, слышать или знать многие и бесполезные вещи лишь дробят душу свою на многие части и тем самым утрачивают способность сосредоточиться и пребывают в рассеянности. Посему к делам и похождениям других нам не следует проявлять любопытства с тем, чтобы в конечном счете искоренить вообще всякое любопытство к ним. Таким образом, надлежит оставить полностью на усмотрение начальства монастырские свары. Некоторые же, напротив, с нескромным рвением, прекословящим совести, вожделеют знать обо всем и ввергают себя в смущение, наводняя душу свою измышлениями, недовольством, ропотом, а нередко и завистью, тщеславием и сплетнями о вышестоящих и других собратях. Если в монастыре не нашлось для тебя никакой должности, то возрадуйся, ибо можешь насладиться большим покоем. Если же у тебя есть должность, тогда исполняй ровно столько, сколько требуется от тебя, но со смирением и без ропота. Не пожелай той или иной должности, но пребывай в мире и с большим желанием соглашайся на должности низкие, чем сулящие почет и уважение. Короче говоря, тебе следует остерегаться, насколько это возможно при сохранении милосердия и послушания, всего, что нарушает душевное равновесие и покой. В противном случае тебе не обрести мира.

В-шестых, монах должен избегать общества, в особенности состоящего из людей мирских и странствующих монахов,

и прежде всего, общения с женщинами и собственными единокровными родственниками, так как он должен любить одиночество. Ему не следует показываться на людях, разве что по какому-либо безотлагательному благочестивому или полезному делу, но и в подобных случаях — лишь на кратчайшее время. И тем не менее — пусть инок не осуждает кого бы то ни было за это и не покрывает презрением. Ему надлежит презирать себя самого, видя себя со стороны как человека низкого и недостойного монашеского облачения и общества других братьев.

В-седьмых, монах должен молиться и размышлять с величайшим усердием и старанием, чтобы как можно чаще устремлять свои помыслы к Богу. Кроме того, он должен прибегать к краткой усердной молитве как в храме, так и в трапезной, как у себя в келье, так и на людях, всякий раз — и когда он садится, и когда он идет... Поступая таким образом, обретет он спокойствие души и настолько приблизится к Богу, что не сможет помышлять о чем-либо ином или любить что-либо иное и в некотором смысле испытает блаженство уже в этой жизни.

Тот, кто соблюдет эти семь правил, будет вознагражден семью дарами Духа Святого... А монахов, не придерживающихся этих правил и бредущих по жизни, не думая о конце своего жизненного пути, постепенно охватывает равнодушие, злословие, себялюбие, гневливость, желчность, болтливость, паясничанье, и они даже более сопротивляются покаянию, чем мирские люди...»⁸

В сравнении с этими правилами, которых Савонарола неизменно придерживался с наибольшей последовательностью, иноческая жизнь многих собратьев Ломбардской конгрегации и монастыря св. Доминика вряд ли могла считаться столь же истовой и правильной. И вопреки намерению не вмешиваться в чужие дела, Савонарола тем не менее не мог молчать перед лицом особенно вопиющих случаев беззакония и не высказать упреков в адрес собратии.

Однако в общем он был доволен своим духовным окружением, а его конгрегация была довольна им. Об этом свидетельствует

---

⁸ SAVONAROLA G., *Opere spirituali*, vol. I, EN, pp. 71-74.

та быстрота, с какой он был посвящен в духовный сан. Так, в 1476 г., то есть в год его торжественного пострижения в монахи, он был посвящен в сан младшего диакона. Говоря точнее, посвящение состоялось в день его рождения. Несколько месяцев спустя, в 1477 г., он стал диаконом⁹. Нам не известна дата его посвящения в пресвитеры, но все заставляет предполагать, что и это событие произошло в полном соответствии с каноническим правом.

Богословский курс он продолжил и после рукоположения в священники. В доминиканских монастырях богословский курс носил характер непрерывного обучения. Однако с формальной точки зрения, если применить к тому времени современные понятия, диплом о высшем богословском образовании о Джироламо получил в 1479 г., так как в этом же году он был направлен в феррарский монастырь, на свою родину, судя по всему, в качестве начальника богословского курса или группы студентов-богословов. В те времена в образовательной системе Ордена Доминиканцев это ученое звание считалось предварительным накануне получения профессорского звания, дававшего право вести самостоятельный курс. Профессором же можно было стать, защитив ученую степень бакалавра и доктора богословия. Таким образом, готовясь к получению необходимых ученых степеней, молодой Савонарола подвизался на должности, как бы мы сказали сегодня, ученого секретаря духовной семинарии, время от времени заменяя того или иного «лектора» или профессора.

В дальнейшем, как мы увидим, Савонарола будет переведен на ту же работу в Болонскую духовную академию. Дело в том, что в Ферраре кафедра богословия не присуждала ученых степеней, хотя и предоставляла соискателю прекрасные возможности проявить свои педагогические способности в качестве перспективного ученого.

---

⁹ Диакон (греч. *διακονος*) — священнослужитель низшей из трех степеней священства, который должен помогать, прислуживать пресвитерам и епископам при совершении ими таинств и других священнодействий. В обязанности диаконов также входит хранение священных сосудов, наблюдение за чистотой престола и церковное письмоводство. — *Прим. пер.*

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ТОСКАНЕ

Назначение в феррарский монастырь позволило о. Джироламо поддерживать прямые отношения со своей семьей. Мать Джироламо, разумеется, наиболее усердно посещала приемную монастыря Богоматери Ангельской, невзирая на увещания и трогательные упреки сына, который, казалось, чуждался всяких семейных привязанностей. Пребывание о. Джироламо в Ферраре, судя по всему, было недолгим — чуть более двух лет. В то время Феррара жила в обстановке угрозы войны, которую Папа Сикст IV¹ пожелал вести на стороне Венеции и которая впоследствии завершилась подписанием Баньольского мира (1484 г.). По этой причине в конце 1481 г. в Феррарском университете ввиду предстоящей войны занятия были прекращены, а студенты — распущены по домам.

Тем временем доминиканская конгрегация² Ломбардии, в ту эпоху охватывавшая собой весь бассейн реки По с прилегающи-

¹ Сикст IV пытался «округлить» владения Церкви, приняв участие в феррарских войнах (1482-1484 гг.). Сикст IV был меценатом. Сикстинская капелла в Ватикане названа в его честь. — *Прим. пер.*

² Конгрегация — здесь — внутренняя структура монашеского ордена, объединяющая монастырские общины в рамках определенной территории; в настоящее время чаще называется «провинцией». — *Прим. ред.*

ми территориями, приняла решение созвать в апреле 1482 г. в Реджо-Эмилии свой капитул³. Получил приглашение и молодой Савонарола для участия в академическом диспуте, привлекавшем, по обычаю того времени, внимание ученого мира. Среди маститых ученых, прибывших на эту академическую встречу, был также молодой человек, не достигший и двадцатилетнего возраста, но уже заставивший о себе говорить, который в дальнейшем сыграл свою роль в жизни о. Джироламо. Это был граф Джованни Пико делла Мирандола. Диалектичность мысли, убежденность и неповторимо строгое ораторское искусство Савонаролы произвели на него неизгладимое впечатление. По прошествии восьми лет он вспомнит о феррарском иноке, побудив Лоренцо Великолепного пригласить его во второй и, как окажется, в последний раз во Флоренцию.

Однако не станем торопить время. Рассмотрим, как разворачивались события в течение 1482 г. Капитул, состоявшийся в Реджо-Эмилии, назначил о. Джироламо лектором во флорентийский монастырь св. Марка, который в то время входил в Ломбардскую конгрегацию и управлялся о. Викентием Банделли, уже снискавшим известность своими богословскими диспутами. Впоследствии он прославится в качестве генерального настоятеля⁴ Ордена (с 1501 по 1506 гг.).

Получив предписание, Савонарола направился во Флоренцию. Этот город оказался для него роковым, ибо именно там, немногим более, чем через полтора десятка лет, он встретит свою мученическую смерть.

Вполне вероятно, что утомительный переход через Тосканско-Эмильянские Апеннины о. Джироламо совершил вместе с настоятелем монастыря св. Марка, возвращавшимся в свой мо-

---

³ Капитул (*лат. capitulum*) — собрание настоятелей и специально выбранных делегатов из числа монахов, на котором обсуждаются проблемы, касающиеся всего Ордена (генеральный капитул) или отдельной провинции (провинциальный капитул); на капитуле избирается руководство Орденом или провинцией. — *Прим. ред.*

⁴ Генеральный настоятель — основное название главы католического монашеского Ордена. — *Прим. ред.*

настырь по завершении заседаний капитула. Таким образом, о. Банделли мог ближе познакомиться с младшим собратом, которому предстояло приступить к преподавательской работе во флорентийском монастыре.

Флоренция, завершив тогда жестокую борьбу за господство в Тоскане, переживала один из наиболее блестящих периодов своей истории. Пусть и не столь многолюдная, как Феррара, Флоренция обладала большим престижем в силу гениальности и многочисленности своих художников, писателей и процветания своей торговли в Италии и за ее рубежами. Правление Флоренции только на бумаге оставалось республиканским, так как на самом деле оно полностью находилось в руках Лоренцо Великолепного (1449-1492), как это было и при его деде Козимо Старшем, который правил с 1434 по 1464 год. Будучи щедрым меценатом, Лоренцо Великолепный был олицетворением власти даже в крупнейших монастырях города, не исключая Сан-Марко, над которым со дня его основания семейство Медичи осуществляло покровительство. Человек коварный и беспощадный, Лоренцо при помощи своей искусной политики научился подавлять в зародыше любые притязания противников. Очень скоро о. Джироламо разглядел в нем все типичные черты тирана. Разврат, подкуп, лихоимство — все, против чего Савонарола с младых лет выступал, осуждая свое поколение, проявилось во Флоренции в самых гнусных формах.

Должность «монастырского преподавателя богословия» помогла новоприбывшему установить отношения со всеми членами общины св. Марка, в особенности с молодыми монахами. Первый биограф Савонаролы, уже цитировавшийся нами о. Плачидо Чиноцци, так передает впечатление непосредственного очевидца: «Согласно тому, что сообщил мне один из иноков, человек, разумеется, богобоязненный и его ученик, о. Иероним в силу своего учения и своего примера был всеми весьма почитаем, и он настойчиво призывал всех изучать Писание. Этот же инок сказал мне, что чаще всего, когда о. Иероним приходил читать лекцию, глаза его, как заметил этот инок,

были орошены слезами, так как, надо думать, перед лекцией он скорее всего молился, а не затверживал лекционный материал. Однако поскольку он превосходно владел им, лекции он читал наилучшим образом»⁵.

Можно сказать, что во время своего первого пребывания в монастыре св. Марка о. Джироламо читал курс введения в богословие для студентов, обучая будущих бакалавров науке истолкования священного текста. Однако документы из первых рук свидетельствуют о необычайно широком круге его культурных интересов.

В 70-е годы нашего века в Амброзианской библиотеке⁶ Милана был найден кодекс, миниатюрная записная книжка, в которую Савонарола почти ежедневно вносил названия прочитанных им книг, перечислял поэтические сочинения — как собственные, так и других авторов, — фиксировал планы своих прозаических работ и проповедей. Датировка этого кодекса относит его как раз к описываемому нами периоду первого назначения Савонаролы в монастырь св. Марка. На внутренней стороне обложки о. Джироламо так изложил программу своей жизни:

«Проповедник должен быть наполнен Богом, то есть исполнен Духа Святого, любви и Божественной Премудрости. Он должен поставить себя вне своего “я”, иными словами, он должен взять из себя все, что ему надлежит выразить, и целиком отстраниться от самого себя. Кроме того, он обязан пребывать вне своего “я”, чтобы не следовать в своих словах и в своем учении обыденному языку, то есть ему надлежит избегать приемов ораторского искусства и внешней философии, ибо изо всех сил он должен стремиться соответствовать образу Священного Писания»⁷.

---

⁵ См. VILLARI-CASANOVA, *op. cit.*, pp. 10 ss.

⁶ Амброзианская библиотека (Biblioteca Ambrosiana) основана в Милане в 1603-1609 гг. архиепископом миланским св. Карлом Борromeо (1594-1631). В ее рукописном фонде хранится более 15 тысяч древних манускриптов. — *Прим. пер.*

⁷ См. CATTIN G., *Il primo Savonarola*, Firenze 1973, p. 13.

Там же, на внутренней стороне обложки, свои глубочайшие устремления он выразил в виде молитвы:

«Всемогущий Боже, Ты знаешь, что надобно для труда моего, и ведомы Тебе все помыслы мои. Не прошу у Тебя власти и сокровищ, подобно жадному слепцу, не нужны мне города или замки. Одного прошу, милостивый Боже, пронзи сердце мое любовью Твоей»⁸.

Черновые записи, оставленные нам молодым преподавателем богословия, не являются духовным дневником в собственном смысле этого слова. Достоинство этого документа в другом — его страницы конкретно показывают нам, какими были помыслы, культурные и пастырские интересы о Джироламо в то время, когда он завершал приготовление к проповедническому служению, к которому, по его ощущению, он был призван.

«Преподаватель богословия» и проповедник в этом юношеском дневнике не соперничают между собой и не прекословят друг другу. Как и подобает истинному доминиканцу, эти два служения гармонично сосуществуют и взаимно дополняют друг друга, согласно известному афоризму св. Фомы Аквинского — «Contemplari et contemplata aliis tradere», то есть «Совершенная гармония царит между активной и созерцательной жизнью»⁹. Созерцательная душа Савонаролы проявляет себя в выборе тем, в живом и страстном развитии мотивов, наиболее конгениальных христианским мистикам. В пяти поучениях о Джироламо, например в «Слове о Вознесении Господа», менее всего говорится о Вознесении, а более всего — о даре Духа Святого, представленного как лобызание Христом своей мистической Невесты — святой Церкви¹⁰. Тема взята из св. Бернарда, но развитие ее — очень личностное.

---

⁸ Ibid., p. 207. Эта молитва написана Савонаролой в стихотворной форме. Заключительные слова по-латыни звучат так: «*Vulnera cor meum caritate tua*». — Прим. пер.

⁹ См. *Summ. Theol.*, II-II, q. 188, aa. 6, 7.

¹⁰ См. САНТИН Г., *op. cit.*, pp. 128-135, 302-306.

Вот почему стоит заглянуть на страницы этого небольшого кодекса, проливающие яркий свет на сложный период становления тридцатилетнего феррарского инокa, погруженного в научную работу и одновременно занятого пастырской деятельностью. Эта своеобразная записная книжка приоткрывает завесу, за которой скрывается его высочайшая духовность. Так, на ее страницах можно найти наброски его первых проповедей 1483-1485 гг., разнообразные записи по широкому кругу вопросов, впоследствии развернутые в трактаты и брошюры, поэтические опыты — его собственные религиозные стихи и строфы других авторов, — выписки из трудов, посвященных различным сторонам священной истории и истолкованиям Библии, творений Отцов Церкви, трудов св. Фомы Аквинского и его комментатора Джованни Капреоло, «Суммы истории» св. Антонина и многих статей «Свода канонического права».

Заслуживают внимания также его многочисленные заметки, касающиеся вопроса об отлучении от Церкви и о различных условиях, необходимых для соблюдения законности. Можно предположить, что молодой монах с самого начала предчувствовал, что по достижении зрелости ему предстоит испытание этим церковным наказанием, однако нам еще предстоит убедиться, сколь несправедливой окажется подобная кара. Быть может, к изысканиям в этом направлении канонического права его подтолкнула сама монастырская школа, в стенах которой в те годы обсуждался вопрос о законности, сфере применения и длительности духовного запрещения, наложенного Сикстом IV на оппонентов тезиса о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы¹¹, который подерживали францисканцы.

Доминиканцы в большинстве своем критично отнеслись к этому запрещению Сикста IV, так как сами они были против

---

¹¹ Непорочное Зачатие Пресвятой Богородицы — Учение об изначальной безгрешности и уникальной святости Пресвятой Богородицы. Получило особенное распространение в Восточной Церкви в VIII в. и было развито богословами Западной Церкви. В 1854 г. было провозглашено Папой Пием IX в качестве догмата Католической Церкви. — *Прим. ред.*

такой привилегии Пресвятой Девы и отстаивали свое, представлявшееся им верным, истолкование мысли св. Фомы Аквинского. Во всяком случае, во Флоренции многие были убеждены в том, что Сикст IV, который при жизни своей отнюдь не прославился святостью, использовал инструмент запрещений по собственному произволу, в чем флорентийцы смогли убедиться в связи с трагическим исходом заговора Пацци¹². Монахи монастыря св. Марка полагали, что запрещения не только несправедливы, но и незаконны. Дело в том, что именно в эти годы их настоятель о. Банделли резко выступал против «привилегии Девы Марии», и нет оснований предполагать, будто он тем временем успел отказаться от своих взглядов.

Сказанное не означает, однако, что почитание Пресвятой Богородицы в монастыре св. Марка было недостаточно глубоким. Напротив, исторические документы донесли до нас, что именно в эти годы (1481-1485) при доминиканском монастыре было учреждено Общество молитвы Розария¹³. Сохранившийся до сего дня устав свидетельствует, что, по всей вероятности, речь идет о первом в Италии Обществе Розария.

---

¹² На пути «округления» папских владений стояли Медичи, превратившие Флоренцию в богатое и могущественное государство. За устранение Медичи, по наущению Сикста IV, взялся конкурент Медичи банкир Пацци, решивший убить Лоренцо Медичи и его брата Джулиано во время официального приема приехавшего во Флоренцию кардинала Риарио, папского nepota. Заговорщики напали на братьев Медичи в церкви во время торжественного богослужения. Был, однако, убит лишь Джулиано. Государственный переворот 27 апреля 1478 г. не удался. Папа заявил, что он не думал, будто под «устранением» братьев Медичи нужно было разуместь их убийство, и наложил интердикт (запрещение) на Флоренцию. — *Прим. пер.*

¹³ Розарий (лат. *rosarium* — венец из роз) — католическая молитва по четкам, посвященная размышлениям о Тайнах жизни, смерти и воскресения Христа, сопровождаемая чтением «Отче наш», «Радуйся, Мария» и «Слава Отцу».

От старинных биографов нам известно, что первые свои проповеди вне монастырских стен Савонарола читал Великим постом 1483 г. в церкви, называемой Делле Мурате, и Великим постом 1484 г. в церкви Сан-Лоренцо. Вот как, например, Плачидо Чиноцци, очевидный свидетель, рассказывает об этой второй проповеди: «Ввиду Великого поста он был избран проповедовать в Сан-Лоренцо. Однако, не порадовав почти никого ни внешним видом своим, ни ораторскими приемами (помнится, к концу Великого поста в церкви оставалось менее 25 прихожан, если, конечно, считать вместе мужчин, женщин и детей), он, видя это, принял решение навсегда оставить проповедническую деятельность и вместо этого сосредоточиться на преподавании. После чего он отправился в Ломбардию»¹⁴.

Разумеется, Чиноцци по прошествии многих лет слишком упростил положение дел, преувеличив первоначальную неудачу и конфуз проповедника. На самом деле, уже на следующий год в Великий пост о. Иероним был направлен в Сан-Джиминьяно близ Сиены. Вторично он побывал там же в 1486 г. Это свидетельствует о том, что по меньшей мере в ближайших к Флоренции окрестностях суровое красноречие феррарца стало пользоваться успехом. Более того, как раз на 1485 г. приходится важнейшее событие в деятельности Савонаролы-проповедника. В этом году о. Джироламо было даровано легендарное «озарение» насчет скорого наказания, грозящего Церкви.

Это явствует из пресловутых протоколов первого судебного процесса, так называемых «*examina*» (дознаниях), датированных 19 апреля 1498 года: «Истина такова, что около 15 лет тому назад, когда я был в монастыре св. Георгия... в церкви и обдумывал план своей проповеди, мне пришли на ум многие причины (общим числом семь), в силу которых очевидно, что в ближайшее время Церкви угрожает некая кара. Исходя из этого, я начал обдумывать многие подобные вопросы... По прибытии

---

¹⁴ См. VILLARI-CASANOVA, *op. cit.*, p. 11.

в Сан-Джиминьяно для проповедей я начал проповедовать об этом. За те два года, что я проповедовал там, мною был высказан следующий вывод: Церковь не может не подвергнуться наказанию и обновлению, причем в скором времени»¹⁵.

Сфабрикованное следственное дело продолжает: «И все это мне было дано не через откровение, но через Писания». Данное утверждение слишком напоминает результат насильственного признания и манипуляции текстом. Так что в биографии Савонаролы вопрос о сверхъестественной природе этого озарения по-прежнему остается открытым.

Тем временем, в августе 1484 г., после смерти Сикста IV, состоялся настолько бурный конклав, что возникла опасность раскола Церкви. Связанные с конклавом события вдохновили о. Джироламо на написание стихотворной молитвы, которую он тотчас записал в своей книжке, сделав на полях следующее примечание: «Молитва за единство Церкви, ибо когда умер Сикст IV, по наущению дьявола в Ней началась распря — в августе месяце 1484 года. Однако Господь положил ей конец, и вскоре было восстановлено согласие — был избран Иннокентий VIII, к удивлению тех, кто опасался раскола». Эта продолжительная молитва открывается и завершается следующими строчками: «Смирный Иисусе, утешение и высочайшее благо всех уязвленных скорбью сердец, огради Рим Своей безупречной любовью».

В 1485 году, во время великопостной проповеди в Сан-Джиминьяно, Савонарола получил известие о смерти своего отца. Всего через несколько месяцев последовал следующий удар — смерть Борсо, дяди по линии отца. Можно представить горе Елены, матери Савонаролы. Он написал ей тогда длинное утешительное письмо, которое волею судеб сохранилось до нашего времени. Он писал так, как умеют писать только святые, всеми помыслами своими обращенные к ценностям вечным. Стоит процитировать хотя бы самые знаменательные отрывки. Правда, при этом есть опасность исказить убедительность целого:

---

¹⁵ См. VILLARI P., *La Storia di Girolamo Savonarola*, Firenze 1930, vol. II, pp. CXLIX-CL.

«О моя дражайшая мать, живая вера бывает огорчена только грехом, она оплакивает только поношения Господа. Крепкая вера не боится мучительных испытаний и не уничтожима смертью... Отныне стану призывать вас обратиться к любви Иисуса Христа. Посвятите себя целиком Ему во всех ваших испытаниях и благодарите Его за все, что есть... Не надо более дорожить этим миром, пусть он для вас более как бы не существует. Заботьтесь только о чистоте вашей совести и о приготовлении к смерти... Пусть мысли о дочерях более не мучают вас. Позаботьтесь только о том, чтобы душа их была преисполнена доброты, причем не только той доброты, которую хвалит мир, но доброты, которую любит Бог. Да будут они набожны, богомольны, соблюдают пост, усердно посещают церковь, как Христовы невесты. И будьте уверены, что Бог и без вас позаботится о них...»¹⁶

Можно представить, что, читая это пространное письмо, отправленное сыном из Флоренции после Великого поста, мать его, Елена Бонакossi, не могла не испытать чувства, что расстояние, разделявшее их, гораздо значительнее, чем путь из Феррары до берегов Арно.

Завершая описание этого первого периода пребывания Савонаролы в Тоскане, когда он еще не успел прославиться как проповедник, историк Джулио Каттен вполне справедливо обратил внимание на необходимость учитывать одну важную особенность положения Савонаролы. Она бросается в глаза при чтении записной книжки Савонаролы, которую Каттен ввел в научный оборот. В этом документе в изобилии представлены поучения, обращенные к простым верующим, однако нередко адресатами этих поучений являются иноки, монахини, лица духовного сословия. Эта подробность проливает особый свет на широко известный факт неудачи Савонаролы как проповедника в первый период его деятельности во Флоренции. Рядовые верующие, воспитанные на пустом красноречии других проповед-

---

¹⁶ SAVONAROLA G., *Lettere e Scritti apologetici*, EN, pp. 12 s.

ников, лишь с большим трудом могли оценить достоинства человека, который, по свидетельству современника, «в первые свои годы не обладал ни голосом, ни жестом, ни приемами проповедника...»

«Иначе дело обстояло с теми, в основном духовными лицами, которые были в состоянии обращать внимание не на формальную сторону проповеди, а на ее высочайшую ученость. Отсюда многочисленные похвальные отзывы современников о Джироламо на достоинства поучений молодого инок-экзегета»¹⁷.

Описываемый нами период, к которому мы, быть может, еще возвратимся, был неожиданно прерван назначением, бывшим для лектора такого периферийного монастыря, как Сан-Марко, значительным продвижением по службе — о Иеронима пригласили в Болонью в качестве преподавателя богословского факультета¹⁸.

---

¹⁷ CATTIN G., *op. cit.*, pp. 157 ss.

¹⁸ RIDOLFI R., *op. cit.*, Firenze 1974, pp. 37, 506, n. 12.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ПРОПОВЕДНИК ЛОМБАРДСКОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Решение о переводе созрело на заседании конгрегации, состоявшемся в Болонье в мае 1487 года. Следовательно, мы можем предположить, что Савонарола прибыл в Болонью летом того же года. Однако пять лет, проведенные на берегах Арно, оставили в его душе неизгладимый след. Он уже был вполне зрелым человеком, готовым трудиться с полной отдачей на ниве священного служения.

Некоторые недостаточно проницательные биографы с подозрением относятся к его переводу в Болонью, предполагая наличие тайной интриги Лоренцо Медичи, который якобы был встревожен апокалиптическими проповедями, прозвучавшими в Сан-Джиминьяно. Однако в то время Савонарола еще никому не внушал опасений. Он был всего лишь молодым многообещающим иноком.

Нам известно, что он проработал преподавателем на теологическом факультете в Болонье в течение только одного 1487-1488 учебного года. Затем его снова перевели в феррарский монастырь, где он и пробыл почти два года. Здесь он возобновил свои проповеди, которые прервал в связи с преподавательской работой в Болонье. Однако документы, засвидетельствовавшие его

последнее двухгодичное пребывание в Ферраре и деятельность в качестве бродячего проповедника, малочисленны и отрывочны. Биографы эпохи Савонаролы указывают на то, что он во время речной переправы в окрестностях Мантуи оказался вдруг в обществе солдат-наемников, которые ужасно сквернословили. Савонарола, воодушевленный святым рвением, решительно пресек это богохульство. Одиннадцать солдат встали перед ним на колени, моля о прощении.

Те же биографы вспоминают о его проповеди в Брешии. Судя по всему, он бывал там неоднократно. Особенно в памяти современников запечатлелись его слова о грозящем наказании за тяжкие грехи. Таким образом, когда в 1512 году французские войска под водительством Гастона де Фуа подвергли Брешию разграблению, убив тысячи безоружных жителей, оставшиеся в живых вспомнили о том, что Савонарола предсказывал это несчастье¹.

От самого о. Джироламо мы знаем, что он побывал в Брешии с проповедью во время Рождественского поста и остался в городе на само Рождество 1489 года. По окончании Рождественских праздников он снова пустился в путь, так как его ждали с проповедями в Генуе на Великий пост следующего года.

В середине января он уже был в Павии и выполнил обещание написать письмо домой к матери, которая через одного феррарского монаха уже жаловалась на его долгое молчание. Утомленный странствиями, он в своем письме к матери с подкупающей простотой описал свою жизнь, полную невзгод:

«Досточтимая мама, да пребудет с вами мир Христов. Знаю, как вы были встревожены тем, что я ничего вам не пишу уже много дней. Но так вышло вовсе не потому, что я будто бы забыл о вас. Виной всему — отсутствие письмоносца. За все это время ни разу не встретился ни один человек, который бы прибыл из Феррары и направлялся в Брешию... Когда я отправлялся в Геную, то сказал себе, что в Павии на-

---

¹ Ср. RIDOLFI R., *op. cit.*, pp. 38-41.

верняка каждый день будет какой-нибудь письмоносец и от туда я напишу вам письмо. Следуя на Великий пост в Геную, где послушание мое будет состоять в чтении проповедей, я, наконец, прибыл в Павию. Здесь, как я и предполагал, мне представилась возможность переслать вам это письмо. Так что сообщаю, что чувствую себя хорошо и ничем не болен, хотя и устал после путешествия — к тому же мне еще предстоит долгий путь в Геную.

О чем сообщить вам еще, я, право, не знаю... разве что посетовать на то, что с тех пор, как мы виделись, от вас я не получил ни одного письма и вообще никаких известий о том, как вы живете... Хорошо представляю себе, как вы терзаете себя. Поэтому, насколько хватает моих сил, я непрестанно молю за вас Господа. Иного я не умею делать. Будь я в состоянии поддержать вас как-либо иначе, то давно бы помог вам. Нынешнее мое положение — результат свободного выбора. Любовь к Иисусу сделала меня его рабом, ибо во имя моей любви Он стал человеком и явился рабом для того, чтобы даровать мне свободу во всей славе свободных сынов Божиих. Насколько в моих силах, я учусь служить Ему. И нет такой земной и плотской привязанности, которая бы вынудила меня отказаться от тяжелого труда, который я добровольно взял на себя в винограднике Его то в одном, то в другом городе. И все это я предпринимаю для того, чтобы не только спасти свою собственную душу, но и души других людей. Главное — не забывать о великом страхе Божиим и не предполагать, что я мог бы поступить не так, как я поступаю. Коль скоро Он дал мне талант, то нужно, чтобы я истратил этот талант так, как угодно Ему. Поэтому, любимейшая моя мамочка, вам не следует сокрушаться, что удаляюсь я от вас и скитаюсь из города в город, выступая с речами. Делаю я это ради спасения многих душ. И непрестанно проповедую, увещаваю, исповедую, преподаю и советую. Скитаюсь же я из одного города в другой только лишь для этой цели. Ради этого меня и посылают мои прелаты. Да послужит вам утешением, что

Господь оказал нам честь, избрав одного из детей ваших и поставив его на это служение.

Если бы я жил безвыездно в Ферраре, то, поверьте мне, я не собрал бы и сотой доли плодов, которые мне было суждено собрать вне ее стен, ибо известно, что никому из духовных лиц, за немногими исключениями, никогда не удавалось собрать урожай святой жизни в собственном отечестве. Кроме того, соотечественникам своим никогда не верят, так как доверием пользуются только чужеземцы. При этом неважно, является ли он проповедником или просто дает какие-либо советы. Недаром и Спаситель наш говорит, что нет пророка в отечестве своем.

Раз уж случилось так, что Бог оказал мне честь, избрав меня вопреки грехам моим для столь важного служения, за что я бесконечно благодарен Ему, то порадитесь и вы тоже, что тружусь я на ниве Христовой, пусть и за рубежами отечества своего, где, как мне известно, я смогу собрать несравненно больше плодов для души своей и для душ других людей, чем это было бы возможно в Ферраре. Остаюсь я в ней и пожелаю заняться тем, чем занимаюсь сейчас в других городах, не сомневайтесь — я услышал бы то же самое, в чем упрекнули соотечественники Христа: “Не плотник ли он и не сын ли плотника и Марии?” И не стали слушать Его. Так и обо мне сказали бы: “Не Джироламо ли он, который совершил такие-то грехи и был такой же, как мы? Нам прекрасно известно, кто он”. И они не стали бы набожно слушать слова мои. Ведь и в Ферраре мне не раз говорили, что мои скитания из города в город свидетельствуют о том, что у наших монастырей есть нужда в людях. Как если бы они хотели сказать: раз уж прибегают к твоим услугам, человека грешного, тогда, значит, у них никого нет.

Но за рубежами отечества моего я никогда не слышал подобных слов. Напротив — когда я собираюсь уезжать, то мужчины и женщины обливаются слезами и говорят о том, сколь высоко они ценят мое слово. Пишу об этом вовсе не по-

тому, что мне приятны похвалы, но с единственной целью — объяснить вам, в чем заключается цель моего пребывания вне родных стен. Знайте, что эту скитальческую жизнь я выбрал по своей воле, ибо я знаю, что, поступая таким образом, я делаю угодное Богу и полезное для меня и для других людей... Поэтому, мама, не огорчайтесь, ибо чем более я буду угоден Богу, тем более молитвы мои за вас будут оценены Господом.

Не думайте, что Он оставил вас один на один с вашими испытаниями. Это совсем не так... Быть может, этим путем Он желает спасти вас вместе с детьми вашими и желает исполнить мои молитвы, в которых я прошу, чтобы Он поддержал вас не материально, а духовно...

Хотел ограничиться всего несколькими словами, но любовь не позволила перу моему оторваться от бумаги, и я раскрыл перед вами свое сердце более, чем намеревался это сделать... Сегодня же после обеда я отправляюсь в Геную. Молите Бога о благополучном моем путешествии и о том, чтобы жатва моя среди тамошнего народа была обильной...

Написано второпях в Павии в день обращения Апостола Павла января 25 дня 1490 года.

Сын ваш
Инок Иероним Савонарола»².

Нам неизвестно, насколько успешной была великопостная проповедь в Генуе. Однако мы знаем другое — уже весной 1489 года Лоренцо Великолепный обратился к генеральному настоятелю Ордена Доминиканцев с просьбой возвратить во Флоренцию известного феррарского проповедника. Эту просьбу поддержал Пико делла Мирандола, возвратившийся накануне во Флоренцию после своих странствий в Рим и Францию. Монахи монастыря св. Марка также выразили желание видеть у себя о. Иеронима.

Вероятно, это назначение обсуждалось на ежегодном заседании капитула конгрегации. Капитул 1490 года состоялся в Комо

² SAVONAROLA G., *Lettere*, EN, pp. 16-20.

в третью или четвертую неделю после Пасхи. Савонарола, быть может успевший возвратиться в Феррару по окончании своего проповеднического служения в Генуе, принял это новое послушание и уже окончательно оставил свой родной город, переселившись во Флоренцию.

Бесперывные пешие переходы стоили ему немалых усилий. Усталый и измученный летним зноем, он едва добрался до Пьяноро, городка у подножия Апеннин. Вконец выбившись из сил, он получил вдруг неожиданную поддержку одного случайного прохожего, который и продолжил вместе с ним остальную часть пути, доведя его до самых ворот Флоренции. Когда они подошли к Порта Сан-Галло, воротам, расположенным с северной стороны городских стен, таинственный провожатый, прежде чем исчез, сказал ему: «Так исполни же все, для чего ты послан от Бога во Флоренцию».

Нетрудно вообразить ощущения, нахлынувшие на молодого проповедника, когда он наконец вступил на старинную мостовую тосканской столицы. Еще легче представить себе чувства, испытанные им, когда он снова заключил в свои объятия собратьев, которых оставил в монастыре св. Марка три года тому назад. Вот он опять в том же монастыре, принявшем его теперь в качестве преподавателя священных наук и наставника молодых монахов. Среди многих знакомых он снова обнял о. Доминика Пешиа, с которым его уже связывала глубокая дружба и которому предстояло сыграть важную роль в эпилоге всей его жизни.

Вскоре о. Иероним возобновил чтение лекций по логике. В послеполуденные часы праздничных и воскресных дней он вместе с братьями укреплял свой дух истолкованиями Священного Писания.

В благоприятное время года эти занятия проводились в монастырском саду в тени огромного куста дамасской розы. Юные монахи, а вместе с ними и почтенные старцы доминиканской общины слушали о. Иеронима, как зачарованные. Весьма скоро отзывы об этих занятиях вышли за монастырские стены, и многие из мирян, друзей общины, стали обращаться с просьбами разре-

шить им принять участие в этих «чтениях». К концу июля число слушателей увеличилось настолько, что всем пришлось перебраться в церковь. В воскресный день 25 июля о. Иероним сказал, обратившись к своей аудитории: «В следующее воскресенье мы проведем наши чтения в церкви, где будет прочитана лекция и произнесена проповедь».

Так, в первое воскресенье августа, приняв послушание, он приступил к изложению Откровения св. Иоанна. Но предоставим теперь слово самому о. Иерониму:

«Я приступил к изложению Апокалипсиса для народа в нашем монастыре св. Марка 1 августа, в воскресный день. Проповедуя в течение всего года во Флоренции, я неизменно предлагал своим слушателям три темы: во-первых, в нынешние времена Церковь должна обновиться; во-вторых, прежде чем произойдет это обновление, бич Божий покарает всю Италию; и в-третьих, вышесказанное произойдет в скором времени. Эти три вывода я всегда старался доказывать обоснованными доводами и образами из Священного Писания, а также другими подобиями, иначе говоря, притчами, подкрепленными примерами сегодняшней жизни Церкви. Однако я не говорил ничего о том, что к своим выводам я пришел совсем иным путем, нежели тем, на который зримо указывают приведенные мною доводы. Я поступал так, поскольку мне казалось, что слушатели мои еще недостаточно подготовлены, чтобы принять мои слова на веру»³.

Итак, о. Иероним приступил к своей пророческой миссии достаточно осмотрительно. Прежде всего он желал увлечь флорентийский народ идеей великой духовной и нравственной реформы, о которой он мечтал с самых молодых лет.

---

³ SAVONAROLA G., *Compendio di rivelazioni*, EN, p. 9.

НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ СВ. МАРКА

Слава молодого проповедника, подкреплённая к тому же успехом его первых печатных брошюр, побудила власти доверить ему проповедь на Великий пост следующего, 1491 года в церкви Санта Репарата, иначе — в Санта Мария дель Фьоре¹. Его новая и необычная манера проповедования резко отличалась от пустопорожней гуманистической декламации, буквально нашпигованной цитатами из светских авторов. В мгновение ока он покорила массы флорентийского народа и, несмотря на первоначальное сопротивление, вызвал восхищение всех образованных граждан города. День ото дня число его слушателей возрастало. По прошествии немногим более недели темы его великопостной проповеди и достоинства самого проповедника уже были у всех на устах.

Однако были среди его слушателей и такие, в особенности среди друзей и братьев, кто очень скоро стал высказывать опасения насчет его прямодушия и нелицеприятного обличения пороков, а также его грозных пророчеств о скорой каре, которая

---

¹ Санта Мария дель Фьоре (Святая Мария с лилией — символом Флоренции) — кафедральный собор Флоренции, построенный на месте прежнего, который именовался Санта Репарата и который частично сохранился в нижней части нового храма. — *Прим. пер.*

постигнет грешников. Друзья о. Джироламо попытались было уговорить его, чтобы он впредь воздерживался от прямых угроз и вообще переменил тему.

«Мне помнится, — напишет сам Савонарола несколько лет спустя, — что вслед за первой великопостной проповедью 1490 года во Флоренции в церкви Санта Репарата в следующий воскресный день я должен был выступить со второй проповедью, которую уже обдумал и хотел посвятить той же теме, что и первую. Однако я решил не выступать с нею, да и вообще не проповедовать больше на подобные темы. Да будет мне свидетелем Бог, но в течение всего субботнего дня и в ночь на воскресенье я до самого утра не сомкнул глаз. Оказалось, что я все равно не в силах был подыскать никакой другой темы, настолько все мои помыслы были поглощены предыдущей, а прочие темы просто не шли на ум, кроме той, которую я уже обдумал. Утром, испытывая немалое изнеможение после бессонной ночи, я вдруг услышал: «Глупец, неужели не видишь, что воля Божья состоит именно в том, чтобы ты проповедовал так, как всегда?» И так, в то утро я произнес устрашающую проповедь»².

С самого начала о. Джироламо ощущал сверхъестественное влечение, подталкивавшее его в одном определенном направлении. Его церковную кафедру без соблюдения принятых в человеческом обществе условностей уже обступили все отверженные и набожные люди. С трепетом ожидали они таких глубоких преобразований в религиозной и политической жизни, которые бы положили конец растущей безнравственности и беззащитному самоуправству привилегированных классов. Острые на язык флорентийские весельчаки тотчас же прозвали Савонаролу «проповедником для отчаянных».

Но те, кто фактически управлял Синьорией, сразу же поняли, что мощный голос молодого проповедника представляет для них серьезную угрозу. Лоренцо Великолепный по-всякому пы-

---

² SAVONAROLA G., *Compendio di rivelazioni*, cit., p. 10.

тался заставить о. Джироламо смягчить тон или вообще замолчать. Так, например, он снарядил к нему целую делегацию весьма уважаемых в городе граждан, но прежде распространил слух, что, по всей вероятности, Савонаролу ожидает судьба Бернардино да Фельтре³ (1439-1494), францисканского монаха, который за несколько лет до того был изгнан из Флоренции. Правда, все пятеро уважаемых флорентийских граждан в один голос утверждали, будто явились к Савонароле по собственному почину, что никто не посылал их с этой миссией, а говорят они только от своего собственного имени.

Но о. Джироламо не растерялся: «Вы твердите, будто никто не посылал вас ко мне; я же говорю, что вы были подсланы. Так что ступайте и передайте Лоренцо — пусть покается в своих грехах, так как Господь хочет покарать его самого и его близких».

Когда же явились они во второй раз, он ответил: «Это вам надобно бояться изгнания — у вас жены и дети. Мне же нечего бояться. Если мне не суждено жить в вашем городе, так что же? Город ваш — чечевичное зерно в сравнении со всей остальной землей. Изгонять или не изгонять меня — до этого мне нет никакого дела. Это его забота. Однако пусть знает он: хоть я и чужеземец, а он — гражданин, и при том первый гражданин города, мне надлежит остаться, ему же — уйти прочь. Останусь я, а не он».

Биограф Савонаролы историк Ридольфи справедливо отмечает, что от изгнания о. Джироламо защитил тогда приближенный Лоренцо Великолепного граф Пико делла Мирандола, который испытывал все большее восхищение этим монахом общины св. Марка и его деятельностью на благо реформы⁴. Савонарола горячо и с энтузиазмом продолжал свою великую борьбу, как это явствует из доверительного письма, направленного им о. Доминику Пешиа:

«Дражайший брат мой в Иисусе Христе, мир и радость тебе в Духе Святом. Дела наши продолжаются благополучно.

³ Бернардино да Фельтре — святой Бернардин Фельтрский. — *Прим. ред.*

⁴ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 59.

Видимо, Господь помогает нам, хотя время от времени приходится переживать нападки со стороны сильных мира сего. Но обо всем этом я расскажу тебе по порядку после твоего возвращения. Пока же не стоит писать об этом. Многие боялись, а некоторые боятся и по сей день, что мне уготована судьба о. Бернардино. С этой стороны дело наше, конечно же, с самого начала не было лишено известного риска. Однако я неизменно уповал на Господа, зная, что сердце царя — в руке Его и Он направит его туда, куда будет угодно Ему. Уповаю на Господа, ибо соберет Он великие плоды устами нашими, потому как ежедневно Он утешает и поддерживает меня, малодушного, увещеваниями Духа Своего: «Не бойся, возглашай смиренно все, на что вдохновляет тебя Господь, потому что с тобой Господь. Книжники и фарисеи идут на тебя войной, но безуспешно. Ты же мужайся и будь крепок...»

Нередко я провозглашаю обновление Церкви и будущие испытания, но не менторским тоном, а неизменно подкрепляя свои выводы Священным Писанием, дабы никто не мог опровергнуть меня... Граф все более возрастает в Господе и часто посещает наши проповеди»⁵.

В послепасхальную среду, 6 апреля, о. Джиrolамо завершил, согласно обычаю, великопостный круг проповедью в Палаццо Веккьо⁶ перед лицом членов Синьории. Не исключено, что при этом присутствовал и Лоренцо, хотя мы и не можем этого знать с достаточной уверенностью. Однако, вне всякого сомнения, в этой проповеди прозвучало осуждение тирании, причем даже еще более жесткое, чем под сводами собора.

Тогда Лоренцо прибег к уже испытанному приему, чтобы сбить накал страстей и ограничить огромное число последователей, собранных Савонаролой во время Великого поста. На Вознесение Господне он пригласил во Флоренцию о. Мариана Дже-

---

⁵ SAVONAROLA G., *Lettere*, cit., pp. 21 ss.

⁶ Палаццо Веккьо (Старый дворец) — дворец Приоров или Синьории, построен в 1299 году и перестраивался с 1343 по 1598 год, хотя в целом сохранил свой первоначальный вид. — *Прим. пер.*

наццано, прославленного проповедника, связанного долгом благодарности с семейством Медичи. Этот священник был образцом проповедника гуманистической эпохи. Стиль его выступлений был отточен, его жесты были само изящество, а светская эрудиция — неиссякаемой. Однако на этот раз в качестве темы он избрал фрагмент Священного Писания: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти»⁷. Проповедь его состоялась в церкви Сан-Галло в четверг на Вознесение Господне при большом стечении публики и явилась сплошным обвинительным актом, направленным против пророчеств Савонаролы. Однако пылкий августинский монах стал жертвой своего несдержанного характера и вышел за все писанные и неписанные рамки благопристойности. Слушатели почувствовали отвращение к оратору. Даже те немногие, которых Савонарола до сих пор не сумел убедить, выслушав нападки о Мариана, перешли на сторону монаха монастыря св. Марка.

Остальное довершил сам Савонарола, выступив с проповедью в следующее воскресенье в церкви св. Марка, заполненной народом больше обычного. Пункт за пунктом он опроверг аргументацию своего оппонента. В конце своей речи о Джироламо корректным тоном обратился к нему напрямую, напомнив, что накануне тот побывал у него с визитом в монастыре, выразил свою радость состоявшимся наконец знакомством и поздравил с успехом великопостных проповедей. Свое выступление о Джироламо завершил заданным прилюдно вопросом о том, кто же заставил о Мариана переменить, причем столь скоро, свое мнение?

Флорентийский народ, ставший свидетелем диспута, отдал пальму первенства Савонароле, а Лоренцо Великолепный в конце концов осознал, с кем он в действительности имеет дело. Отныне, рассуждал Лоренцо, он не сможет покарать этого человека, не утратив при этом своей популярности. Формально в те дни августинский монах примирился с проповедником флорентийского собора. Тем не менее в глубине души он так и не простил доминиканскому монаху своего поражения. По возвращении в Рим

---

⁷ Деян 1, 7.

о. Мариан стал главной фигурой в руках флорентийских «Компаньяччи»⁸, принявших решение лишить жизни доминиканца, одержавшего, по их мнению, только временную победу.

В июле 1491 года подошел к концу уже второй срок на посту настоятеля о. Франциска Сальвиати. Своим новым настоятелем монахи общины св. Марка избрали о. Джироламо Савонаролу. Этот выбор они сделали, испытывая уважение даже не столько к его проповедническому искусству и учености, сколько к его добродетелям. Они высоко оценили его строгое соблюдение Устава и Конституции Ордена, но в еще большей степени его скромность, смирение, милосердие, незлобивость и терпеливость. Новоизбранный настоятель понимал все значение этой должности для жизни Ордена св. Доминика.

При своем основании (ок. 1290 года) церковь и монастырь св. евангелиста Марка были «сильвестринскими», иными словами — были основаны той ветвью Ордена Бенедиктинцев, которая восходила к св. Сильвестру Гоццолони (ум. 1267). Однако после Констанцского собора⁹ доминиканцы из фьезоланского монастыря облюбовали монастырь св. Марка (влачивший тогда жалкое существование), чтобы развернуть свою деятельность в самом сердце Тосканы. При поддержке Козимо Старшего им удалось преодолеть сопротивление Римской курии, и в 1436 году они получили права на этот монастырь. Благодаря щедрости семейства Медичи они восстановили здание монастыря чуть ли не от самого фундамента. Фра Беато Анджелико, один из величайших мастеров того времени, украсил неподражаемыми фресками его кельи.

Тем самым монастырь святого Марка стал опорным центром Ордена Доминиканцев в центре Италии. Св. Антонин, основатель и сын этой доминиканской общины, неоднократно был генеральным викарием Ордена за пределами Апеннинского полуострова.

---

⁸ «Компаньяччи» («Весельчаки» или «Праздные гуляки») — члены флорентийской партии второй половины XV в., объединявшей сторонников олигархической республики, оппозиционно настроенных против «Плакс», сторонников Савонаролы. — *Прим. пер.*

⁹ Констанцский Собор — собор Католической Церкви, проходивший с 1414 по 1418 гг. в г. Констанце. — *Прим. ред.*

Однако целый ряд затруднений, давших знать о себе в годы, последовавшие за его смертью (1459 г.), привел тосканскую общину к присоединению к более крупной конгрегации Ордена, или, лучше сказать, к необходимости препоручить свои земные заботы Ломбардской конгрегации. Тем не менее тосканские доминиканцы не забыли о своем славном прошлом. Сохранили они и желание распространить деятельность Ордена на Центральную Италию.

Джироламо Савонарола по-своему осознал еще совсем недавнее прошлое. Он обдумывал, как возжечь в своих собратьях былой огонь рвения и душевного подъема, чтобы вместе с ними обновить основы деятельности доминиканской общины.

В первые же дни после своего избрания настоятелем он всем своим поведением дал понять, что необходимо потребовать полной независимости общины от «покровителей», нередко определявших жизнь монастыря. Во Флоренции существовал обычай, согласно которому новоизбранный настоятель должен был нанести визит вежливости первому лицу дома Медичи и засвидетельствовать ему свое почтение. О. Иероним не пожелал последовать этой традиции. Старцам, хлопотавшим о соблюдении этого правила, Савонарола предложил следующую дилемму: «Кому я обязан своим избранием — Богу или Лоренцо?» Получив ответ, что избранием своим он обязан Богу, Савонарола сказал: «Значит, я буду благодарить Бога, а не Лоренцо».

Сам же Лоренцо расценил поведение Савонаролы как оскорбление. Однако он не спешил мстить за обиду, хотя и не собирался сдаваться. Вместо этого он постарался заручиться дружбой нового настоятеля и стал чаще бывать в монастыре св. Марка в дни праздников и посещать кельи. Он прекрасно знал, что монахам весьма лестно поддерживать прямые отношения с влиятельными особами. Но Савонарола неизменно восставал против подобной слабости. Поэтому он никогда не слушал монахов, спешивших к нему с докладом: «Господин Лоренцо уже вошел в ризницу... Господин Лоренцо уже в монастыре...»

В ответ он задавал лишь только один вопрос: «Спрашивал обо мне?.. Нет? Тогда пусть прогуливается на здоровье».

Лоренцо же полагал, что с течением времени победа в этой игре останется за ним. Он прибег к помощи денег. Однажды в ящик для сбора милостыни, стоявший в церкви св. Марка, он распорядился опустить изрядную сумму золотых флоринов¹⁰. Когда ризничий выложил перед настоятелем это сокровище, тот сразу же догадался, откуда все эти искрящиеся золотом монеты. Савонарола распорядился отделить монеты Лоренцо от обычных монет и все золото передать приходу св. Мартина для нужд прокаженных нищих. От начала и до конца вся эта операция проходила под неусыпным контролем соглядатаев Лоренцо. В конце концов правитель убедился, что его хитроумие бесполезно. Настоятель монастыря св. Марка, действительно, был человеком святой жизни, о чем не раз говорил ему Пико дела Мирандола, а для того, чтобы завоевать благосклонность святых, существует один-единственный путь — искреннее обращение в христианскую веру.

Первые признаки пробуждения и духовного подъема общины св. Марка дали знать о себе благодаря притоку молодых людей, стучавших в монастырские ворота с просьбой о доминиканском облачении. Важно, что среди новых кандидатов не было недостатка в людях образованных и вполне зрелых. Они только придавали Ордену и проповеднической деятельности Савонаролы дополнительный авторитет. Общій итог свидетельствует, что с первых дней пребывания Савонаролы на посту настоятеля монастыря до самого дня трагической развязки, то есть почти за восемь лет, доминиканское облачение в монастыре св. Марка приняло 120 послушников. Молодой задор самых юных послушников и «неофитов» наполнял энтузиазмом и рвением их настоятеля, готового ради них на любые жертвы.

Настроение глубокой религиозности и самопожертвования охватило также и старейших монахов. Так что в конце концов все члены общины соперничали друг с другом в делании добра и стро-

---

¹⁰ Флорин — золотая монета с изображением флорентийской лилии на одной стороне и Иоанна Крестителя на другой; ее начали чеканить во Флоренции в 1252 году. Во флорине было около 5 г золота (24 карата). — *Прим. пер.*

гом соблюдении правил монашеской жизни. Правда, многие вопрошали, как долго может сохраниться подобная атмосфера? Ведь достаточно разбросать монахов общины св. Марка по монастырям Ломбардской конгрегации, чтобы все это горение тотчас же прекратилось. Следовательно, необходимо было попробовать восстановить в правах древнюю автономию доминиканской конгрегации на территории Флорентийской республики. Все обстоятельства, казалось, указывали на это. Однако проходили месяцы, и никто не осмеливался сказать об этом требовании во весь голос.

В том, что касается строгой хронологии событий, без которой историку вряд ли возможно обойтись, напомним, что первой монашеской общиной, откликнувшейся на живой призыв Савонаролы и вставшей на указанный им путь, была община самого древнего женского доминиканского монастыря Флоренции — Сан-Якопо (Риполи), находящегося близ монастыря Санта Мария Новелла¹¹. В 1490 году монахини Сан-Якопо под влиянием проповедей Савонаролы вышли из духовного подчинения монастырю Санта Мария Новелла, долгое время служившему монахиням «оплотом», и вверили себя руководству доминиканцев монастыря св. Марка¹².

Перед Савонаролой стояли новые апостольские задачи: проповедь на Рождественский пост в церкви св. Марка, в которой он должен был начать истолкование книги Бытия, продолжавшееся вплоть до 1494 года; кроме того — проповедь в Лукке; и наконец, в Пизе¹³.

По возвращении во Флоренцию он согласился проповедовать во время Великого поста нового, 1491 года в домовый церкви Медичи, Сан-Лоренцо, в то время, как францисканец о. Доминик Понсо, все еще дружелюбно относившийся к о. Иерониму, читал проповедь в соборе Санта Мария дель Фьоре, во время которой он неоднократно говорил, что настоятель монастыря св. Марка — пророк. Истинный пророк. Сказал он об этом

¹¹ Санта Мария Новелла — доминиканская церковь, ее строительство было начато в 1278 году, а фасад в 1450-1470 гг. закончил Леон Баттиста Альберти. — Прим. пер.

¹² См. DI AGRISTI D., *Sviluppi della riforma savonaroliana*, Firenze 1980, p. 20.

¹³ См. RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 70.

и 5 апреля, после того как во время страшной ночной грозы молния ударила в купол собора и разбила в нем окна. В то же утро Савонарола приступил к теме: «Меч Господень падет на землю внезапно и стремительно». Народ был приведен в ужас ожиданием великих событий, тем более, что по городу уже распространились тревожные слухи насчет здоровья Лоренцо Великолепно-го, прикованного к постели на его вилле Кареджи.

В один из последних дней к его одру был призван Савонарола. Он даровал утешение Лоренцо и благословил его, как того требовало христианское милосердие, соответствующее священническому сану. Однако по прошествии нескольких лет современники этого события извратили содержание этой встречи, сочинив легенду, будто о Джироламо отказался дать отпущение грехов Лоренцо. На самом же деле Лоренцо умер 8 апреля, примирившись с Богом и людьми, как стало известно из рассказов свидетелей его смерти. «Плаксы»¹⁴, по прошествии нескольких лет пустившие в оборот эту легенду, не понимали, что тем самым они искажают нравственный облик своего учителя.

Тем временем Савонарола продолжал проповедовать в церкви св. Лаврентия. Его проповеди стали еще более суровыми и насыщенными прославленными прозрениями будущего — обновление Церкви, бич Божий над Италией и церковниками, грядущее наказание Рима и обращение неверных.

Более всего разговоров вызывало у флорентийцев пророчество об обращении неверных, ибо в ту эпоху под именем «неверных» главным образом подразумевали турок. Никто тогда не мог вообразить, что мир стоит накануне новой миссионерской эпохи. На берегах Арно¹⁵ и не подозревали, что в эти же месяцы в Испании уже началась подготовка выдающегося события в истории мореплавания, которому суждено было изменить ход истории человечества.

---

¹⁴ «Плаксы» — презрительное название «нестяжателей», сторонников Савонаролы, которые стояли за права народа и понимали связь между свободой и религией. — *Прим. пер.*

¹⁵ Арно — река, на берегах которой стоит Флоренция. — *Прим. ред.*

РОЖДЕНИЕ КОНГРЕГАЦИИ СВ. МАРКА

В обязанности настоятеля монастыря св. Марка входило также участие в ежегодном капитуле Ломбардской конгрегации. В 1492 году ее заседание было созвано в Венеции. В сопровождении назначенного общиной инок о. Джироламо направился сначала в Болонью и, по всей вероятности, сделав остановку в Ферраре, прибыл в Венецию как раз вовремя. Открытие капитула было назначено на четвертое воскресенье Пасхи, которая в тот год пришлось на 13 мая. Три дня спустя Савонарола написал письмо во Флоренцию о. Баттисте, своему викарию, с сообщением о том, что работа капитула идет полным ходом, но до его окончания еще далеко. Быть может, к этому времени уже были обсуждены доклады о духовном и материальном состоянии ряда общин, поэтому о. Джироламо мог заверить своего викария в том, что мнение участников капитула насчет флорентийского монастыря было положительным. Однако, судя по всему, к этому времени еще не были обсуждены традиционные «рекламации» (жалобы) на монастырское начальство. Дело в том, что по рассмотрении рекламации могла последовать его отставка и, следовательно, перемена местонахождения. Недаром Савонарола писал: «Обратитесь к братии от моего имени с увещевани-

ем, дабы пребывали они в единении и любви с тем, чтобы молитвы их были более действенными. Да продолжают они молиться в том же духе вплоть до нашего возвращения в монастырь, если, конечно, мне будет суждено возвратиться в него, что представляется весьма вероятным. И возвращусь я в него, быть может, для того, чтобы усердным служением смыть свои грехи»¹.

Капитул должен был завершиться в течение одной недели, как весьма мудро предписывалось тогда доминиканским Уставом. Следовательно, маловероятно, что венецианский капитул закончился в тот самый день, который обозначен датой письма. Вероятнее всего, это произошло в субботу или в воскресенье, 20 мая. Поэтому историкам следовало бы с большей серьезностью учитывать предположение, сформулированное Савонаролой в заключительной части его письма: «Думаю, что мы возвратимся где-то к концу июня, не раньше». Таким образом, мы не разделяем предположение тех ученых, которые заставляют двух монахов монастыря св. Марка едва ли не гнаться по пятам за «скоороходом», который подрядился доставить их письмо во Флоренцию и покинул Венецию 16 мая. Известно, что по этой причине Савонарола был вынужден сократить текст письма, чтобы не опоздать с его отправкой, тогда как историки датируют их прибытие во Флоренцию 22 мая².

Почему историки заставили их так спешить? Да потому, что в эпистолярном наследии Савонаролы имеется письмо, адресованное послушнику брату Стефану Кодипонте. Правда, оригинал самого письма не сохранился, а на копии его стоит дата — «Флоренция, 22 мая 1492 года». Выходит, для того, чтобы принять эту дату, некоторые историки пошли на то, чтобы сократить расстояние между Венецией и Флоренцией, как если бы в те времена уже существовали средства передвижения XX века.

На наш взгляд, можно считать эту дату ошибкой переписчика. Правда, кое-кто из историков так и считал в прошлом столетии. Кроме того, нам представляется, что следует принять

¹ SAVONAROLA G., *Lettere*, EN, pp. 22 ss.

² RIDOLFI R., *Le lettere di G. Savonarola*, Firenze 1933, pp. XLV ss.

во внимание и тот факт, что брат Стефан, чье вступление в Орден Савонарола утвердил в январе 1491 года, 1 мая 1492 года был пострижен в монахи.

Итак, за исключением этого хронологического сбоя, «письмо к Кодипонте является ценным документом, дающим понимание состояния духа Савонаролы. Дело в том, что всякий наслышан о его святом гневе и суровости, но мало кому известно о его удивительном духовном здании, которое он воздвиг и усердным трудом стремился выстроить в душах монахов и граждан своим собственным примером, увещеванием и письменным словом»³.

Однако в тот переломный для истории год события чередовались, сменяя друг друга с головокружительной быстротой. Как и предсказывал Савонарола в кругу своих друзей, в самый разгар лета умер Папа Иннокентий VIII. На конклаве, созванном для избрания нового Папы, вследствие злокозненной интриги Лодовико Моро и его брата, кардинала Оскания Сфорца, 11 августа был при помощи подкупа избран самый недостойный из участников конклава — кардинал Родриго Борджа⁴. Последствия этого несчастного выбора тяжело отозвались во всем христианском мире. Родриго Борджа был известен как опытный дипломат, но еще более широко он прославился как прелат самого предосудительного поведения. В общем, не нужно было обладать особым пророческим даром, чтобы предвидеть, как при нем расцветет nepotизм папского двора. Вокруг его трона столпилась целая свора незаконнорожденных сыновей.

---

³ RIDOLFI R., *Vita di Girolamo Savonarola*, cit., p. 79.

⁴ Борджа, Борджиа (*итал.* Borgia, *исп.* Borja) — аристократический род испанского происхождения (из Арагона), игравший значительную роль в XV — нач. XVI вв. в истории Италии. Начало его возвышению положил Алонсо, ставший Папой Каликстом III (1455 г.). Его племянник Родриго, Папа Александр VI (1492-1503), со своим сыном Чезаре стремился создать в Италии большое государство, в котором Чезаре пользовался бы абсолютной властью. Ради этого они трижды с политическими целями выдавали замуж дочь Александра VI Лукрецию. В 1499 году Чезаре стал правителем Романьи. Чезаре послужил прототипом государя в произведении Макиавелли «Государь». После смерти Александра VI широкие замыслы Чезаре потерпели крах и род Борджа сошел с исторической сцены. — *Прим. пер.*

Нетрудно вообразить, сколь огорчил Савонаролу результат подобных выборов. Кое-кто даже язвительно заметил ему: «Ты попал в точку — дело реформирования Церкви теперь в надежных руках!»⁵ Этот острослов, разумеется, забыл, что в действительности о Джироламо говорил о том, что реформа Церкви не начнется, прежде чем Италию не постигнет Божья кара и она не падет в пропасть бесчестия. Тем временем, полагал Савонарола, необходимо запастись мужеством, чтобы с честью противостоять злу.

Так, завершая свою проповедь на Рождественский пост, он открыто предрекал тяжкие испытания, которые предстоят Церкви, и восклицал от имени Бога: «Бесчестие алтаря моего вопиет ко мне от земли».

Но возвратимся вместе с о Джироламо в стены его монастыря. После года его пребывания на посту настоятеля духовная завскаса в общине уже успела придать новый ритм всей ее жизни и обновить сам облик монашеской деятельности. Савонарола чутко прислушивался к происходящим изменениям и понял, что пришло время открыть свои замыслы старейшим монахам и заручиться их поддержкой насчет выхода монастыря из Ломбардской конгрегации. Савонарола знал, что только таким образом будет возможно сохранить и приумножить плоды обновления. Пожилые монахи отнеслись к нему с пониманием. Единодушное согласие еще больше воодушевило монахов. Чтобы поддержать это воодушевление, о Джироламо распорядился об организации особых молений и актов покаяния как в стенах самого монастыря св. Марка, так и в ряде других обителей.

Начинание это было не из легких ввиду сопротивления ломбардских отцов и их могущественных покровителей. Желая сгладить препятствия, Савонарола решил принять приглашение, присланное из Болоньи, прибыть туда для чтения проповедей на Великий пост 1493 года.

На этот раз переход через Апеннины Савонарола совершил в зимнюю стужу. До Венеции он добрался только 2 февраля,

⁵ Ср. SAVONAROLA G., *Prediche sopra l'Esodo*, vol. II, EN, p. 166; *Prediche sopra i Salmi*, vol. I, EN, p. 51.

о чем известно из его собственного письма, датированного тем же днем. Правда, нам ничего не известно о причине, побудившей его избрать самый длинный обходной путь из Флоренции в Болонью через Венецию вместо того, чтобы сразу же приступить к проповедям в Болонье. Весьма скудны и ненадежны источники, касающиеся вообще этой последней проповеди за Апеннинским хребтом. Прямые его последователи попытались было восполнить этот пробел своими домыслами. Для этого они сочинили нечто вроде романа, в котором главным оппонентом Савонаролы в Болонье является первая дама города — супруга тогдашнего синьора Болоньи Джованни Бентивольо. Весьма похожий роман сконструировали и более близкие к нам по времени биографы, вообразившие, будто путешествие в Болонью Савонарола предпринял по настоянию Пьера Медичи, нового синьора Флоренции, желавшего отправить монаха в ссылку. Историческая критика камня на камне не оставила от всех этих выдумок. Серьезные историки пишут, что в этот период настоятель монастыря св. Марка поддерживал самые добрые отношения с сыном Лоренцо. В скором времени, как мы увидим, они оба, Савонарола и Пьеро Медичи, приступили к совместному труду во имя достижения общей цели — обеспечить независимость общины св. Марка и отделить его от Ломбардской конгрегации, равно как и другие тосканские монастыри.

Теперь можно только догадываться, как волновался о Джироламо, уже предпринявший ряд «сепаратистских» действий, принимая участие в ежегодном капитуле Ломбардской конгрегации, который открылся 28 апреля в Пьяченце. Не исключено, что он представил формальное обоснование предполагаемого отделения своей общины, тем более что ее многочисленность к этому времени — около ста монахов — не могла не броситься в глаза. Но более вероятно, что он предусмотрительно воздержался от подобного демарша, не желая отдать на суд ломбардского капитула столь непопулярное за пределами Флоренции решение.

Как бы то ни было, сразу же после его возвращения во Флоренцию произошла окончательная схватка за положительное ре-

шение вопроса о независимости монастыря св. Марка. Флорентийские монахи могли рассчитывать на поддержку Синьории, иначе говоря — на Пьеро Медичи и его политических союзников. Главным союзником был король Неаполя, имевший известное влияние на кардинала-протектора Ордена — Оливьеро Карафа. Со своей стороны, ломбардские монахи полагались на Лодовико Моро и его брата-кардинала, главного выборщика Папы Борджа. Так что двум монахам, прибывшим в мае месяце в Рим из далекой Флоренции хлопотать за независимость общины св. Марка, все это начинание могло показаться делом почти безнадежным. Действительно, политический союз, сложившийся тогда между Папой Римским, Лодовико Моро и венецианцами, казалось, склонил чашу весов в пользу Ломбардской конгрегации. Тем более что в Риме она была представлена бывшим генеральным викарием о. Фомой Брешиа, настоятелем венецианских доминиканцев, и о. Франциском Меи, настоятелем Сан-Джиминьяно.

Вопрос, однако, разрешился самым странным и неожиданным образом благодаря остроумной выходке кардинала Карафа. Пока Карафа находился в папских покоях, о. Доминик Пешиа со своим компаньоном ожидали его возвращения в передней и усердно молились. Случилось так, что в тот день, 22 мая, после консистории⁶ кардиналу Карафе, известному острослову и шутнику, удалось задержаться наедине с Папой в его покоях. Оценив обстановку и убедившись, что Папа пребывает в добром расположении духа и склонен не только к доверительной беседе, но и к проявлению уступчивости, кардинал начал развлекать его шутками. Улучив момент, он вдруг извлек из-за пазухи заранее подготовленное папское бревно — грамоту с указом об отделении общины св. Марка от Ломбардской конгрегации. С игривым видом он протянул документ Папе на подпись. Карафа просил

---

⁶ Консистория (*лат. consistorium* — собрание, присутствие) — в Католической Церкви — совещание, на котором кардиналы собираются по воле Папы и под его председательством для рассмотрения особо важных вопросов. Как правило, консистория проходит тайно. — *Прим. пер.*

лишь сделать ему личное одолжение, не более того. В соответствии с этим документом монастырь св. Марка переходил в прямое подчинение ему, протектору Ордена и его генеральному настоятелю. Чтобы окончательно преодолеть вялое сопротивление Борджа, Карафа как бы в шутку стянул с его пальца папский перстень с печатью и скрепил ею документ вопреки притворным протестам Папы. Затем Карафа учтиво откланялся, вышел в прихожую к своим монахам и вручил им столь желанное бревно, которое в кратчайший срок было доставлено на берега Арно.

Немного погодя в папский дворец явились ломбардские монахи со срочным посланием Лодовико Моро в поддержку своих требований. Но было поздно — Борджа не пожелал отменить уже принятое решение. Спустя месяц в подтверждение того, что вопрос окончательно решен, генеральный настоятель Ордена Иоаким Турриани распорядился, чтобы ломбардцы впредь не чинили никаких препятствий общине св. Марка. При этом он переподчинил монастырю св. Марка о. Джироламо и о. Доминика Пешиа, бывших до сих пор сынами болонского монастыря. Впоследствии о. Джироламо, исполнявшему обязанности настоятеля монастыря св. Марка, были переданы полномочия настоятеля всей Тосканской провинции.

Тем временем во Флоренции уже позаботились о расширении новой конгрегации, которая на первых порах была ограничена всего лишь монастырем св. Марка с принадлежащими ему странноприимными домами — Святой Марии Магдалины в Валь-Муньоне, Биббиене и Леччето. Предполагалось также включить в состав конгрегации монастыри в Пизе, Сан-Джиминьяно и монастырь св. Доминика во Фьезоле. Эти планы полностью поддерживал Пьеро Медичи, более чем когда-либо желавший досадить Лодовико Моро и раз и навсегда избавиться от влияния ломбардских монахов, вмешивавшихся в жизнь тосканских монастырей.

Разумеется, совсем иные намерения вдохновляли Савонаролу и верных ему последователей. Посредством реформы Ордена он стремился создать предпосылки к более глубокому реформирова-

нию самой Церкви. Однако его оппоненты — умеренные реформаторы и приверженцы автономии монашеских общин — упрекали Савонаролу в том, что он своими произвольными нововведениями искажает образ заветного св. Домиником наследия. Настоятельница пизанского монастыря св. Доминика по простоте душевной тоже подхватила эти обвинения, хотя именно в этом монастыре еще в конце XIV столетия зажглась первая искра реформы Ордена, которую начал блаженный Раймондо да Капуа. Поэтому Савонарола счел своим долгом ответить на домыслы настоятельницы. Для этого он направил ей особое послание, в котором еще раз продемонстрировал чистоту своих намерений:

«...Ваше письмо доставило мне величайшую радость, поэтому с большим вниманием я отнесся к Вашим предостережениям, ибо знаю, что вызваны они порывом милосердия... Как было бы хорошо, если бы Господь позволил нам встретиться лично. При встрече я бы разъяснил Вам, в чем состоит основание, средство и цель нашего дела! Не сомневаюсь — Вы убедились бы, что все это не противоречит Вашим пожеланиям... Ведь и образ нашей жизни, и облачение, и трапеза, и прочие ритуалы — все те же, что и прежде, и полностью соответствуют нашим правилам и уставам. Основывать нищие и простые монастыри, носить грубые, ветхие и заштопанные одеяния, соблюдать умеренность в пище и питье, согласно наставлениям святых отцов, жить в убогих кельях, соблюдать тишину и предаваться молитвам, пребывая в одиночестве, оставлять за монастырским порогом суету мира — все это в монашеской жизни отнюдь не ново. Новым же для Ордена нищенствующих является возведение дворцов с мраморными колоннами и обустройство палат, приличествующих синьорам, владение недвижимостью вопреки всем установлениям Ордена и тому подобные нововведения, смущающие души людей. Древние отцы наши поступали одним образом, новые же отцы поступают иначе, то есть совсем наоборот. Значит, пусть отныне каждый существует так, как ему заблагорассу-

дится?.. Наш образ жизни не вызывает во Флоренции никакого смущения, напротив — служит великим примером для подражания... И все-таки мне хотелось бы, чтобы Вы знали: по-настоящему мы еще и не приступили к тому, чего все мы желаем — ни на йоту не отклоняться от первоначально проложенного курса, равного для всех нас. Мы же станем сверять с этим курсом свой путь при помощи молитвы и доброго слова. Флоренция, 10 сентября 1493 года»⁷.

В последние месяцы этого года и в первой половине 1494 года реформирование упомянутых выше монастырей стало обретать все более конкретные очертания, правда, за исключением монастыря в Сан-Джиминьяно вследствие упорного сопротивления о. Франциска Меи. По мере того как реформа продвигалась вперед, возрастал всеобщий авторитет о. Джироламо — как благодаря его проповеднической деятельности, так и молниеносному распространению в народе его первых печатных работ.

С 1492 года Савонарола начал выступать с предостережениями, обращенными к Италии, о нашествии «нового царя Кира». Италия, предостерегал он, свалится к его ногам, как «перезревший плод», иными словами — тот завоюет ее, не встретив сколько-нибудь достойного сопротивления. На Рождественский пост 1493 года и на Великий пост 1494 года Савонарола настойчиво призывал народ обратить внимание на эту опасность. С этой целью он комментировал в своих проповедях Книгу Бытия и рассказ о ковчеге, построенном Ноем в преддверии Всемирного потопа.

Имя Савонаролы было у всех на устах не только в самых отдаленных уголках Флорентийской республики, но и в Лукке и Сиене. Когда Совету старейшин города Лукка понадобилось заручиться квалифицированным мнением насчет тамошних евреев-ростовщиков, он обратился к о. Джироламо. Затем и магистрат Сиены обратился к нему с просьбой помочь навести порядок в общине Святого Духа.

⁷ SAVONAROLA G., *Lettere e Scritti apologetici*, EN, pp. 42-51.

Приказ же энергично вмешаться в дела этой скандально известной общины о. Джироламо получил от самого генерального настоятеля Ордена.

В этой пренеприятной миссии Савонаролу сопровождало двадцать монахов монастыря св. Марка, призванных внести свежую струю в обновляемую общину. Однако предприятие провалилось из-за сопротивления сиенской братии, но более всего — из-за непоследовательности магистрата, который первоначально сам же и настаивал на реформе. Повредила делу и необоснованная мнительность сиенцев, впрочем, всегда относившихся к флорентийцам с подозрением. Мацциери — народные ополченцы Сиенской республики, которые накануне, 21 июня, помогали братии монастыря св. Марка водвориться в монастырь Святого Духа, на следующее утро передумали им помогать и прогнали за городские ворота, потребовав от монахов, чтобы они вернулись во Флоренцию. Савонароле не оставалось ничего иного, как отряхнуть прах Сиены со своих сандалий.

Сообщая об этом факте, флорентийский посол не удержался от искушения и в сердцах обругал в своей депеше виноватых в этом прискорбном недоразумении «сиенскими скотами». В тот день он, разумеется, не мог и помыслить, что по прошествии всего нескольких лет флорентийцы, коих он возносил до небес, сами, причем гораздо хуже, чем сиенцы, разделяются, как писал посол, «с этим бедным священником, о. Иеронимом».

ДНИ ПОТОПА

Многие труды, а подчас и горечь, вызванная непониманием необходимости строжайшего соблюдения Устава в доминиканском Ордене, все-таки не отвлекли Савонаролу от проповеднической деятельности среди простого народа. Согласно его предсказаниям, кара Божия надвигалась. Облик «нового Кира» все более отчетливо проступал на горизонте. Конкретно речь шла о молодом короле Франции Карле VIII (1470-1498), выступившем с притязаниями на наследство Неаполитанского королевства. Военные приготовления, начатые им весной 1494 года, ни для кого не были тайной. Во Флоренции об этом говорили открыто на всех площадях. Правда, непредсказуемый французский монарх вдруг передумал и отказался возглавить поход, которого добивался Лодовико Моро. Однако в самый разгар лета, подавив всякое внутреннее сопротивление, он снова возобновил набор в свое войско.

Единственным человеком, неизменно предупреждавшим о неминуемом нашествии французов, был Савонарола, которого все те же флорентийские острословы продолжали высмеивать как «мечтателя и пророка несчастий». Когда же Карл VIII перешел через Альпы, захватив в первых числах сентября практиче-

ски весь Пьемонт, вся Италия оцепенела от ужаса, в особенности же испуг поразил Флоренцию, так как в этот момент город оказался во враждебном французам лагере. Случилось так, что вопреки традиционной политике союзов с Францией Пьеро Медичи взялся проводить свою собственную политику, основанную на личной дружбе с Арагонами в Неаполитанском королевстве и с Папой Римским.

Флорентийцы, которые и так не любили отпрыска Лоренцо Великолепного за его вероломство, теперь люто возненавидели Пьеро за его просчеты во внешней политике и за ту опасность, которой он подверг отечество. Заслуживает внимания также тот факт, что все эти годы архиепископ Флоренции, в соответствии с тогдашней весьма предосудительной традицией, пребывал вдали от своей кафедры и прибегал к услугам генерального викария, титулярного епископа о. Бенедикта Паганотти, бывшего также епископом Возоны. Этот старец, доминиканский священник монастыря св. Марка, однако избравший местом своего пребывания Санта Мария Новелла, предоставил Савонароле самые широкие полномочия. В годину суровой опасности Флоренция оказалась стадом без пастыря, и Савонарола, монах-чужестранец, счел своим долгом принять пастырскую миссию на себя.

Когда 21 сентября во Флоренции распространилась ложная весть о том, будто король занял Геную, сердца жителей города сжались от страха. В этот опасный момент без долгих рассуждений о. Джироламо смело взошел на кафедру церкви Санта Мария дель Фьоре, чтобы торжественно отметить праздничный день св. Матфея. Кроме того, в этот же день самому Савонароле исполнилось 42 года. В предыдущей проповеди, как мы помним, он говорил о строительстве ковчега. На сей раз слово его было посвящено началу потопа.

Тема проповеди носилась в воздухе. И когда он произнес своим громоподобным голосом: «И вот, Я наведу на землю потоп водный», — священный трепет охватил многолюдную толпу. Мужчины и женщины, стар и млад — все были потрясены

до глубины души. Пико делла Мирандола, бывший в соборе, свидетельствует, что при этих словах волосы стали дыбом у него на голове. В то время юный Микеланджело Буонаротти испытал настолько сильное душевное потрясение, что был вынужден эмигрировать из Флоренции, ибо, по его словам, на протяжении всей своей жизни он не мог отделаться от звука этого ледящего душу голоса.

Великий проповедник постарался, однако, и на этот раз внушить своим слушателям веру в Божественное Провидение, направляющее историю народов. При этом он настойчиво подчеркивал необходимость исполнения каждым человеком своего долга — искреннего обращения к Богу и покаяния.

Пьеро Медичи совершенно потерял голову. В конце октября, когда французские орды уже вошли в пределы флорентийских владений, Пьеро переметнулся на сторону неприятеля, желая умилостивить его гнев и вернуть любой ценой расположение короля. Втайне от Синьории без боя он сдал французам все крепости — в Сарцане и Сарцанелло, Пьетрасанте, Пизе и Ливорно. Эта позорная капитуляция открыла Карлу VIII путь во Флоренцию и в самое сердце Италии. Кроме того, пресловутый главнокомандующий Флоренции преподнес французскому королю еще и 200 тысяч флоринов, чем положил начало выплате итальянскими государствами контрибуций для возмещения расходов французской армии.

Как только известие об этом предательстве достигло тосканской столицы, возмущение флорентийцев переросло в отчаяние. Причем это произошло так быстро, что Савонарола даже не успел произнести ни слова с обвинениями против тирана. Напротив, он как проповедник по-прежнему пытался направить народное чувство на стезю примирения с Богом через покаяние и молитву. В день Всех Святых¹ и последующие дни он был настолько взволнован, пытаясь усмирить народный гнев, что здоровье его серьезно пошатнулось.

---

¹ Праздник Всех Святых Католическая Церковь отмечает 1 ноября. — *Прим. ред.*

Наконец и Синьория² пробудилась от своего долгого летаргического сна. Понукаемая Пьеро Каппони и другими свободными гражданами, она решилась снарядить к королю свое собственное посольство, как бы игнорируя Пьеро и его дом. Первым из числа пяти послов был избран о. Джироламо, который принял это поручение только после совета со своими братьями. Вместе с двумя монахами-компаньонами 6 ноября он направился пешком в Пизу. Никому не было известно, примет ли король посольство в Лукке, где он тогда находился, или в Пизе, куда он намеревался прибыть в ближайшее время. Остальные члены посольства отправились в путь лишь на следующий день, но так как они двигались верхом, то вскоре в Рипафратте они нагнали Савонаролу.

Он не пожелал присоединиться к ним и вместе с ними последовать в Лукку. Он был уверен, что король не примет их в этом городе. О посольстве Синьории стало известно Пьеро. Удостоверившись, что Синьория пренебрегла им, он только теперь осознал, что государственная власть ускользнула из его рук. В тревоге он помчался во Флоренцию с целью восстановить утраченные позиции. Но расчеты его оказались неверными и лишь ускорили конец его господства и привели к первому изгнанию его семейства из города.

Напрасно велел он бросать в толпу конфетти, праздничные леденцы и распространять слухи, будто он привез с поля боя обнадеживающие известия. Никто не шевельнул и пальцем в его поддержку. Когда же он явился на площадь Синьории в сопровождении отряда солдат, то горожане не позволили ему войти в Палаццо. Вне себя от гнева, Пьеро ретировался под свист и улюлюканье толпы. Вдогонку сыпался град камней, которыми его забросали подростки. Пьеро был в панике — даже в собственном доме он не мог чувствовать себя в безопасности. Впопыхах он бежал из Флоренции, вслед за ним устремилось и все его семейство, в том числе и его брат-кардинал, будущий Папа Лев X. Наступил день 9 ноября. Флоренция снова обрела рес-

---

² Синьория с XIV-XV вв. стала новой формой правления в итальянских городах-государствах, сменив республику. — *Прим. пер.*

публиканскую свободу и провозгласила эту дату праздничным днем.

Пока флорентийцы предавались ликованию и грабили дворец Медичи, посольство о Джироламо было принято королем, прибывшим в Пизу. Савонарола произнес положенную по дипломатическому протоколу приветственную речь. Он напомнил Карлу VIII, что он, смиренный инок, монаршей милостью допущенный предстоять перед королем Франции, уже несколько лет тому назад предрек приход его в Италию. Заверив короля в том, что Флоренция готова встретить его как своего друга, Савонарола именем Всевышнего просил о прощении обид и благожелательном отношении к городу.

Не должно вызывать удивления, что о Джироламо в своей речи назвал такого ничтожного в нравственном отношении монарха, как Карл VIII, «орудием Господа» и даже «вершителем суда Божия». В те времена подобная завышенная оценка короля, возглавившего итальянский поход, была общепринятой нормой³. Кроме того, Савонарола, будучи опытным богословом, знал, что в деле суда Своего Господь может использовать даже и демона. Поэтому надежды, возлагавшиеся Савонаролой на короля как на орудие суда Божия, отнюдь не противоречат его дару пророчества. Заметим также, что при этом Савонарола не уставал повторять, что если Карл VIII поведет себя неподобающим образом, особенно в отношении Флоренции, то Господь сурово накажет его и лишит вверенной ему судьбоносной миссии.

На первых порах результаты посольства Савонаролы, казалось, не обнадеживали, хотя король и проявил необычайный интерес к личности и пророчествам монаха, о котором он, впрочем, и без того был наслышан. Король неоднократно повторил послам, что о каком-либо соглашении или договоре не может быть и речи до тех пор, пока он не вступит в пределы «славного и великого города».

Тем временем пизанцы, избавившись от господства Флоренции, получили свободу из рук короля. И на следующий день,

³ Ср. SCHNITZER G., *Savonarola*, Milano 1931, pp. 188-190.

10 ноября, многим флорентийцам пришлось спасаться бегством из Пизы и возвращаться на родину под защитой монаха-посла. В таких чрезвычайных обстоятельствах Савонарола, не дожидаясь воскресного дня, поспешил взойти на кафедру собора Санта Мария дель Фьоре. Требовалось срочно успокоить смятенные души и, обратив к Господу молитву о милосердии, постараться пробудить во флорентийцах милость к ближним. В противном случае они могли стать жертвой взаимной ненависти и партийной распри. Величайшая заслуга Савонаролы в том и состоит, что великая флорентийская революция свершилась в те дни без кровопролития.

Прибытие короля во Флоренцию должно было состояться 17 ноября. Несколько дней тревожного ожидания Синьория употребила на подготовку города к торжественному приему, не упустив, впрочем, из виду и возможности, в случае чего, встретить незваного гостя во всеоружии. Девушки и молодые женщины были укрыты в близлежащих монастырях и обителях.

Карл VIII въехал в город с копьём наперевес, как и подобало завоевателю. Он расположился во дворце Медичи на Виа Ларга⁴. С самого начала переговоры флорентийцев с ним пошли очень трудно. Французы относились к флорентийцам, как к поверженному врагу, а не союзнику. Французская солдатня только ждала сигнала, чтобы приступить к разграблению города. Поведение высших чинов также не внушало никакого доверия гражданам, тем более что вскоре король распустил слух, будто переговоры находятся на грани срыва и Флоренция будет покорена силой оружия.

В обстановке столь явной угрозы, нависшей над Флоренцией, Синьория поспешила обратиться к настоятелю монастыря св. Марка с просьбой, чтобы тот предупредил короля о том, что Флоренция скорее возьмется за оружие, чем согласится на унижительные условия сдачи на милость победителя, а также напо-

---

⁴ Дворец Медичи (или Палаццо Риккарди) на Виа Ларга (ныне Виа Кавур) строился по проекту Микелоццо с 1444 по 1459 год. К роду Риккарди перешел в 1670 году. — *Прим. пер.*

нил королю о других своих грозных пророчествах. Гонцы Синьории постучали в монастырские ворота, когда братия собралась на трапезу. В пятницу, как обычно, на столе у монахов были только хлеб и вода. Получив известие, Савонарола тотчас же встал из-за стола и обратился к монахам с просьбой помолиться за него.

Штаб-квартира короля располагалась в нескольких шагах от монастыря св. Марка. Без предварительного предупреждения настоятель доминиканцев явился к королю во дворец с просьбой об аудиенции, несмотря на явную враждебность, вызванную его появлением среди солдат и придворных. Первоначальный отказ дать ему аудиенцию был, однако, вскоре преодолен едва ли не чудесным образом. Оказавшись перед королем, о Джироламо снял со своей груди распятие и, подняв его над собой, произнес страстную речь в защиту Флоренции, преисполненную просьб и предостережений. Король был в явном замешательстве и, желая успокоить монаха, согласился на пересмотр условий мирного договора. В срочном порядке были составлены новые статьи договора, которые, по требованию Савонаролы, были неоднократно зачитаны в присутствии короля.

Однако стоило посланнику выйти за дверь, как все эти новые статьи были переписаны и исправлены вовсе не в пользу флорентийцев. Французские военачальники уже не смущаясь притесняли безоружных граждан. Так продолжалось до тех пор, пока 24 ноября в одном из кварталов Флоренции — Борго Оньисанти (получившем название от церкви Всех Святых) — вспыхнул огонь народного протеста. Только после этого французы осознали серьезность опасности массового восстания. На следующий день Пьеро Каппони на глазах у короля демонстративно изодрал в клочья неприемлемые статьи мирного договора, сказав при этом исторические слова: «Трубите в свои трубы — мы станем бить в свои колокола!» В конце концов король был вынужден распорядиться о подготовке нового варианта документа, принятого затем под присягой 26 ноября в церкви Санта Мария Новелла.

Однако и после того как договор был скреплен присягой, король не пожелал уйти из Флоренции. Тогда Синьория снова обратилась за помощью к Савонароле, прося его напомнить королю о гневе Божьем. Наконец, по прошествии десяти дней тревожной неопределенности, французы ушли из Флоренции, продолжив свой поход в южном направлении, и обосновались в Сиене, чему способствовала необычайно теплая осень.

Весь этот решающий месяц Савонарола прожил с тяжелым сердцем. У него не было возможности уединиться и оплакать свое собственное горе — смерть любимой матери. Все свое время он был вынужден посвящать заботам о духовном и материальном благополучии монастыря и Флоренции, с которыми Божественное Провидение связало его судьбу. Его «любимая матушка», как обращался он к ней в своих письмах, умерла 16 ноября в Ферраре. Он действительно был очень сильно привязан к ней, несмотря на кажущуюся черствость его сыновних утешений и советов. На следующий день, 17 ноября, во Флоренции умер Пико дела Мирандола, его вернейший друг и восторженнейший последователь, которому Савонарола не раз советовал вступить в доминиканский Орден. Но в доминиканское одеяние Пико сподобился облачиться лишь на смертном одре в тот самый день, когда Флоренция украсилась лазурными стягами с изображением лилии короля Франции.

Завершая проповедь, произнесенную им 23 ноября, о. Джиrolамо посвятил несколько слов покойному другу, чья смерть повергла в глубокую скорбь всю флорентийскую и европейскую культуру. В своем поминальном слове Савонарола сказал, что погасло светило юного гения, который, «проживи он чуть дольше, затмил бы своими книгами всех писателей, творивших на протяжении восьми столетий до него». Савонарола, напомнив о том, что Пико долго не принимал милости Божьей, обратился к верующим в храме, чтобы они помолились за грешную душу усопшего⁵.

---

⁵ SAVONAROLA G., *Prediche sopra Aggeo*, EN, pred. 23 nov.

ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ В БУРНОМ МОРЕ

Будто после наводнения, Флоренция в конце ноября представляла собой печальное зрелище. Город был погребен под грязью и нечистотами, оставленными французскими варварами-оккупантами. Не менее ужасающим был груз внутренних и внешних политических проблем, мешавших возвращению Флоренции к мирной жизни. Предстояло поднять из руин государственность, усмирить разбушевавшиеся страсти и настроить людей на дружную работу. Главное, что предстояло сделать, — привить народу привычку жить в обстановке свободы после шестидесятилетней тирании Медичи. Для этого необходимо было изыскать средства и настроить людей на поддержку требований Флоренции вернуть себе утраченные территории. При этом самой серьезной опасностью была ненависть в отношении граждан Флоренции, запятнавших себя сотрудничеством с прошлым режимом. Во многих людях она грозила перерасти в кровную месть.

Рождественский пост начался 30 ноября. Савонарола поднялся на кафедру флорентийского собора. Обращаясь к флорентийцам с проповедью, основанной на словах библейских пророков, он призывал их не падать духом и приступить к восстановлению

Флоренции. Он хотел остудить горячие головы, чтобы отвести от Флоренции опасность гражданской войны. В этом своем намерении он был предельно осторожен, но тверд. Он не льстил народу даже ценой собственной непопулярности. Так, он открыто осудил смертную казнь Антонио Бернарди, хотя тот и был всего лишь послушным исполнителем несправедливых приговоров Лоренцо и Пьеро Медичи. На протяжении всего декабря изо дня в день Савонарола читал проповеди перед многолюдными толпами, жадно ловившими каждое его слово, несшее возвышенное учение христианской любви к ближнему. Желая преодолеть бесплодные распри между сторонниками и противниками той или иной формы государственного устройства, Савонарола предложил взять за образец форму правления, зарекомендовавшую себя в Венецианской республике.

В середине декабря он приступил к проповеди на тему книги Аггея, библейского Пророка эпохи воссоздания Израиля после вавилонского пленения. Благодаря подобным внушениям Савонаролы в обстановке миролюбия и согласия флорентийскому народу удалось выработать согласованный текст новой демократической конституции. Однако флорентийцы не хотели поставить его на голосование прежде, чем их «возлюбленный пророк» не выскажет своей похвалы. Савонарола был приглашен в Палаццо Веккьо на конституционное собрание и дал высокую оценку новой конституции — ее содержание соответствовало его советам. Савонароле, полагали флорентийцы, принадлежит честь создания народного правления: «В представлении флорентийцев заслугой Савонаролы, — пишет Р. Ридольфи, — явилось создание таких условий, при которых оказалось возможным народное правление, так как, например, авторитета Содерини или какого-либо другого гражданина не было достаточно, чтобы идея народного правления получила большинство в Великом Совете. В этом, разумеется, и состоит величайшая заслуга Савонаролы, с которой связана высокая оценка, данная ему всеми историками и крупнейшими специалистами в области политических наук»¹.

---

¹ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 139.

Пользуясь своим престижем «наичестнейшего советника», Савонарола во имя «всеобщего блага» предложил ввести строжайшие законы, карающие человекоубийство и содомию. Только так, считал он, возможно искоренить язву кровной мести, творимой по частному произволу, и распространение низменного порока мужеложства. В это время авторитет Савонаролы находился на столь высоком уровне, а его популярность была столь огромна, что почти всякое его пожелание необычайно легко претворялось в закон или, по меньшей мере, с должной серьезностью рассматривалось на заседаниях Совета.

Однако при этом следует всегда помнить, что авторитет его действовал только в сфере нравственности. Поэтому было бы неправильным изображать Савонаролу каким-то деспотом или закулисным деятелем флорентийской Синьории. С течением времени Савонаролу все более тяготил его столь высокий авторитет в политических делах, который он приобрел помимо собственной воли лишь благодаря ежедневному служению своей священной проповедью. Сторонники прежней власти, совершенно забыв, что именно Савонароле они обязаны своей жизнью, обвиняли его в пристрастной благосклонности к «правлению черни». Такие же упреки бросали ему и представители крупной буржуазии, несмотря на то, что сами они были искренними поборниками республиканской формы правления. Сразу же после восстановления коммунальных свобод Флоренция разделилась на партии «Белых» и «Серых». Причем раскол этот был настолько глубок, что Савонарола был вынужден настаивать на применении самых строгих мер в отношении тех, кто употребляет подобные названия, разжигая тем самым древнюю вражду и партийные пристрастия. Кроме того, во Флоренции появилась масса людей, недовольных монахом. Одни ненавидели его, потому что он был чужестранец, другие — просто потому, что монах насаждал в городе нравственность, нормам которой они не желали подчиниться.

Уже в первой половине 1495 года проявления недовольства все более дают знать о себе, хотя сначала — в скрытой и как бы случайной форме. Память о заслугах о. Джироламо была еще

слишком свежа: монах заблаговременно предупредил Флоренцию о вторжении короля Франции и перед его лицом мужественно встал на защиту прав флорентийского народа; он предотвратил кровопролитие и гражданскую войну, заложил прочные основания новой республиканской формы правления. И все-таки великий проповедник, чутко отзывавшийся на малейшие колебания общественной атмосферы, уже ощутил рост глухого недовольства и той опасности, которой он подвергал себя лично.

Конечно, если бы он желал обезопасить себя самого, то пользовался бы подходящим моментом, чтобы хоть на время покинуть Флоренцию и сделать это именно в разгар своей славы, что наверняка вызвало бы рост почти всеобщего сочувствия к нему. Тем более что случай оставить Флоренцию напрашивался сам собой. Совет старейшин города Лукки потребовал от Савонаролы незамедлительно перевести в городскую казну великопостные сборы за текущий год или прибыть в Лукку и читать проповеди в зачет долга. В подкрепление своего требования они вручили о. Джироламо послание Папы, поддержавшего их запрос. Савонарола сразу же догадался, что за этой интригой стоит элементарный расчет Синьории, связанный с тем, чтобы принудить его покинуть Флоренцию.

Однако о. Джироламо подчинялся другим, высшим принципам, в силу которых он был должен остаться во Флоренции и довести реформу до конца — как в монастыре св. Марка, так и в других мужских и женских обителях, находящихся в его подчинении. Кроме того, ему надлежало позаботиться и о многочисленных мирянах, мужчинах и женщинах, старых и молодых людях, полностью вверивших себя его отеческому руководству. Да и вся община устами многих своих набожных представителей умоляла его не оставлять Флоренцию. По совести говоря, мог ли о. Джироламо разочаровать их? Голос Божий и голос собственной совести вынуждали его не покидать место кормчего в то время, когда корабль уже вышел в открытое море, на коварных просторах которого в любую минуту могла грянуть буря. Правда, потоки грязной лжи и клеветы, обрушив-

шиеся на о. Джироламо, то и дело исторгали из груди его стоны, побуждая к бегству:

«О, как мне хотелось бы отправиться сначала в Лукку, а оттуда еще куда-нибудь — как можно дальше отсюда. Молите же Господа, дабы даровал мне милость пойти с проповедью к неверным, ибо таково мое величайшее желание. Ведь я говорил вам, что неверные обратятся на путь истины в нашу эпоху, и да будет так, и об этом мое свидетельство к вам»².

Так изливал он душу свою, но лишь под воздействием той горечи, которую человеческая неблагодарность поселяет в сердце всякого, кто желает людям добра. Слишком прочной стала привязанность его к флорентийскому народу, с которым он делил радость и горе в самые драматические дни своей жизни. Нередко с уст его слетали признания в любви к флорентийцам — «сыновьям и дочерям моим». Так, обращаясь ко всему флорентийскому народу, он однажды воскликнул:

«Умоляю тебя, Флоренция, ибо не могу приказывать тебе, ибо я не синьор твой, а отец, — поступай по собственному разумению. Я же стану молиться Господу за тебя, дабы он вразумил тебя»³.

В молитвенной тишине кельи время от времени он окидывал внутренним взором свой жизненный путь, по которому его ведет Провидение. Он стремился как можно глубже вникнуть в смысл этого пути, чтобы исполнить волю Господню. Мало кто из людей обладал столь ясным, как у него, пониманием собственной судьбы. Поэтому биографам его трудно избавиться от соблазна сформулировать, пусть в виде рабочей гипотезы, то, что современники Савонаролы считали доказанным фактом: наличие у него внушенного свыше дара пророчества. На исходе судьбоносного 1494 года он сам в одной из проповедей представил свой жизненный путь в виде притчи:

---

² SAVONAROLA G., *Prediche sopra i Salmi*, vol. I, EN, p. 125.

³ *Ibid.*, p. 62.

«Один юноша, оставив отчий дом, оказался в морской гавани. Прохаживаясь по пристани и глядя на волны, он вдруг заметил в них резвящихся рыбок — и ему захотелось стать рыбаком. Постепенно это желание крепло и сделалось neodолимым. Ему посоветовали: обзаведись лодкой и выходи в открытое море, там наловишь более крупной рыбы.

И вот, наконец, хозяин баркаса взял юношу с собой в море... О, Флоренция, юноша, ушедший на промысел в открытое море и сетующий, что потерял из виду свою гавань, сейчас стоит здесь, перед тобой. Мне было сказано: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего»⁴ и оставь все. Так я пришел в морскую гавань, то есть в религию, когда мне было двадцать три года. Больше всего любил я покой и волю. Эта любовь и привела меня в эту гавань. Чтобы обрести еще большую волю, я ни разу не пожелал женщины. И чтобы обрести покой, я оставил мир...

Нет, я никогда не желал стать священником ради моего вящего спокойствия, но потому желал стать им, чтобы всегда делать то, что будет сказано мне... Так я был рукоположен в сан священника... Господь пожелал взять меня на корабль Свой для рыбной ловли в открытом море. Мало-помалу Он привел меня к вам сюда, как вы и сами видите, ибо, оказавшись в открытом море, я перестал видеть родной берег и не мог возвратиться в порт...

Теперь передо мной в открытом море — величайшая буря. Ведомо мне, что готовится великое испытание, и я уже вижу его. Позади родной берег, но он уже скрылся из виду. Дующий с берега ветер увлекает меня вперед. Судя по всему, Господь пожелал, чтобы я никогда не вернулся в родную гавань. По правому борту вижу избранных Богом, говорящих мне: не останавливайся, полный вперед! Я слышу слова их и не могу не помочь им. По левому борту столпились бесы и грешники, прислужники их и приказчики, обрушивающие на нас потоки лжи и клеветы. Сверху над нами — жизнь веч-

---

⁴ Быт 12, 1.

ная. Одно желание и одна надежда — достичь ее. Внизу подо мной — преисподняя. Она внушает страх и ужас душе моей, ведь я всего лишь человек, и человек грешный. Только Господь может протянуть руку помощи мне.

Господи, куда Ты увлек меня? Вместе с Иеремией скажу: “Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог...” (Иер 20, 7). Желание наловить рыбы для Тебя увлекло меня в открытое море, и я не вижу теперь гавани, чтобы обрести в ней покой. “Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею!” (Иер 15, 10).

Вижу всюду войны и разделения, угнетающие меня. Спасите меня от гибели в водовороте вашем, друзья мои. Хотя бы вы, друзья мои, избранные Богом, ради которых днем и ночью печалюсь я, хотя бы вы пощадите меня... Делайте добро, об ином не прошу вас. Главное, чтобы вы были угодны Богу и спасли душу свою... Что ж, сами теперь видите, в каком положении корабль наш, и куда Господь пожелает вести его, не видно...

Этой ночью поспорил я с Ним... Говорит Он: “Полный вперед!” Я возражаю: “Господи, нет сил... Позволь вернуться в родную гавань”. Он сердится: “Да как ты смеешь, назад нет пути...” Тогда я спрашиваю: “Господи, если не желаешь этого, прав Ты. Только ответь мне — могу ли я, пусть на краткий миг, возразить Тебе, при том, что знаю — прах я и пыль. Итак, ответь мне, если воля Твоя такова, чтобы скитался я в этом открытом море, зарабатывая улов для Тебя, почему должен я заниматься этим промыслом именно здесь, а не в другом месте? Какое мне дело до этой Флоренции? Ведь родом я, как известно Тебе, из Феррары, а не из Флоренции?” Господь же ответил: “Неужели ты забыл, что читал о человеке, шедшем из Иерусалима в Иерихон — как по дороге на него напали разбойники и избили его, и как мимо проходили соотечественники, однако никто не оказал помощи ему, кроме самаритян-

нина? Или ты еще не убедился в том, что написано: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем...» (Мф 13, 57)». Я же сказал на это: «Я рад произносить проповеди так, как всегда, для искоренения пороков и возрастания добродетели — и здесь, во Флоренции, и вообще, где угодно Тебе. Но какое мне дело до государственного строя Флоренции и причем здесь мои проповеди?» Тогда Господь ответил мне: «Иди за Мной».

И последовал я за Ним, и обошли мы мастерские живописца, ваятеля и золотых дел мастера, предлагая каждому из них исполнить сложный заказ, в котором бы соединилось мастерство скульптора и живописца. Один только золотых дел мастер согласился сделать то, что требовало одновременно мастерства живописи и ваяния...

«Таково и твое ремесло, — сказал мне Господь. — Проповеди твои — духовное дело, но, памятуя о душе, следует создать и сосуд, в коем можно было бы сберечь духовность и все, чем руководствуется дух... Именно это надлежит тебе сделать во Флоренции для ее же блага. Надо изваять для нее такую государственную форму, которая стала бы вместилищем духа, коль скоро Флоренция пожелала жить по законам добра».

Я же сказал: «Господи, я непригодное орудие. Господи, лучше бы Ты избрал кого-нибудь другого, более искусного и лучшего, чем я». Но Он возразил: «Или не знаешь, что Господь выбирает слабых, чтобы посрамить сильных?.. И желание Его таково, чтобы не орудию была слава, а Богу. Ты всего лишь орудие, Я — зодчий, возводящий здание...» Тогда согласился я с радостью: «Вот я, Господи, — да будет воля Твоя! Но ответь мне, Господи, каково будет мне воздаяние в жизни будущей?» И ответил Господь: «Воздаяние твое — жизнь вечная».

И спросил я в последний раз: «Что будет мне в этом мире?» И Господь ответил: «Да не будет слуга больше господина своего. Или не читал ты, что после проповеди Моей наро-

ду иудейскому он распял Меня. Так будет и с тобой — не иначе". "Господи, — воскликнул я, — дай умереть ради Тебя, как и Ты умер ради меня!"

"Не спеши, недолго ждать тебе, — сказал Он на прощание, — ибо скоро исполнится все, чему надлежит быть, а затем — да будет оплотом тебе сила, которую дарует Бог".

Итак, Флоренция, ты слышала, что предвижу я, ибо ведома мне та ступень, на которой стою...»⁵

Тем временем постепенно складывалась оппозиция, желавшая опорочить о. Джироламо и убрать его со своего пути. С одной стороны, против Савонаролы сплотилась партия либертинов — развратников и сластолюбцев, впоследствии более известных под названием «Арраббиати» («Озлобленных») и «Компаньяччи» («Молодчиков»). С другой стороны, на него ополчились «Тъепиди» («Теплые»), то есть те, кто лишь формально соблюдал правила христианской морали, но в действительности в штыки встречал всякий призыв к более умеренному и религиозному поведению. В числе «Теплых» было немало церковников, среди них особенно выделялся проповедник-минорит о. Доминик Понсо. В предыдущие годы он с охотой помогал Савонароле, однако в начале 1495 года Понсо переманили на свою сторону эмиссары миланского герцога Лодовико Моро, и он с не меньшей охотой стал бороться с Савонаролой. Дело в том, что к этому времени герцог успел переменить свои взгляды на итальянский поход короля Франции и начал совместно с другими государями Италии интриговать против короля, пытаясь сколотить антифранцузскую лигу, непременным участником которой, согласно его планам, должна была стать Флоренция. Герцог не сомневался, что Савонарола ни под каким видом не согласится с подобным переворотом во внешнеполитических делах, и потому принял решение устранить его со своего пути. Флорентийским же друзьям герцог предоставил право самостоятельно решать, как ликвидировать Савонаролу наиболее эффективным образом.

⁵ SAVONAROLA G., *Prediche sopra Aggeo*, EN, pp. 324-330.

Настоятель монастыря св. Марка вскоре воочию убедился, сколь превратна мирская слава и велика человеческая неблагодарность, а к тому же, сколь слабо политическое руководство Флорентийской республики. После того как на пост гонфалоньера правосудия⁶ избрали Филиппо Корбицца, человека упрямого и недалекого, да еще и заклятого врага Савонаролы, Понсо вместе с другими политическими оппонентами организовали в Палаццо проведение так называемого «богословского диспута». Они решились дать открытый бой Савонароле в связи с тем, что тот якобы вмешивается в политические и социальные дела города. Настоятель доминиканцев из монастыря Санта Мария Новелла инициировал тему диспута, взятую из Второго Послания Апостола Павла к Тимофею: «Никакой воин не связывает себя делами житейскими». Ему и было поручено подвергнуть уничижительной критике пророчества своего же брата-доминиканца.

Важно подчеркнуть, что самого о. Джиrolамо известили о диспуте лишь в самый последний момент, чтобы не дать ему времени на подготовку. Однако, выслушав до конца вероломную речь, Савонарола прокомментировал ее, сказав только, что и в данном случае сбываются слова Священного Писания: «Сыновья матери моей разгневались на меня» (Песн 1, 5). Покидая диспут, он обещал ответить на все обвинения при первом же случае — проповедью перед всем флорентийским народом. Он сдержал слово и через два дня, 20 января, в день памяти св. Себастьяна, произнес эту проповедь. Кто желал бы поглубже познакомиться с мыслью Савонаролы, тому следует прочитать проповедь целиком.

Без особого труда он отвел обвинения в политиканстве, а настоятелю монастыря Санта Мария Новелла напомнил о гражданских деяниях святых, прославивших Орден. Именно

---

⁶ Гонфалоньер (или знаменосец, от *gonfalone* — знамя, хоругвь) правосудия (или справедливости — от *giustizia*) — должность, введенная в 1293 году; гонфалоньер правосудия возглавлял правительство Флорентийской республики, Синьорию. — Прим. пер.

во Флоренции трудились св. Петр Мученик и св. Екатерина Сиенская⁷, кардинал Латино Малабранка и св. Антонин Пьероцци. Все они оставили неизгладимый след, способствуя примирению враждующих сторон и укоренению в гражданском обществе высших нравственных начал. Савонарола, разумеется, вышел победителем из этого диспута. Правда, столь внезапное выступление оппозиции навело его на мысль, что в целях безопасности ему следовало бы на время прервать свою проповедническую деятельность.

---

⁷ Св. Петр Мученик (1205-1252) — доминиканский проповедник, боровшийся против ересей; св. Екатерина Сиенская (1347-1380) — покровительница Италии; в 16 лет вступила в Третий Орден Доминиканцев. — *Прим. ред.*

ЛИГА, ФЛОРЕНТИЙЦЫ И САВОНАРОЛА

Свой диалог с флорентийцами Савонарола продолжил лишь в последнее воскресенье перед Великим постом, которое в тот год пришлось на 1 марта. Великопостные проповеди он начал читать все в том же флорентийском соборе, так как Синьории удалось добиться отзыва папского бреве с предписанием Савонароле проповедовать в Лукке. Основной темой на этот Великий пост Савонарола избрал книгу Иова. Он продемонстрировал блестящее умение находить в словах этого таинственного восточного патриарха хронику повседневной жизни Церкви в Италии и Флоренции того времени. Постепенно слушатели его становились прямыми участниками разворачивавшейся у них на глазах драмы.

Таким образом, Савонароле удалось убедить народ Флоренции в необходимости одобрения, вопреки бешеному сопротивлению оппозиции, «Закона о всеобщем мире и праве на апелляцию «шести бобов»»¹. В этом великопостном круге проповедей осо-

---

¹ Преступления против государства и уголовные преступления, не подлежавшие ведению Синьории, рассматривались Восемью Гвардии и Балии — им давалось право «шестью бобами», то есть шестью голосами, подвергать гражданина ссылке, изгнанию, конфисковывать его имущество или даже приговаривать к смертной казни. Закон, принятый под давлением Савонаролы, ввел апелляцию на решение «шести бобов». — *Прим. пер.*

бую известность получила проповедь, произнесенная Савонаролой 1 апреля. В мгновение ока разошлась она в виде брошюры по всей Италии. В проповеди рассказывается история воображаемого посольства Савонаролы, предпринятого по поручению флорентийцев, к Приснодеве Марии на восьмой день Благовещения. Всю эту проповедь целиком Савонарола включил в свой «Сборник откровений», изданный летом того же года. Правда, нам, современным людям, требуется известное усилие, чтобы, по меньшей мере в данном случае, выйти на уровень понимания средневековой эстетики, обеспечившей взаимопонимание проповедника с аудиторией².

Но уже к концу поста райские картины, в изобилии представленные в первой части круга, мало-помалу уступают место жестким обличениям «Теплых». Примечательно, что 31 марта против Карла VIII была, наконец, образована Лига, в которую вошли Папа, император, король Испании и государи ряда карликовых итальянских государств. Лодовико Моро без промедления отдал соответствующий приказ своим эмиссарам, обосновавшимся на берегах Арно. Спустя несколько дней о заговоре стало известно Савонароле; в приказе миланского герцога, желавшего вовлечь в свою авантюру Флоренцию, указывалось на необходимость во что бы то ни стало обесчестить монаха-проповедника.

Мессер³ Паоло Соменци, печально известный советник и посол миланского герцога, подстрекал «Компаньяччи». Понсо вел подрывную работу среди духовенства, неприязненно настроенного по отношению к Савонароле. Они действовали с таким напором, что уже 4 апреля Савонарола был вынужден выступить с разоблачением заговора прямо с соборной кафедры. Оппозиция действовала на два фронта: в самой Флоренции она систематически распространяла клеветнические измышления, в Риме —

---

² Ср. RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 170.

³ Мессер (*messere*) — господин, почетное звание знатных граждан Флоренции, а также судей, в отличие от которых нотариусы именовались «сер» (*ser*). — *Прим. пер.*

пустила в ход все связи в дружественных себе кругах, добиваясь от Папы принятия канонических санкций против монаха.

При первых же сигналах тревоги Савонарола понял, откуда ему грозит опасность и на какую защиту он может рассчитывать. Он выступил с предупреждением, обращенным к злонамеренному духовенству, нападавшему на него в надежде на скорое отлучение Савонаролы от Церкви, сказал, что никакого отлучения не страшится, ибо оно будет несправедливым и незаконным, так как может быть основано только на заведомой лжи.

Карл VIII готовился выйти из Неаполя. В планы его входило совершить обратный марш-бросок в более сжатые сроки, чем при прошлогоднем вторжении в Италию. Хотя ему и удалось без единого выстрела завоевать все Неаполитанское королевство, пребывание на чужбине породило у него чувство неуверенности в своих силах, тем более что сопредельные Франции государства приступили к активному формированию враждебной ему коалиции, вовлекая в свою орбиту карликовые итальянские государства. С наступлением весны Карл выступил в поход. К этому времени армия его сократилась почти вдвое. Но во Флоренции его приближения опасались не менее, чем прежде, несмотря на то, что Карл формально был союзником флорентийцев. Они не доверяли ни самому королю, ни королевским солдатам, так как уже на собственной шкуре испытали французское вероломство. Весь город охватила тревога — разграбление, едва остановленное при первом визите французов, теперь, при их отступлении, могло стать реальностью.

Савонарола еще раз поднялся на кафедру 1 мая, обратившись к народу со словом ободрения. В подражание ветхозаветным Пророкам он перемежал угрозы обещаниями милости Божией. При этом он не упустил благоприятной возможности наставить флорентийских граждан на путь нравственной жизни. В этой весенней проповеди он призвал флорентийцев не поддаваться непрекращающемуся давлению со стороны миланского герцога. Флоренция, говорил Савонарола, может вступить в союз только с Иисусом Христом.

Карл повторно занял Рим 1 июня. Набожные христиане Вечного Города ожидали, что король положит предел бесчинствам семейства Борджа, предательство которого он узнал на собственном опыте — ведь бывший заложником короля Чезаре Борджа сбежал, чем нарушил договор своего отца, Римского Папы, с Францией. Папа, в свою очередь, вероломно принял сторону антифранцузской Лиги и успел бежать из Рима до прихода французских войск и укрылся в Орвието, откуда незаметно перебрался в Перуджу, пытаясь выйти в порт Анконы.

Савонарола, подобно многим своим современникам, ожидал разграбления Рима. При этом все надеялись, что Бог покарает Римскую курию и ее погрязших в распутстве и взяточничестве прелатов. Хотя разграбления на этот раз не произошло, но эта кара все-таки не обошла Рим стороной, и он действительно был подвергнут разграблению в 1527 году.

В Сиене, самом сердце Тосканы, Карл появился 12 июня. Флорентийцы были в панике. Все знали, что с французской солдатней возвращается на родину Пьеро Медичи. Но Карл никак не мог взять в толк, отчего сограждане Пьеро не желают принять его обратно, хотя бы в качестве частного лица. Прекратив распускать сплетни о Савонароле и клеветать на него, все флорентийцы как один снова обратили взгляд на монаха — последнюю свою надежду. 13 июня они командировали его к королю как «поверенного и заступника флорентийского народа». В пределы Сиены Савонарола прибыл в сопровождении двух монахов, но предпочел ожидать прибытия французов в Поджибонси.

Король несколько раз принял его, оказав послу подобающие знаки внимания как в Поджибонси, так и в Кастельфьорентино. Савонарола воспользовался случаем, чтобы не только отстоять интересы Флоренции, но и еще раз привлечь внимание короля к необходимости реформирования Церкви.

Распрошавшись с королем, направлявшимся в Пизу, Савонарола не мешкая поспешил во Флоренцию, где в соборе

Санта Мария дель Фьоре выступил с пространным отчетом о своем посольстве. Собор уже не вмещал желающих послушать его. Стоит ли повторять, что его снова чествовали как спасителя и отца отечества. Даже «Озлобленные» на этот раз были вынуждены прикусить языки и не высказываться публично.

Тем временем община св. Марка привлекала все более пристальное внимание как сильных мира сего, так и отверженных. Во Флоренции только и говорили о том, что Анджело Полициано и Пико дела Мирандола, будучи на смертном одре, просили о монашеском одеянии и были погребены в пределах монастыря. Следом за ними о доминиканском одеянии стали просить не только многочисленные молодые люди, но и первые граждане Флоренции, как, например, Пандольфо Ручеллаи, один из Восьми Гвардии и Балии⁴, прославленные гуманисты — Дзаноби Аччайуоли, непревзойденный знаток классических языков, Джорджо Антонио Веспуччи и Малатеста Сакроморо. В монастырской библиотеке теперь собирался цвет ученого мира. Так была основана Академия святого Марка. После изгнания Медичи книжные сокровища этого семейства были размещены на временное хранение в монастыре св. Марка. Желая приобрести эту библиотеку для монастыря и сделать ее общедоступной, Савонарола продал монастырские земли, прилегающие к странноприимному дому св. Магдалины в Валь-Муньоне.

Савонарола, «человек, который по невежеству неученых и ученых людей долгие годы носил порочащее его имя разорителя книжных богатств»⁵, вовсе не был «мрачным варваром», каким рисуют его противники. Ему принадлежит честь открытия при монастыре греко-латинской Академии, где преподавали также древнееврейский, арабский и халдейский языки. Из стен этой

---

⁴ Восемь Гвардии и Балии — коллегия Синьории по ведению войны. В буквальном переводе «балия» (*balia*) означает «власть». Здесь и далее — коллегия, наделенная особыми полномочиями. — *Прим. пер.*

⁵ *Ibid.*, p. 190.

Академии в эпоху Савонаролы вышел выдающийся библеист о. Санте Паньини.

Флорентийские художники наравне с учеными также испытали благотворное влияние и духовное притяжение Савонаролы и его монастыря. Андреа Делла Роббиа был в монастыре св. Марка, как у себя дома. Двое из его сыновей приняли в эти годы доминиканское одеяние. Сандро Боттичелли именно в эти годы решил посвятить себя религиозной живописи и навсегда сохранил верность учению и памяти, как говорил он, «своего» пророка. Благотворное воздействие Савонаролы испытали и такие живописцы, как Лоренцо Креди и Баччо Порта (прославившийся под именем Бартоломео). Джованни Корниоле запечатлел облик Савонаролы на одной из своих тончайших резных гемм. Микеланджело Буонаротти сохранил неизгладимую память о Савонароле в своих литературных сочинениях.

Однако многочисленным тиранам итальянских государств было чуждо искреннее желание мира, в пользу которого выступал настоятель монастыря св. Марка. В числе их забот не было никаких благотворительных дел, которые необходимо было совершить. Все они, подобно мрачной фигуре Лодовико Моро, стремились к одному — любой ценой добиться от Флоренции разрыва союзнических отношений с королем Франции и вступления в Лигу. Участникам ее было безразлично, что в таком случае флорентийские купцы, которые вели торговлю за Альпами, окажутся в тяжелейшем положении. Их вовсе не интересовало, что занятые французами флорентийские крепости не будут возвращены городу мирным путем. Противоположных взглядов, разумеется, придерживались синьоры, правившие городом из Палаццо Веккьо. Савонарола не мог не разделять их взглядов и призывал Синьорию сохранять верность договорным обязательствам и как можно дальше держаться от Лиги. К тому же он не утратил надежды, что Карл предпримет меры, чтобы положить конец беззастенчивой коррупции семейства Борджа и Римской курии.

По наущению Лодовико Моро, 8 сентября Александр VI Борджа пригрозил флорентийцам интердиктом⁶, если они окажут помощь королю Франции. Он угрожал и Карлу, если тот сей же час не уйдет из Италии. Он даже потребовал, чтобы в случае послушания Карл прибыл к нему в Рим. К Савонароле же Борджа обратился с особым посланием 21 июля, расточая перед монахом преувеличенные похвалы и требуя от него немедленной явки в Рим с докладом о пророчествах. Савонарола, конечно же, распознал ловушку, в которую он сразу же угодил бы после пересечения границы флорентийских владений. Борджа намеревался заставить его замолчать навсегда. К тому же состояние здоровья Савонаролы не позволяло ему предпринять в то необычайно жаркое лето столь длительное путешествие. Поэтому он ответил Папе вежливым отказом, изложив объективные причины, в силу которых не был в состоянии выполнить приказ. Что касается пророчеств, то он обещал как можно скорее переслать в Рим свою новую книгу — «Сборник откровений».

Но в тот же день, 8 сентября, грянул настоящий гром — Римская курия приняла меры к тому, чтобы Савонарола собственноручно получил другое папское бреве, выдержанное в совершенно ином духе. Бреве было адресовано «некому о Джироламо Савонароле, пребывающему в монастыре Святого Креста⁷ Ордена Братьев-Проповедников». Преднамеренно искаженным адресом (монастырь Святого Креста был монастырем францисканцев⁸, в котором находился Понсо) курия преследовала цель

---

⁶ Интердикт (*лат. interdicitum* — запрещение) — одна из форм средневекового церковного наказания, полное или частичное временное запрещение совершать богослужения и религиозные обряды, налагавшееся Папой или епископами как на отдельных лиц, так и на целую территорию — город или страну. — *Прим. пер.*

⁷ Собор Святого Креста — францисканская церковь, по преданию основана Франциском Ассизским; ее строительство было начато в 1295 году. — *Прим. пер.*

⁸ Францисканцы — монашеский Орден, основанный Франциском Ассизским; официально был утвержден Папой Иннокентием III в 1209 году. — *Прим. пер.*

сделать содержание бреве широко известным во всей Флоренции. Этим бреве Папа отозвал свое предыдущее решение об учреждении независимой конгрегации св. Марка и переподчинил этот монастырь, а также монастырь св. Доминика во Фьезоле Ломбардской конгрегации. Ее генеральному викарию давалось поручение расследовать дело о Джироламо Савонарола, однако, сумел обратить в свою пользу ошибочный адрес бреве. Он объявил этот документ недействительным и продолжал произносить свои воскресные проповеди в поддержку утвердившегося во Флоренции «благого правления», коему со всех сторон угрожают внутренние и внешние неприятели, и среди них самый опасный враг — Борджа. В это время Савонарола не покладая рук трудился над завершением строительства зала «Пятисот» для заседаний Великого Совета Флорентийской республики. На мраморной плите в честь открытия зала он приказал выбить памятные строки, написанные им в назидание флорентийскому народу: «Знай, что парламент означает желание взять управление из рук народа»⁹.

В последние дни октября весь спор, казалось, должен был разрешиться в пользу Савонаролы. Но примирительное папское бреве, датированное 16 октября, на поверку оказалось тактической уловкой. Это был шедевр лицемерия, которым Борджа лишь на время откладывал исполнение принятого месяцем раньше решения. В своем бреве Борджа не признал, что был введен в заблуждение или допустил досадную ошибку. Всю ответственность «за достойное сожаления возмущение флорентийского народа» он возложил на пророчества монаха монастыря св. Марка. При этом ему было прекрасно известно, что «возмущение» вызвало его собственное бреве, написанное под диктовку Лиги. Однако,

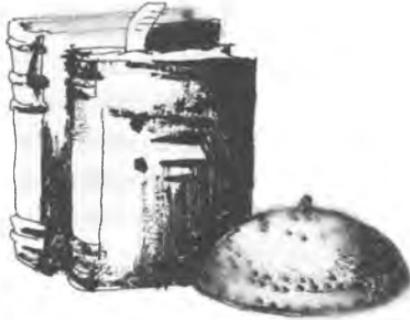
---

⁹ Парламенты (*parlamenti*) — всенародные собрания; особых прав они не имели и собирались лишь для подтверждения воли правительства или отдельных лиц. См. ГАЙДУК В. П., *Начала парламентаризма в Италии: «Трактат о государственном устройстве Флоренции» Джироламо Савонаролы // Из истории европейского парламентаризма. Италия. М., 1997. — Прим. пер.*

учитывая добрые намерения доминиканца, Папа заявлял об отмене всех своих распоряжений, кроме одного — он оставил в силе запрет на проповеди Савонаролы до тех пор, пока обстоятельства не позволят монаху прибыть в Рим и оправдаться в ответ на предъявленные ему обвинения.

Савонарола, как и обещал, в продолжение грозного 1495 года смиренно повиновался и не выступал с проповедями. И безрезультатно в канун Рождественского поста Флоренция обращалась к Папе с просьбами отменить запрещение, ибо, как писали флорентийцы, им хотелось бы «вкусить от благодати проповедей о. Иеронима».

ЖГУЧИЕ СЛОВА. ИСКУШЕНИЕ КАРДИНАЛЬСКОЙ ШАПКОЙ

Лишенный возможности говорить проповеди, Савонарола обратился к помощи печатного станка, смело делавшего в те годы свои первые шаги. Желая поддержать своих последователей из числа добрых христиан и ободрить ближних, он приступил к изданию апологетических¹ сочинений, получивших на исходе столетия широчайшее распространение. Так, Савонарола подготовил к печати свой первый нравственно-апологетический трактат, посвященный «Простоте христианской жизни». В нем он обозначил главные направления реформы, желательной для флорентийского народа и всего христианского мира своей эпохи.

Правда, успех его печатных трудов не шел ни в какое сравнение с воздействием живого слова. Поэтому Синьория изо всех сил старалась добиться от Римской курии отзыва запрещения Савонароле читать проповеди, чтобы не дать умолкнуть голосу одного из величайших священных ораторов всех времен и народов в угоду пресловутым мирским интересам одной из политических группировок.

---

¹ Апологетика (греч. *απφλογεμα* — защищаю) — основное богословие, занимающееся обоснованием христианского вероучения. Наибольшее развитие апологетика получила в католичестве и православии. — *Прим. пер.*

На Рождественский пост 1495 года о. Доминик Пешиа, временно заменявший Савонаролу в соборе, поддержал своими выступлениями «детскую реформу». На этом поприще Савонарола добился, казалось, невозможного. По городским кварталам «дети Флоренции» (в основном — молодежь подросткового возраста) стали избирать собственные «детские» магистраты и принимать на себя «торжественные обязательства» раз и навсегда отказаться от смертельно опасной флорентийской забавы «сассайола», то есть «побивания камнями», когда две или более соперничающие банды подростков осыпали друг друга градом камней до победного конца. Кроме того, деньги, вырученные от другой, не менее распространенной игры в кегли, они обязывались жертвовать впредь на благотворительные цели. Эти «флорентийские дети» ввергли тогда в удивление весь христианский мир той серьезностью, с какой они самостоятельно организовывали отряды, готовясь к религиозным праздникам, посещали проповеди, активно участвовали в делах благотворительности и старались придать народным карнавальным шествиям более христианский облик².

Они делали все это, вдохновленные словами Савонаролы, хотя сам он был занят тогда другими неотложными делами религиозной жизни Флоренции, например «женской реформой» и реформированием женских доминиканских общин. Что касается «женской реформы», то Савонарола добивался принятия во Флоренции соответствующих законов в области гражданского права. Не получив, однако, необходимого большинства голосов, Савонарола положился на добрую волю флорентийских женщин, сумевших благодаря своей активной жизненной позиции, набожности и безукоризненному поведению добиться признания и уважения в городе. Опираясь на них, Савонароле удалось сделать первый шаг на пути приведения нравов большого города в соответствие с принципами христианской морали.

---

² Интересные обобщения об эпохе и ее идеалах воспитания см.: *Гуманитарная мысль, школа и педагогика эпохи Средневековья и начала нового времени*. М., 1990. — Прим. пер.

Весь январь 1496 года Савонарола провел погружившись в заботы, связанные с основанием монастыря св. Екатерины Сиенской. Здание монастыря было расположено на западной стороне площади святого Марка. Стремясь с самого начала правильно организовать работу нового монастыря, Савонарола пригласил из Пистойи сестру Екатерину Кутильяно, желавшую помочь своими трудами сестре Камилле Ручеллаи. Сестра Екатерина по праву считается соосновательницей этой общины. В последующие столетия этот монастырь не раз послужил городу примером высочайшей христианской нравственности. То же можно сказать и об обители св. Луции. В том, что касается женского вопроса, эти две общины решали по сути дела ту же задачу, какую в сфере нравственного воспитания мужчин и подростков Савонарола отводил монастырю св. Марка. Под влиянием этих общин многие десятки юношей и девушек посвятили себя служению Богу, проявляя порой чудеса истинного героизма. Генеральный настоятель Ордена способствовал расширению конгрегации св. Марка, вверив ее заботам реформирование монастыря св. Доминика во Фьезоле.

Синьория по-прежнему не оставляла попыток оказать давление на своего посла в Риме и требовала от него пустить в ход все дружеские связи, чтобы добиться отзыва злополучного бреве, датированного 16 октября и запрещавшего Савонароле читать проповеди. Наибольшие надежды Флоренция возлагала на кардинала Карафу, попечителя доминиканцев. Именно ему Борджа в конце концов сказал о своем разрешении о Джироламо проповедовать. Однако разрешение так и не было получено на бумаге, а только «сообщено в устной форме». «Разрешение это, — подчеркивает Р. Ридольфи, — носило условный характер. Во всяком случае, оно вполне соответствовало характеру и умонастройению Борджа. В любой удобный момент Папа мог отречься от своих слов, что, впрочем, он вскоре и сделал. Но если не так трудно обмануть лживым словом отдельных людей и даже целые народы, то историю обмануть практически невозможно. Действительно, это сказанное шепотом кардиналу Карафе дозволение,

от которого, казалось, не должно было остаться и следа, сегодня достаточно полно документировано историками, не сомневающимися в его достоверности. Мы говорим “достаточно полно”, потому что ни один профессионально подготовленный историк сегодня уже не станет выступать с типичным для прошлой эпохи мнением, будто Савонарола возобновил свои проповеди наперекор папскому запрету»³.

Итак, Синьория своим постановлением от 11 февраля вменила Савонароле в обязанность возобновить проповедь на предстоящий Великий пост. Известие о том, что о. Джиrolамо станет проповедовать на Великий пост 1496 года, вызвало во Флоренции волну необычайной радости. В спешке возводился деревянный помост в соборе Санта Мария дель Фьоре, верхние ступени которого располагались на высоте окон. Ожидался невиданный прежде наплыв народа. Лучшие места в этом импровизированном амфитeatре предназначались «детям Флоренции». В Пепельную Среду⁴, 17 февраля, с первыми рассветными лучами собор стал наполняться народом и в считанные минуты был уже переполнен. Было подсчитано, что в соборе собралось более пятнадцати тысяч человек. В ожидании начала проповеди «дети Флоренции» пели священные гимны, наполнявшие души верой и нежностью. Однако, смешавшись с толпой верующих, в собор проникли «Озобленные», непримиримые противники Савонаролы, державшие наготове остро отточенные перья, чтобы без промедления отправить в Рим донос о порочных высказываниях проповедника.

Он же, по своему обыкновению, начал проповедь с развернутого истолкования книги Пророка Амоса, а затем произнес, быть может, самую достопамятную проповедь всей своей жизни. Проповедь была «слово в слово» записана тахиграфическим спосо-

---

³ RIDOLFI R., *op. cit.*, pp. 223 ss.

⁴ В Католической Церкви этот день служит началом Великого поста. В знак покаяния и воспоминания о бренности мирской жизни в эту Среду совершается обряд, во время которого головы верующих посыпаются пеплом. — *Прим. ред.*

бом (так в то время называлось искусство стенографии) и изда- на нотариусом Лоренцо Виоли под редакцией самого Савонаро- лы. Он нарочно избрал именно этот библейский рассказ, так как считал, что он более всего способен объяснить современникам, каким преследованиям сегодня подвергается евангельский про- поведник. Амос — это пророк, открыто говоривший от имени Бога, и за это он был убит. Савонарола же со все большей ясно- стью понимал, что и его самого ожидает подобная участь.

Бесчестное поведение Борджа, его семейства и двора вызва- ло ропот во всем христианском мире. Флорентийский проповед- ник, произносивший великопостную проповедь, также не мог молчать и пренебречь своим долгом ветхозаветного «стража». Поэтому он возвысил свой голос, осуждающий порок и грозя- щий ему наказанием. Слова древнего пророка эхом отзывались в его проповеди: «Слушайте слово сие, телицы тучные, которые на горе Самарийской, — вы, притесняющие бедных, угнетаю- щие нищих» (Ам 4, 1). И Савонарола заставил «телиц тучных», бесчинствовавших «на горе Римской», выслушать всенародный приговор: они были признаны виновными в совершении греха си- монии⁵ и бесстыжей похотливости. Говоря о римских прелатах, Савонарола негодовал: «Все помыслы их только о причинении зла, овладении телом женщин и юношей... Попустил Господь — и зарос сад сей чертополохом»⁶.

В доносы свои эти «страшные слова» включил не только мес- сер Лоренцо Виоли, но и «Компаньяччи», в тот же день снаря- дившие в Рим гонцов. Надо ли говорить, что слова эти были со- ответствующим образом препарированы и выхвачены из контек- ста проповеди? Папа, в общем весьма безразлично относивший- ся к «монашеским выходкам», на этот раз не выдержал и заявил резкий протест флорентийскому послу. Однако, чуть поостыв

⁵ Симония (от имени новозаветного персонажа Симона-волхва) — свято- купство — распространенная в период Средневековья покупка и продажа церковных должностей. Одним из требований церковной реформы Савонаро- лы была ликвидация симонии. — *Прим. пер.*

⁶ SAVONAROLA G., *Prediche sopra Amos*, vol. I, EN, p. 348.

и поразмыслив, предоставил делу идти своим чередом, надеясь, что флорентийцы сами оценят его великодушие и так или иначе примкнут к Лиге. Правда, как бы невзначай, он обронил: «Кстати, Лига не желала, чтобы этот монах читал проповеди». Впрочем, он продемонстрировал Синьории свою «благорасположенность», попросив посла передать ей, будто она в том нуждалась, «свои апостолические условия», которые «этот несчастный монах» должен выполнить, чтобы «не быть отверженным от Святого Престола».

Однако вместо того, чтобы стать тише воды, ниже травы и умолкнуть, Савонарола только добавил горечи в свои инвективы и угрозы. Так, он заявил, что, однажды начавшись во Флоренции, реформа на этом не остановится: «И искра сия возгорится в различных частях Италии и в умах величайших светских ученых. Так что, когда пробьет час, истина эта выйдет наружу. У меня уже есть письма от некоторых великих мужей, но о них лучше пока помолчать»⁷.

Подобный оборот дела не на шутку испугал Борджа, прекрасно понимавшего, сколь велика неприязнь к нему со стороны государей, прелатов и монахов, вызываемая его попытками узурпировать верховную власть и скандальным образом жизни. Во весь рост перед ним встала опасность соединения всех недовольных в широкую коалицию во главе с доминиканцем, как выяснилось теперь окончательно, человеком упрямым и, к тому же, инициатором реформы. Таким образом, Борджа принял все меры к тому, чтобы по делу монаха был начат судебный процесс. Надсмотр за судебным делом он поручил двоим своим кардиналам, которым должны были помогать двое помощников епископов, генеральный настоятель Ордена и четырнадцать экспертов-богословов.

Во Флоренции все более страшились, что Папа в ближайшее время наложит на город интердикт в наказание за то, что Синьория открыто выступает на стороне монаха. «Компаньяччи» распустили слух, будто папский герольд уже отправлен из Рима

---

⁷ Ibid., vol. II, EN, p. 108.

с приказом прекратить проповеди Савонаролы, но был встречен на границе и отправлен обратно по произволу Восьми Гвардии и Балии. Тем временем миланский герцог и другие главари Лиги оказывали давление на Римскую курию, добиваясь канонических санкций против монаха. Синьория продолжала действовать в пользу Савонаролы. Так, епископ Пандольфини публично напомнил Борджа, сетовавшему на непокорность монаха, что Савонарола произносит свои проповеди с папского дозволения, полученного в устной форме кардиналом Карафой.

Когда тучи над Флоренцией сгустились и казалось, что вот-вот Рим начнет метать громы и молнии, предгрозовая обстановка сама собой разрядилась. В конце марта по всей Италии прошел слух, будто Карл VIII готов снова перейти через Альпы и поспешить на выручку французским гарнизонам, подвергающимся серьезной угрозе в Неаполитанском королевстве. Члены Лиги забились тревогой и с подозрением стали следить друг за другом. Более других под подозрением оказался сам Борджа, тяготившийся пребыванием в лагере Лиги и готовый помириться с французскими захватчиками, лишь бы сохранить папскую тиару. Стремясь к личной выгоде, Борджа поспешил восстановить добрые отношения с «ужасным доминиканцем», самым «твердолобым поборником союза с французами во Флоренции». Что и говорить, в этот момент даже Лодовико Моро счел за благо написать Савонароле несколько весьма уважительных писем.

Так завершился этот исторический Великий пост. Противники Савонаролы не смогли нанести смертельный удар проповеднику. Многие уже считали его святым, другие же порицали за мрачные пророчества, сулившие неисчислимыя беды. Савонарола мог бы считать себя победителем, так как сумел внушить к себе уважение даже в стане своих самых заклятых врагов. Однако он не питал никаких иллюзий на этот счет. Более чем когда-либо он прозревал близость насильственной развязки — свое мученичество: «Иного не жду — только позора, поношений и, наконец, насильственной смерти, которую готов принять с вели-

чайшим желанием». Так звучал его ответ вероломному миланскому герцогу.

После Пасхи, 16 апреля, о. Джироламо был в Прато, где уже на следующий день в церкви Св. Доминика перед неисчислимой толпой произнес свою первую проповедь. В последующие девять дней он непрерывно читал проповеди, в частности, перед профессорами и студентами Пизанской высшей школы, временно оставившей свой город из-за возникших в нем беспорядков. Эта его проповедь, обращенная к ученому миру, вызвала живейший и горячий отклик у аудитории. Так, Марсилио Фичино и Оливьеро Ардуини, считавшиеся тогда современными Платоном и Аристотелем Флоренции, выступили с публичным заявлением, что отныне они являются ревностными почитателями Савонаролы.

Уставший, он возвратился в монастырь св. Марка, где в течение почти тридцати дней хранил молчание, демонстрируя тем самым свое уважение к постановлению Флорентийской республики, призвавшей всех прекратить на два месяца проповедование под предлогом чумы, угрожавшей городу. Разумеется, подлинной причиной было желание Синьории не дать противникам Савонаролы сделать карьеру на выступлениях против Савонаролы. Главной целью оппозиции было унижить и развенчать монаха в глазах набожных верующих.

Поэтому 8 мая Савонарола обратился к народу с увещанием о правосудии. Важно подчеркнуть, что последовавший затем цикл из шестнадцати проповедей, продолжавшийся до 3 июля, в основном был посвящен «женской реформе» и, говоря словами Савонаролы, «возвращению женщине ее истинного достоинства». Правда, и на этот раз ему не удалось сдвинуть реформу с мертвой точки. Он только еще раз засвидетельствовал, что является не суровым и фанатичным правителем Флоренции, но ее добрым пастырем и учителем христианской нравственности.

Всеобщее одобрение он снискал, предложив зажиточным гражданам предоставить городу, остро нуждавшемуся в средст-

вах, «неростовщический заем», то есть беспроцентный кредит. Когда он объяснил гражданам необходимость расширения своего монастыря для размещения вновь прибывающих послушников, город передал ему только что отстроенное здание Палаццо Сапиенца (Дворца Знания), которое флорентийцы соединили с монастырем подземным переходом.

Несмотря на то, что при осуществлении этих не запланированных заранее акций он не щадил суровых слов в осуждение прелатов Церкви, из Рима не последовало ни одного упрека. Напротив, сохранилось немало сведений, на основании которых можно предположить, что отношение Римской курии к нему стало диаметрально противоположным угрожающей позиции, занятой ею не далее, как весной, в великопостные дни. Предполагают, что Савонаролу усердно посещали многочисленные папские эмиссары. Борджа поручил им не прерывать переговоров с монахом из монастыря св. Марка. Очевидно, Борджа полностью оценил значение чрезвычайно высокого престижа, каким теперь пользовался Савонарола как в самой Флоренции, так и за ее пределами. Так, в середине августа Папа направил во Флоренцию поверенного доминиканцев, о. Людовика Феррарского. Он должен был совместно со своим земляком, тоже феррарцем Савонаролой, обсудить тематику будущих проповедей монаха и предложить ему принять кардинальский сан, правда, при условии, что тот согласится выполнить ряд условий.

Савонарола ответил на это предложение с должным смирением, сказав, что никогда не трудился и не намерен и впредь трудиться на ниве человеческого честолюбия. Свои проповеди он всегда читает как раб Божий, и поэтому, прежде чем он ответит, ему следует спросить совета у Господа. Савонарола сказал, что теперь он желал бы предаться молитве, а на следующий день в своей проповеди он даст окончательный ответ.

Эта проповедь прозвучала в Палаццо Веккьо в присутствии членов Великого Совета. Папский посланник жадно ловил каждое слово, желая услышать долгожданный ответ. Ровным и спо-

койным голосом, изложив вначале доводы в оправдание своей деятельности, Савонарола внезапно сменил тон и буквально выкрикнул, обращаясь к Господу, следующую мольбу: «Я не желаю шапки — ни большой, ни малой митры! Мне не нужно ее — кроме той, которую Ты дал Своим святым: венца мученичества. Красной шапки, шапки крови — вот чего я хочу!»⁸

Потрясенный подобным проявлением нравственного величия Савонаролы, Борджа решил оставить монаха на время в покое и вообще отложить следствие по его делу. Он просто не мог больше слышать о Савонароле, как бы о нем ни говорили — хорошо или дурно.

---

⁸ SAVONAROLA G., *Prediche sopra Ruth e Michea*, vol. II, EN, p. 126. Знаком кардинальского достоинства является красная шапка, которая символизирует готовность кардинала пролить кровь в защиту христианской веры. — Прим. пер.

НЕЖДАННОЕ ТОРЖЕСТВО ОСЕНИ 1496 ГОДА

Карл VIII все-таки разочаровал своих приверженцев и собственную армию, как оказалось, напрасно ждавших главнокомандующего с подмогой. Французские гарнизоны были вынуждены сложить оружие по всей территории Неаполитанского королевства. Во Флоренции партия, враждебная Франции, резко активизировала свою деятельность. Все более шумно выступала она против сторонников Савонаролы. Более того, в ряде случаев, не рискуя практически ничем, в центр своей критики она поставила проповедника из монастыря св. Марка.

Приободрился и Борджа, отдав приказ своим войскам проявлять активность на границах Папского государства с Флорентийской республикой в Валь-ди-Кьяна. Таким образом, Флоренция была вынуждена перебросить часть своих сил на этот беспокойный участок, ослабив тем самым осаду Пизы. Лодовико Моро позвал в Италию, считая ее проходным двором, другого венценосца. На этот раз приглашение получил император Максимилиан, состоявший в родстве с миланским герцогом-двурушником¹. Попытавшись в который уже раз при-

¹ Максимилиан I Габсбургский (1459-1519) после смерти первой жены женился (1495) на Бьянке Марии Сфорца, получив таким образом право вмешиваться в итальянские дела на стороне Лодовико Моро, своего родственника. — *Прим. пер.*

влечь Флоренцию на сторону Лиги, новоявленный кесарь, располагавший только потешной армией, возглавил Лигу, выступив в защиту пизанцев для того, чтобы сделать флорентийцев более уступчивыми.

Флорентийцы прекрасно понимали стратегическое значение своей крепости Ливорно, взятой в осаду венецианским флотом со стороны моря, в то время как войска Лиги угрожали ей со стороны суши. В сентябре на поле брани пал смертью храбрых Пьеро Каппони. Его гибель оплакивала вся Флоренция, устроив герою пышные похороны, достойные государя. Флорентийская армия, потеряв своего полководца, была деморализована.

Все больше давал знать о себе голод, начавшийся в сельской местности и перекинувшийся в город. Синьория обратилась с воззванием к флорентийским купцам, торговавшим во Франции, оказать срочную помощь отечеству, попавшему в опасное положение. Ответ купцов был щедрым: они срочно зафрахтовали несколько морских судов, снабдив их надлежащей вооруженной охраной, для доставки закупленного за свой счет зерна во Флоренцию. Правда, кое-кто из купцов, испугавшись морского шторма, предпочел затем переменить курс и сбыть свой товар ради более высокого барыша.

Подобные известия обескураживали и без того изнуренных голодом флорентийцев. Поэтому Синьория, не зная более, к каким еще земным силам воззвать о помощи, постановила обратиться к силам Всевышнего. В город был срочно доставлен чудотворный образ Богородицы из Импрунеты. Флорентийский народ помнил, что заступничество Пречистой Девы он обретал и при других общественных катастрофах.

Кроме того, обратились и к монаху, чтобы в столь грозный для Флоренции час он не оставил народ без своего утешительного слова. Савонарола поднялся на соборную кафедру 28 октября и обратился к народу со словом поддержки и веры в пророчество: «Не падайте духом, устройте крестный ход. Это — богоугодное дело. И если станете усердно и горячо молиться Богу, то,

уверяю вас, великая милость будет ниспослана, и тогда нам неко-го будет бояться»².

«Итак, 30 октября, — пишет П. Виллари, — в сопровождении огромной толпы был принесен в город чудотворный образ Божьей Матери из Импрунеты. Никогда еще флорентийцы не выказывали своих чувств религиозного благоговения с такой искренностью. Народ шел грустный, молчаливый, повсюду раздавали щедрую милостыню. Чувствовалась глубокая скорбь. На лицах простых людей, более чем когда-либо, можно было видеть признаки голода и страха перед новыми, еще большими страданиями.

Процессия приблизилась уже к воротам Святой Марии, когда от храма св. Фердинанда³ показался гонец с оливковой веткой в руках, во весь дух скакавший через мост Каррайя вдоль набережной Арно по направлению к Палаццо Синьории. Врезавшись в толпу, он сразу же оказался окруженным со всех сторон. Схватив лошадь за поводья, все стали спрашивать его о новостях из Ливорно. Совершенно неожиданно и почти чудесным образом прибыла из Марселя столь желанная помощь — как люди, так и хлеб. Корабли приближались к Ливорно при таком сильном попутном ветре, что едва неприятели успели заметить их, как они вошли уже в порт. Венецианцы не могли воспрепятствовать им в этом, ибо сами были вынуждены укрываться от бури за островком Мелория.

Невозможно описать необузданную радость народа: толпа с торжествующими криками провожала гонца. Слова его, переходя из уст в уста, преувеличивались, радостная весть моментально облетела весь город. Колокола зазвонили по-праздничному, во всех церквах торжественно служились благодарственные молебны Господу за столь чудесно ниспосланную помощь. Даже «Озлобленным» начинало казаться, что Бог спасает республику

² SAVONAROLA G., *Prediche sopra Ruth e Michea*, vol. II, EN, p. 320.

³ Ворота Святой Марии — городские ворота, над которыми стоял храм во имя Божьей Матери. Храм св. Фердинанда — городская церковь по дороге в Ливорно. — *Прим. пер.*

от неминуемой гибели, что на этот раз Савонарола оказался истинным пророком. Его имя и авторитет возросли еще больше. Простой народ восклицал: «Проповеди монаха и теперь спасли нас!»⁴.

Говоря по правде, помощь была не столь значительной, но, преувеличенная народной молвой, энтузиазмом или страхом перед противником, она сделала главное — подняла боевой дух армии и обратила короля в бегство.

Пока в обстановке вновь воцарившегося во Флоренции всеобщего согласия народ отмечал праздник Всех Святых и Поминовения усопших, Савонарола диктовал одну из своих прекраснейших проповедей, посвященную «Искусству христианской смерти». Тем временем в Риме, вероятно, для того, чтобы найти виновного в неуспехе Лиги, были приняты меры с целью окончательного устранения настоятеля монастыря св. Марка. 7 ноября соответствующее папское бреве было разослано почти всем братьям-проповедникам в Центральной Италии, то есть общинам Тоскано-Римской провинции Ордена.

Этим бреве предписывалось прекратить реформу, сделавшую пусть первые, но уверенные шаги в конгрегации св. Марка. Менее чем за пять лет монастырь Савонаролы пережил три радикальные перемены своей юрисдикции: в 1493 г. он был выведен из состава Ломбардской конгрегации, в 1495 г. снова включен в нее, теперь же ему предстояло влиться в новую, более обширную Тоскано-Римскую конгрегацию, состоявшую из 16 монастырей.

Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять подлинную цель подобной реорганизации. «Все это напоминало игру в шахматы, — напишет впоследствии Савонарола. — Игра состоит в том, чтобы путем передвижения разных фигур по клеточкам выманить короля из укрытия и объявить ему шах и мат». Цель многоходовой шахматной партии, разыгрывав-

---

⁴ Виллари П., Джироламо Савонарола и его время / Пер. с итал. Бережкова Д. Н., М., 1913. — С. 355-356. VILLARI P., *op. cit.*, vol II, pp. 491 ss.

шейся Римской курией, была неизменна — устранение Савонаролы, само присутствие которого на берегах Арно вызывало раздражение.

По мнению курии, якобы «во имя священного послушания» монахам можно было отдавать даже самые нелепые приказы, ибо монах не должен прекословить. Тем более, если приказ исходил от непосредственного начальника, то есть прелата, являющегося членом того же Ордена. С формальной точки зрения такой прелат не был стеснен мирскими заботами, в чем всегда можно было упрекнуть высшее церковное начальство вообще. Подобное хитроумное рассуждение, очевидно, и натолкнуло Александра VI Борджа на мысль поддержать инициативу нового поверенного братьев-проповедников, о. Франциска Меи, о перемене юрисдикции Ордена. К этому времени Меи успел убедить кардинала Карафу в необходимости такой перемены, и тот тоже, быть может вполне искренне, выступил за дальнейшее расширение конгрегации св. Марка. Желая скрыть свою интригу за ширмой добрых намерений, Меи предложил даже назначить викарием новой конгрегации благочестивого монаха и, к тому же, открытого последователя Савонаролы, о. Якопо Сицилийского.

В знак протеста против этой интриги Савонарола срочно написал «Апологию конгрегации святого Марка», увидевшую свет в начале 1497 года. Одновременно Папа получил ответ 250 монахов этой конгрегации, заявивших, что бреве они считают незаконным и, по совести своей, не согласны с заменой «строгости соблюдения устава» более широким и размытым понятием. Эти выпады Рим предпочел пропустить мимо ушей и оставить без последствий. При этом курия и не прислала никого во Флоренцию, чтобы претворить в жизнь новые распоряжения. Вышестоящее начальство Ордена попросту не осмеливалось снять Савонаролу с поста генерального викария конгрегации св. Марка. Кроме того, и по закону нельзя было потребовать от него исполнять решения, предусмотренные бреве, в одностороннем порядке. Речь шла о чересчур большом числе монастырей, на которые юрис-

дикция Савонаролы не распространялась. И все-таки это внезапно возникнувшее брeve таило в себе опасность, являясь подобием блуждающей мины. Оно пришлось как нельзя кстати для могущественных недругов монаха, получивших возможность в удобный для себя момент предъявить Савонароле формальное обвинение в непослушании и прямом пренебрежении папским брeve. В самом тексте брeve уже содержалась угроза отлучения всякому, кто станет чинить препятствия образованию новой конгрегации.

Правда, на какое-то время монаха оставили в покое. Он воспользовался передышкой, возобновив проповеди на Рождественский пост, в которых толковал книгу Пророка Иезекииля. 1496 год был на исходе. Флорентийское государство по-прежнему пребывало в незавидном положении: изнурительной войной с Пизой не было видно конца. Карл VIII колебался, давление Лиги не ослабевало. Наконец, все более давал знать о себе удручающий голод. И при всем этом, вопреки невзгодам, некоторые реформы Савонарола сумел завершить. Богобоязненность народа возрастала день ото дня. Молодое поколение флорентийцев — «дети Флоренции», как называл их о. Джироламо, — усердно очищали город от скверны — «суеты», то есть предметов, символизирующих порок и разврат. К их числу относились игральные карты, непристойные книги, парики, карнавальные костюмы и т.п.

Савонарола горячо поддержал предложение францисканцев открыть в городе «Монте ди Пьета» — ломбард, в котором под низкий процент могли бы брать ссуду бедные люди. Эту идею францисканцы безуспешно пытались претворить в жизнь в течение ряда лет. Савонарола доказал, что стоит выше узких монашеских интриг и мыслит гораздо более широко, чем многие его современники из числа популярных богословов, осуждавших это богоугодное начинание. В целях организации ломбарда Савонарола прибег к помощи «детей Флоренции». В Вербное Воскресенье они собрались в соборе. Савонарола прочитал им одну из самых зажигательных своих проповедей. Затем они обошли

практически все улицы Флоренции, собрав изрядную сумму пожертвований. Эти средства под радостные возгласы толпы были переданы руководству ломбарда.

Итак, в конце этого года о. Джироламо, казалось, вполне мог праздновать победу. Но он был осведомлен об истинных масштабах недовольства среди горожан, стонавших под непосильным бременем лишений. Недруги его роптали, называя монаха виновником всех бедствий. Хуже всего, однако, было то, что недовольство монахом перерастало в прямое неприятие народного правления и, в конечном счете, подрывало его устои. Савонарола по-прежнему не отказывался от суровых мер в отношении совратителей малолетних, карточных шулеров, игроков в азартные игры и заговорщиков, причинявших непоправимый ущерб государству. Проповеди на Рождественский пост в этом году были посвящены соблюдению законности. Монах просил только о снисхождении к тем, кто возводит на него напрасную клевету...

Год завершился изданием его «Проповедей на тему книги Пророка Амоса», получивших широчайшее распространение, в том числе и за пределами Италии. К этому времени «дело Савонаролы» вызывало жгучий интерес во всем христианском мире.

1497 год — ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ

В зимние месяцы нового года авторитету и популярности Савонаролы, казалось, было суждено неуклонно возрастать. На традиционный срок — два месяца — гонфалоньером правосудия был избран мессер Франческо Валори, один из самых горячих сторонников монаха. Мессер Франческо был преисполнен высочайших гражданских добродетелей. Но были у него и значительные недостатки — он обладал вспыльчивым и непостоянным характером. Новоизбранный гонфалоньер беспощадно преследовал граждан, виновных в совершении общественных преступлений. Не взирая на лица, он сурово карал хулителей Савонаролы, в том числе и из простонародья. «Озлобленные», в особенности их экстремистское крыло, «Компаньяччи», были вынуждены прикусить языки.

Однако чрезмерная суровость была обоюдоострым оружием. Будучи партийно пристрастным деятелем, не умевшим умерить свой пыл, он нередко допускал злоупотребления, вызывавшие прямую или опосредованную реакцию среди населения. Этим не замедлили воспользоваться оппозиционеры. Подобный оборот дела можно было легко предвидеть именно во Флоренции,

где высшие правительственные должности переходили из рук в руки каждые два месяца.

В первые два месяца нового, 1497 года о. Джироламо, более чем когда-либо, был в глазах общественного мнения олицетворением государства. Он принимал все меры для борьбы с голодом, то и дело призывая богатых горожан спасти от голода нищих, толпами валивших в столицу в поисках пропитания, а также убеждая ремесленников не держать мастерские под замком, а взяться за работу, чтобы обеспечить куском хлеба семью рабочих.

Савонарола не встретил никаких препятствий, приступив в канун Великого поста к организации «сожжения сует». Последний день карнавала был провозглашен всенародным религиозным праздником. В нем приняли участие многочисленные отряды «детей Флоренции». Завершился праздник огромным костром на площади Синьории. Костер был устроен в виде восьмигранной пирамиды, составленной из «анафем», собранных «детьми» по всему городу в предыдущие месяцы. Это «сожжение сует» не вызвало у современников недоуменных вопросов. Подобное карнавальное действо не было чем-то неслыханным. Все знали, что св. Бернардин Сиенский за несколько лет до этого уже устраивал в своем городе подобное «очищение», ссылаясь на Деяния Апостолов¹.

Лишь много позже гуманистические и якобинские литераторы принялись раздирать одежды на своей груди, оплакивая потерю нескольких экземпляров «Декамерона», «Морганте»²

¹ «Из занимавшихся чародейством довольно многие, собравшие книги свои, сожгли перед всеми» (Деян 19, 19). — *Прим. пер.*

² «Декамерон» — собрание новелл Джованни Боккаччо (1313-1375), одной из основных тем которого является сатирическое осмеяние духовенства; «Морганте» — эпическая поэма Луиджи Пульчи (1432-1484), флорентийского поэта, материалиста, скептика. В основе поэмы — приключения рыцаря Орlando и его оруженосца, великана Морганте. Савонарола говорит о Пульчи в своих проповедях (1 ноября 1494 г., 8 и 21 июля 1495 г.), как о человеке, слишком легкомысленно решающем проблему бессмертия души и сотворения мира. — *Прим. пер.*

или ранних этюдов Боттичелли, обвиняя Савонаролу в религиозном фанатизме и невежестве³. Совсем иной тон был у тех же литераторов, певцов прогресса, когда впоследствии они писали, бесстрастно взирая на горящие церкви, наполненные истинными произведениями искусства. Главным для них было то, что пожар пылает во имя идеалов «свободы совести» и «свободо-мыслия».

Но все-таки не карнавалом были поглощены мысли Савонаролы, а Великим постом, который он начал с проповеди 8 февраля, не вызвав никаких враждебных манифестаций и не встретив сопротивления. Между прочим, это произошло потому, что мессер Франческо нагнал страха на других, как он изъяснялся, «враждебных моему Савонароле» проповедников. В начале проповеди Савонарола сказал, что продолжит толкование книги Иезекииля. Тем временем из Рима пришли известия о тамошнем карнавале, полной противоположности флорентийскому. На берегах Арно притчей во языцех стала новость, что у Родриго Борджа в конце 1496 года родился очередной сын. Законный муж молодой женщины, вступившей в преступную связь с Родриго, отомстил, убив сводника-тестя. Папа Александр VI обещал богатый выкуп за голову убийцы⁴.

Принимая во внимание подобные «новости», приходившие из Рима, не вызывает удивления, что Савонарола не мог промолчать и не возвысить своего голоса с осуждением бесчинств римского клира. Проповедь, произнесенная им 4 марта, была вне всякого сомнения самой резкой по тону, причем настолько, что даже сам Борджа не мог снести оскорбления и заявил протест послам Флорентийской республики. «Подойди сюда, Церковь преступная, — гремел голос Савонаролы, — я не говорю о ком-либо в частности и не говорю только о священнослужителях... Раньше ты хоть стыдилась своих грехов, а теперь даже

³ Известно, однако, что Боттичелли сам бросал в костер свои картины. См., в частности: Й. ХЕЙЗИНГА. *Осень средневековья*. М.: Наука, 1988, с. 466. — Прим. пер.

⁴ RIDOLFI R., *op. cit.*, pp. 605, п. 31.

и этого нет. Раньше священники называли своих сыновей племянниками, а теперь они открыто называют их уже не племянниками, а сыновьями. Ты устроила публичный дом, повсюду ты воздвигла дома непотребства»⁵.

Жажда мести вспыхнула в душе Борджа. Этому способствовали также другие обстоятельства и, прежде всего, перемирие, заключенное в конце февраля Карлом VIII с Испанией. Флоренция, таким образом, была брошена на произвол судьбы своим могущественным, но капризным союзником. Сторонники Лиги с новыми силами стали оказывать нажим на курию, добиваясь от Папы применения к монаху канонических санкций. Римские недруги Савонаролы решили на этот раз во что бы то ни стало избавиться от монаха. Франциск Меи ловко обратил на о. Джироламо раздражение кардинала Карафы, протектора Ордена Мариано Дженаццано открыто, перед папским двором, выступал в своих проповедях против Савонаролы. К этому следует добавить, что на март-апрель во Флоренции был избран новый состав Синьории, не совсем дружественно настроенный к о. Джироламо и его реформам. Подобное отношение к монаху было реакцией на злоупотребления гонфалоньера Валори. Голод и распри угнетали и раздирали город.

В этот момент Пьеро Медичи решил попытаться счастья, положившись на силу штыков. Он рассчитывал, что его друзья, до времени притаившиеся в городе, несмотря на свою малочисленность, сумеют поднять восстание. В число друзей Медичи входил новоизбранный гонфалоньер Бернардо Неро. В поддержку авантюры бывшего первого гражданина Флоренции высказались Борджа, семейство Орсини, правители Сиены и вообще все противники народного правления. В конце апреля Пьеро с небольшим вооруженным отрядом верных ему людей приблизился к стенам города. К этому времени в системе обороны Флоренции как будто по чьей-то небрежности были оставлены прорехи, и все попытки залатать их в самый последний час

⁵ SAVONAROLA G., *Prediche sopra Ezechiele*, vol. II, EN, pp. 59. См.: П. Виллари, *цит. пр.*, т. II, с. 7.

странным образом оказались безрезультатными, несмотря на то, что Пьеро уже подступил к городским воротам. По счастью, скверная погода сорвала его атаку, охладив пыл штурмового отряда. Попытка взять приступом Римские ворота была отбита вовремя подоспевшими горожанами, дружно вставшими на защиту своих стен. Тут же вспомнили, как накануне вечером, когда в городе еще царила полная неразбериха, по совету одного из членов Синьории флорентийцы снарядили гонца в монастырь св. Марка с просьбой узнать у монаха о судьбе республики. Не раздумывая, Савонарола ответил: «Передайте Синьории, что мы здесь будем молиться о спасении города, они же пусть не боятся Пьеро — он подойдет к воротам, но повернет обратно, ничего не добившись». Предсказание Савонаролы сбылось до малейших подробностей.

Пока Пьеро досаждал пошатнувшейся республике, 28 апреля была избрана новая Синьория сроком на май-июнь месяцы. Состав ее был уже совершенно враждебен Савонароле. Во главе Синьории оказался Пьеро Альберти, предводитель партии «Озлобленных». Молодчики из числа «Компаньяччи» приободрились. Подняли голову и сторонники Лиги. К нестройным выкрикам, которые и в прежние времена раздавались под окнами монастыря св. Марка, теперь прибавились голоса, грозно требовавшие лишить монаха права читать проповеди во Флоренции. Либертины с присущим им бесстыдством взялись сколачивать коалицию, вступив в сговор с внешними врагами Флоренции. Они угрожали громкими дебошами и беспорядками, если монаху не запретят читать проповеди, «сеющие раздор и смуту».

Проповеди Савонаролы стали единственным оружием добродетельных христиан, которых враждебный им лагерь презрительно именовал «Плаксами». Но в их числе было большинство флорентийцев. Разумеется, они не потерпели притеснений со стороны либертинов. Однако крикливое и не гнушавшееся насилием меньшинство под предлогом компромисса добилось издания Синьорией постановления, которым вообще запрещались все проповеди в городе из-за угрозы чумы.

«Итак, 3 мая Синьория опубликовала постановление, в силу которого, за исключением дня Вознесения Господня, запрещалось произнесение публичных проповедей. Кроме того, постановление предписывало на следующий после праздника день разобрать помост и скамьи, устроенные в некоторых церквях для слушания проповедей (курсив автора — прим. пер.). Бросается в глаза отмеченный нами, весьма пространный и необычный для такого рода документов перифраз указания разобрать деревянный амфитеатр в соборе Санта Мария дель Фьоре, сооруженный для слушателей Савонаролы. Доподлинно известно, что других подобных построек во флорентийских церквях нигде не было»⁶.

Однако «Озлобленные» потребовали запретить Савонароле проповедовать и в самый день Вознесения Господня. В противном случае они угрожали беспорядками. «Плаксы» с горячностью выступили в защиту своего пророка. Нелепые постановления Синьории только подливали масла в огонь. Так, с одной стороны, Синьория грозила наказанием всякому, кто в праздничный день осмелится помешать проповеди Савонаролы, а с другой — требовала от монаха отказаться от ставшей яблоком раздора проповеди. Савонарола ответил, что не имеет права оставлять народ без проповеди именно в тот день, когда Господь завещал Апостолам проповедовать всем народам.

Тогда «Компаньяччи» устроили одну из своих самых бесчестных выходов. Под покровом ночи они пробрались в собор и, сбросив на кафедру шкуру подошедшего много дней тому назад осла, вымазали гнилыми внутренностями и дерьмом весь амвон вплоть до подножия Распятия. Ранним утром, обнаружив осквернение амвона, служители собора убрали нечистоты, отмыли и выстругали рубанком саму кафедру. Все это они успели сделать к началу проповеди. Когда о. Джироламо по выходе из монастыря направлялся в собор, его тотчас же окружила многочисленная толпа приверженцев, грудью готовых встать на защиту своего проповедника и отбить атаку открыто выступивших молодчиков.

⁶ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 286.

Уже всем было ясно, что предстоящую проповедь «Компаньяччи» намерены использовать в провокационных целях. Сектантское меньшинство не брезговало ничем ради достижения своих целей. Однако все понимали также, что сдача своих позиций большинством только подзадорит мятежников, норотивших взять реванш за свои прошлые поражения и запугать законопослушных граждан. Савонарола начал проповедь со слов о могуществе веры, во всеоружии которой надлежит встретить все испытания. Час испытаний, сказал он, уже пробил. Савонарола сжато повторил положения уже сказанных им проповедей, желая ободрить добропорядочных граждан Флоренции. Когда же он обратился со словом осуждения к злонамеренному меньшинству, пытавшемуся сорвать проповедь, в соборе раздались вдруг дикие вопли. Это был сигнал к началу мятежа. Головорезы из числа «Компаньяччи» с грохотом выломали двери и с неистовым ревом ворвались в собор, сея в народе панику, чтобы обратить его в бегство. Целью их было отделить Савонаролу от верующих и остаться с ним без свидетелей.

Тщетно проповедник пытался усмирить разбушевавшиеся страсти. В адском грохоте не было слышно ни слова. Тогда он опустился на колени и стал молиться, подняв над собой и показывая народу свой нательный крест. Шум и гам не прекращались, но многие уже взяли в руки свои нательные крестики, те самые, которыми «дети Флоренции» одаривали их во время крестного хода. Самые преданные приверженцы Савонаролы сбились вокруг амвона, стараясь не подпустить к нему буйствующих молодчиков. Некоторые из «Компаньяччи» были узнаны в лицо, и на них посыпались оскорбления и удары кулаками. Наконец Савонарола сошел с амвона. Проповедник в плотном кольце своих самых верных вооруженных сторонников и в сопровождении неисчислимой толпы благополучно достиг монастыря св. Марка⁷.

Мятеж, вспыхнувший в день Вознесения Господня, еще более, чем прежде, расколол Флоренцию на два лагеря — «за» и «против» монаха. «Озлобленные» требовали изгнать его из го-

---

⁷ Ibid., p. 286.

рода как зачинщика беспорядков. Народная партия день ото дня наращивала свои силы благодаря присоединению к ней большинства добропорядочных граждан, осуждавших злоупотребления и коварство оппозиции.

Флорентийские беспорядки вызвали в Риме бурную деятельность партии, добивавшейся от курии крайних санкций против Савонаролы — отлучения монаха от Церкви. Римская курия до сих пор еще не заняла решительной позиции, так как у Борджа были причины опасаться, что подобное наказание Савонаролы может спровоцировать массовое восстание флорентийского народа в защиту своего проповедника. Последние сомнения Папы взялись развеять представители «Озлобленных» в Риме — Танаи Нерли и Альфонсо Строцци.

«В курии, где за деньги можно было обзавестись любым документом», как свидетельствовал Савонарола, «Озлобленные», наконец, по сходной цене купили указ об отлучении монаха.

Доставку соответствующих папских бреве, датированных 12 и 13 мая, поручили Джован-Витторио Камерино, профессору богословия, изгнанному из Флоренции по причине его неукротимой ненависти к о. Джироламо. По прибытии в Сиену он из предосторожности скрывался там едва ли не целый месяц. Не получив разрешения на въезд в пределы Флорентийской республики, он препоручил папские бреве другому случайному лицу. Таким образом, согласно закону, эти бреве утратили силу обязательного к исполнению документа. Папские бреве превратились в клочок ничего не значащей бумаги и по другим причинам, о чем без промедления заявил сам Савонарола: во-первых, отлучение было исторгнуто у церковной власти под давлением частных лиц, заведомых антагонистов обвиняемого; во-вторых, основанием к отлучению являлись недоказанные преступления, как, например, «извращение учения Церкви» и «непослушание»; в-третьих, указ об отлучении был инспирирован чувством непримиримой ненависти, связывающей круговой порукой всех его изготовителей и адептов, в отношении священной пропове-

ди, имевшей целью исправление нравов и соблюдение церковной дисциплины⁸.

Тем не менее Савонарола, чья совесть восстала против подобного наказания, счел необходимым обратиться к Папе с посланием. В учтивой форме он изложил в нем свои доводы и поставил в известность «Верховного пастыря, столь радеющего о чистоте учения», что в печати находится его новая книга — «Торжество Креста», «из коей Вам станет ясно», продолжал монах, «являюсь ли я, не приведи, Господи, сеятелем ереси или же поборником соборной истины»⁹.

После того как отлучение было обнародовано во Флоренции, причем всего лишь с амвона пяти церквей, священники которых были наиболее враждебно настроены против Савонаролы, он изложил свое мнение «против нового беззаконного отлучения» в кратком циркулярном письме, адресованном «всем возлюбленным в Боге христианам». Письмо это было датировано 19 июня. Для ученых кругов он дополнительно написал более пространное обращение по-латыни, где привел доказательства в пользу незаконности самого акта отлучения.

В Милане Лодовико Моро поспешил представить папский акт вниманию расширенного заседания Совета с приглашением представителей ученого мира и дипломатического корпуса. Миланский герцог распорядился огласить также ответ Савонаролы с одним намерением — подвергнуть всеобщему осмеянию научную несостоятельность доводов монаха. Однако, как оказалось, не все присутствовавшие были готовы поддержать мнение герцога. Так, ему в резкой форме возразили послы Феррары и Флоренции. Даже придворный богослов герцога о. Викентий Банделли, обычно усердствовавший в угождении своему работодателю, счел аргументы своего собрата истинными. Братья общины св. Марка, все, как один, выступили в защиту своего учителя. Такие же заявления прозвучали и в других доминиканских общинах.

---

⁸ Ср. SAVONAROLA G., *Lettere*, ed. Ridolfi, Firenze 1933, p. 151.

⁹ *Ibid.*, p. 130.

Отовсюду раздавались голоса в поддержку «отлученного», доходили они даже из монастырей других орденов. В конце концов Борджа был вынужден выразить «сожаление» флорентийскому послу в связи с «недоразумением, вызванным злополучным бревом». Это «сожаление», увы, не привело Борджа к покаянию. Он вообще никогда в жизни не раскаялся ни в одном из своих преступлений.

Так что именно эти пресловутые «апостольские бревна» и стали смертоносным орудием в борьбе против Савонаролы, увенчавшейся смертной казнью монаха.

ПОД ЗНАКОМ ЧУМЫ И ИНТЕРДИКТА

Сей же час после обнаружения «беззаконного отлучения» во Флоренции было получено известие, что герцог Гандии, любимый сын Александра VI, под покровом ночи убит, а тело его брошено в Тибр. Преданным Савонароле людям эта смерть показалась справедливым возмездием Всевышнего за преследования пророка. Быть может, именно в подобном свете представилась гибель прилудного сына и самому отцу его, неправедно восседавшему на престоле св. Петра. На заседании консистории Папа Александр VI бесстыдно проливал слезы и обещал замолить свои грехи. Под влиянием момента он даже назначил шестерых кардиналов для реформирования клира.

Савонарола откликнулся на это настроение Папы, написав ему 25 июня краткую утешительную эпистола с увещанием крепить сердце верой, оказать поддержку его монашеским трудам в качестве благочестивого проповедника слова Божия и «не внимать более бесчестным злодеям». Но добрые намерения Борджа, погрязшего в грехах, длились не долее, чем летний дождь. Тщетным оказалось и ходатайство в пользу монаха, предпринятое новым дружественно расположенным к нему составом Синьории, обратившейся к Папе с просьбой отменить отлучение.

Во Флоренции атмосфера все более накалялась вследствие противоборства партий. «Озлобленные» собрали подписи своих приверженцев под петицией, призванной доказать Риму лживость учения монаха. В свою очередь, «Плаксы» заручились подписями своих сторонников под двумя петициями, доказывавшими противоположное мнение. Одна из этих петиций появилась по инициативе монахов монастыря св. Марка, другая — по требованию «набожных граждан».

В то время как накалялись партийные страсти, с наступлением лета дала знать о себе угроза чумы, еще весной представлявшаяся всего лишь удобным предлогом для введения запрета на проповеди. К исходу июля во Флоренции ежедневно от чумы в среднем погибало по 60 человек. Как по мановению волшебной палочки, флорентийская распря прекратилась. «Озлобленные» и «Плаксы», одинаково страшась чумы и в полном согласии друг с другом, ринулись за город. Кроме того, чума убедила многих граждан более осознанно подходить к голосованию при выборе кандидатов на государственные должности. Таким образом, состав Синьорий, избранных во второй половине года, решительным образом обеспечил перевес в пользу сторонников Савонаролы.

Чума не обошла стороной и монастырь св. Марка, безжалостно выкашивая наряду со стариками также и иноков в расцвете лет. Савонарола принял решение разделить общину на четыре группы и отправить каждую из них за город — в дома своих преданнейших сторонников из числа зажиточных горожан. Он сам предпочел остаться в монастыре, продолжая помогать больным и умирающим. Неоценимой нравственной поддержкой в трудах Савонаролы стали примеры христианского смирения и невозмутимости многочисленных его последователей перед лицом неминуемой смерти.

Другие же обреченные на гибель люди порождали у него, как и у многих флорентийцев, величайшее огорчение. Так, после раскрытия заговора «Серых», приверженцев Медичи, руководимых гонфалоньером Бернардо Неро и изъявлявших готовность вве-

рить власть в городе прежнему тирану, этот член Синьории и четверо других конспираторов были приговорены к высшей мере наказания. Разоблаченные заговорщики подали апелляцию в Великий Совет, но против смягчения приговора яростно воспротивился уже известный нам Франческо Валори. Он настоял на своем, и в середине августа приговор привели в исполнение. Накануне родственники заговорщиков попытались было настроить Савонаролу в пользу отмены казни, однако по юридическим причинам он не смог вмешаться в ход дела.

Не имея все эти месяцы возможности проповедовать, Савонарола прибег к помощи писем и с удвоенной энергией взялся за распространение своих взглядов, несших народу утешительное, назидательное и ободряющее слово. Так, более одной трети дошедшего до нас эпистолярного наследия Савонаролы приходится как раз на этот период. Но гораздо больше времени и трудов он постоянно посвящал книгоиздательской деятельности. В это время он сделал типографскую корректуру главного своего труда — «Торжество Креста», глубоко обдуманного апологетического сочинения, отредактировал диалог «О пророческой истине», на страницах которого даны свидетельства в защиту его пророческого дара, завершил работу над книгой «Утешитель стези моей»¹, а также над «Трактатом против астрологов». К последней теме Савонарола возвращался неоднократно, убеждая, в частности, своего покойного друга Пико отступить от этого суеверия тогда, когда он работал над этим трактатом. В начале нового года, откликаясь на просьбу гонфалоньера Джулиано Сальвиати, он написал «Трактат о государственном устройстве Флоренции», вошедший в сокровищницу классики политической литературы, написанной на итальянском языке².

---

¹ Утешитель (*греч. παρακλητο*), в Новом Завете — Дух Святой. Ср. Максим Грек. Канон божественному и поклоняемому Пресвятому Духу Паракли-ту / Сочинения, т. III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. — *Прим. пер.*

² См. ГАЙДУК В. П., *Начала парламентаризма в Италии: «Трактат о государственном устройстве Флоренции» Джироламо Савонаролы / Из истории европейского парламентаризма. Италия / Предисл. В. П. Гайдук-ка. М., 1987. — Прим. пер.*

Но в подкрепление реформаторской деятельности монаха по-прежнему была крайне необходима проповедь звучащим словом. Поэтому Синьория, так же как и в 1496 году, не оставляла попыток добиться отмены запрещения проповедей во Флоренции и снятия с Савонаролы отлучения.

Как мы помним, во Флоренции вообще было запрещено читать проповеди. Под предлогом опасности эпидемии чумы на Рождественский пост 1497 года ни одному проповеднику не было дозволено взойти на кафедру. Капризное поведение Папы, нарочно внушавшего ложную надежду, будто он с минуты на минуту может передумать и снять запрет и отлучение, ввергло послов Синьории в отчаяние, так как на деле все оставалось по-старому. Возможность положительного исхода дела Борджа обусловил требованием присоединения Флоренции к антифранцузской Лиге.

В октябре, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки, Савонарола решился смиренно просить Папу об оправдании и освобождении от несправедного наказания. Но, как оказалось, напрасно. В политической игре Александра VI оправдание Савонаролы было всего лишь обменным товаром. Он и впоследствии не постесняется утверждать, будто о Джироламо никогда не просил его о прощении. Тем самым Борджа тщился обеспечить себе алиби и отвести обвинения в неоправданной жестокости.

По меньшей мере внешне о Джироламо продемонстрировал свое уважение к авторитету понтифика. Будучи в положении отлученного, он вынужденно проводил дни в уединении. Так продолжалось до тех пор, пока в душе его еще теплилась надежда на то, что Рим возьмет свои слова обратно. Когда же, ближе к Рождественским праздникам, все надежды улетучились, он принял решение возобновить всенародные проповеди. Тем самым он также дал ясно понять, что станет проповедовать не только на Рождественский, но и на ближайший Великий пост 1498 года. Флорентийцы прекрасно знали цену так называемым церковным наказаниям, служившим одним из вспомогательных средств в ходе политической борьбы. В прошлом мало кто

во Флоренции когда-либо всерьез воспринимал подобные наказания. Все помнили, например, интердикт Сикста IV, прогремевший после заговора Пацци (1478 г.) отдаленным раскатом грома. Большинство флорентийцев тот интердикт просто-напросто проигнорировало. Было решено игнорировать и новый интердикт. На празднование Рождества 1497-1498 года Синьория и народ радостно собрались в церкви монастыря св. Марка.

Стараясь поддержать своего монаха, многие проявили тогда искреннее рвение в претворении в жизнь «нравственной реформы». Кроме того, следует помнить, что флорентийцы отстаивали таким образом свое гражданское и человеческое достоинство, встречая в штыки так называемые «не подлежащие обжалованию» приказы, поступавшие из Рима. Зная подобные настроения, о Джироламо шел, что наступил час решающего сражения — надо было заставить Папу взять свои слова обратно и тем самым открыть путь реформированию Святой Церкви. Савонарола сознавал, что в случае поражения он рискует всем. Но в глубине души его созрело убеждение, что он не имеет права поддаваться шантажисту и захватчику престола св. Петра. Борджа без зазрения совести манипулировал церковными наказаниями как орудием для достижения собственных, вполне светских целей. Дальнейшее оставление народа без священной проповеди повредило бы многим невинным душам, привело бы к чудовищному падению нравов и безраздельному господству разврата.

Так что в конце января несколько плотницких бригад спешно восстановили деревянный амфитеатр, разобранный было по приказу «Озлобленных». Во Флоренции распространился слух, что монах наверняка произнесет проповедь в день Сретения Господня. Но Савонарола тянул время в ожидании последних вестей из Рима. Накануне флорентийские послы предприняли очередную попытку переубедить Папу. В конце концов Рим подтвердил прежние условия: Флоренция должна присоединиться к Лиге. «После урегулирования данного вопроса, — просил передать Борджа, — Папа с удовольствием отзовет отлучение и разрешит

о. Джироламо проповедовать». Если во Флоренции кто-то еще сомневался в обоснованности причин, побудивших Папу наложить запрет на проповеди монаха, то теперь все убедились, что они были от начала и до конца вымышленными.

Заручившись согласием Синьории, Савонарола снова взошел на кафедру. Правда, архиепископский викарий от имени капитула, который должен был следить за соблюдением канонических правил, призвал народ не слушать проповедь «отлученного монаха». В ответ Синьория лишила викария должности и поставила на его место другого, преданного Савонароле священника.

В воскресенье 11 февраля, в день, когда в церкви читается притча о блудном сыне, Савонарола приступил к проповеди на тему книги Исхода. Этой проповеди было суждено стать последней на жизненном пути монаха монастыря св. Марка. Он оплатился за этот поступок. Сначала его вынудили уйти из собора, затем из монастыря св. Марка и, наконец, из этого мира. Когда он вступил на верхнюю ступень кафедры, тысячеголосый хор верующих запел гимн «Тебя, Господи, хвалим». Не успел отзвучать гимн, как проповедник возвысил свой голос в молитве:

«Это я, Господи, раб Твой, исповедую могущество Твое. Боже, Ты вывел меня в открытое море, и я больше не вижу гавани и не могу возвратиться обратно в порт. Но даже если бы и мог, все равно не желаю этого возвращения. Не могу поступить иначе, потому что Ты не желаешь этого... Отрадно мне быть там, где Ты поставил меня. Но умоляю Тебя, Господи, не оставь меня. Недруги мои говорят, что Ты бросил меня. Умоляю Тебя, Господи, будь со мной, спаси меня... Об одном молю, Господи, просвети меня, чтобы не блуждал я во мраке и не блуждал во тьме народ Твой!»³

Затем прямо, без обиняков, о. Джироламо высказал свое мнение об отлучении, отвергнув его правомочность, потому что отлучение, которому подвергли его, недостойно Папы, ибо весь

---

³ SAVONAROLA G., *Prediche sopra l'Esodo*, vol. I, EN, p. 3.

этот акт основан на ошибке, как с формальной, так и с содержательной точки зрения. Речь Савонаролы по этому же поводу, которую он несколько дней спустя произнес в присутствии священнослужителей и монахов, собравшихся в монастыре св. Марка со всей Флоренции, в спешном порядке была отпечатана в виде «летучей брошюры», куда была включена также и вводная великопостная проповедь. Эта брошюра в мгновение ока разлетелась по всей Италии. Точно таким же способом распространялись в дальнейшем и другие проповеди Савонаролы.

Стало быть, Папе представилась возможность лично прочитать брошенные в его адрес дерзкие слова осуждения. Савонарола клеймил его позором за бесчестное поведение и в самой резкой форме отвергал его карательные меры. Как и следовало ожидать, Папа сначала устрасился, но затем чувство страха сменилось негодованием. В инвективах монаха он усмотрел угрозу своей власти и собственной персоне. Посему во второй половине февраля во Флоренцию было доставлено новое папское бревно, на этот раз выдержанное в безапелляционном тоне. Грозив Флоренции введением интердикта, он потребовал от ее властей препроводить в Рим «сына погибели» или, в крайнем случае, изолировать монаха, отправив его в какое-нибудь надежное место.

Тем временем Флоренция приняла участие во втором, задуманном Савонаролой, «сожжении сует». Карнавал начался в среду утром торжественной Мессой в церкви св. Марка. Несколько сот верующих получили Святое Причастие из рук «отлученного» проповедника. Во время процессии наемники, подстрекаемые «Компаньаччи», совершили святотатство: они силой вырывали крестильные крестики из рук детей и давили их каблуками сапог. Не обошлось и без забрасывания процессии градом камней. На следующий день во время проповеди Савонарола обрушился с грозными словами осуждения на инициаторов уличного насилия.

Однако либертины еще более обнаглели. Во главе новоиспеченной Синьории, призванной править в течение марта-апреля, оказался один из главарей их партии — Пьеро Пополески.

Савонарола оказался под двойным ударом — флорентийской власти и внешних противников одновременно. Постепенно его положение становилось критическим. Он понимал, что последние римские бреве, адресованные на этот раз также капитулу кафедрального собора, вынуждают его оставить, казалось бы, столь надежную крепость и передовую линию обороны. Но прежде чем окончательно решиться на такой серьезный шаг, в проповеди, сказанной 1 мая, он откровенно указал на значение этих новых папских рескриптов:

«Говорят, из Рима получены несколько новых бреве. Правда ли это? Да, это так. В этих бреве меня называют не иначе как «сыном погибели». Отвечу на них нехитрым вопросом: итак, значит тот, кто имеет смелость бросать подобные обвинения в мой адрес, более не содержит в своем штате продажных мужчин и наложниц, а вместо этого весь ушел в заботы о проповеди веры Христовой и примером своим только возвеличивает Церковь Христа, а мы здесь только бесславим ее?»⁴

Верховная флорентийская власть собралась на совещание, чтобы согласовать ответ Папе, угрожавшему объявить Флоренции интердикт. Несмотря на присутствие значительного числа «Озлобленных», все-таки было принято решение напомнить Папе, что город и Флорентийская республика многим обязаны Савонароле, а потому не могут арестовать его и отправить в Рим. К ответу Синьории о Джироламо приобщил свою собственноручную, датированную 3 марта, эпистола. Это знаменитое «грозное» письмо, содержащее суровое предостережение, высказанное устами простого священника, в адрес, пожалуй, самого бесчестного церковнослужителя всех времен и народов:

«Блаженнейший отче, долг всякого христианина — заботиться о славе Божией, о вере в Христа, Господа нашего, и о праведной жизни. Поэтому, видя, что, соответственно

---

⁴ Ibid., pp. 144 ss.

зловредному примеру многих пастырей, овцы совершенно сбились с пути истинного, я взялся за проповедь христианского учения. Желая наставить людей на путь покаяния, по Промыслу Божию, я стал говорить им о грядущем возмездии. Однако за то, что стремлюсь насаждать в этом городе миролюбие, я подвергаюсь гонениям со стороны ожесточившихся развратников. От тебя надеялся я получить не порицание, а всяческую поддержку. Ты же, напротив, выслушав и прочитав оправдания мои, осознав истинность проповедей моих, которые только нечестивцы и враги Христова Распятия упрямо не желают признать и подвергают поношению, ты же, говоря я, Блаженнейший отче, предпочел преклонить ухо хулителям моим. Лишив меня всякой поддержки, каковую ты как христианин, хотя бы по должности, обязан был оказать мне, ты поспешил на помощь волкам, наградив их ободрением своим. Господь же, выбирающий слабых, чтобы посрамить сильных мира сего, услышал молитвы наши. Он готов удостоверить истину, за верность которой мы терпим от тебя только гонение. Он готов засвидетельствовать истину вопреки тебе и недругам нашим — как при помощи доводов разума, так и сверхъестественных знамений. Не пора ли совершить покаяние тому, кто противится делу Божию? Мы же не ищем на этой ниве славы человеческой. Единственное великое желание наше — принять смерть во имя Христа. Ты же, Блаженнейший отче, не медля позаботься о спасении своем. Привет тебе из Флоренции, 3 марта 1498 года, от раба Иисуса Христа, о. Иеронима Савонаролы».

Столь откровенный тон письма ошеломил Борджа. Окружающие отметили ужасающий приступ гнева, потрясший Папу. С этого момента монах перестал быть для него предметом политического торга. Савонарола превратился в заклятого врага, который подлежал беспощадному уничтожению. Вскоре, 9 марта, Борджа направил Синьории полное угроз брeve, требуя заткнуть рот монаху. По воскресным дням Савонарола все еще говорил

проповеди в церкви св. Марка перед мужчинами. По субботам он проповедовал одним женщинам. Из Рима одно за другим пошли письма не на шутку перепуганных флорентийских купцов, опасавшихся за сохранность своих кошельков и жизни.

На заседании «Практики»⁵, состоявшемся 17 марта, Синьория решила хотя бы частично удовлетворить требования Папы и обратилась к Савонароле с рекомендацией по собственной воле прекратить великопостные проповеди. Утром следующего дня о. Джироламо смиренно простился со своим народом, которому он нес свою любовь и которому так жертвенно и самоотверженно служил. Он опасался, что труды его пойдут прахом, если душа хотя бы одного человека не будет спасена от гибели.

---

⁵ «Практикой» во Флоренции назывались заседания, состоящие из Синьории, магистратов и приглашенных граждан. — *Прим. пер.*

БЕЗОРУЖНЫЙ ПРОРОК

После того как Савонарола вынужденно замолчал, судьба его зависела от произвола недругов. Вскоре им удалось сокрушить его последнюю линию обороны, которую он удерживал в монастыре св. Марка благодаря активной поддержке со стороны своих последователей. Днем и ночью «Компаньяччи» все громче выкрикивали враждебные лозунги у ворот монастыря св. Марка. Ряды сторонников монаха таяли день ото дня.

Переход Пьеро Федини, члена Синьории, в стан врага, позволил верховным правителям города обеспечить себе большинство «шести бобов» против Савонаролы и в пользу «Озлобленных». Теперь жалобы перепуганных насмерть купцов, торговавших в Риме, Синьория выслушивала с особым вниманием. При дворе Борджа вынашивались планы, направленные на то, чтобы довести флорентийцев до отчаяния, спровоцировать в городе серьезные беспорядки и тем самым подвергнуть жизнь монаха смертельной опасности.

Савонарола, без поддержки короля Франции, оказавшись один на один с враждебной ему Синьорией, осознал, что, говоря политическим языком, битва за нравственную и религиозную ре-

форму проиграна. Правда, в руках его еще оставалось последнее оружие. На это он намекал в своих проповедях, говоря о своем легендарном «ключике». До сих пор он не решался пустить его в ход в борьбе против коррупции, захлестнувшей Римскую курию. Речь шла о созыве Вселенского Собора. Для этого было необходимо убедить христианских государей в необходимости положить конец бесчестию курии путем пробуждения Соборного движения в продолжение постановлений Пизанского (1409), Констанцского (1414-1417) и Базельского соборов (1431-1438)¹. Но прежде чем отважиться на столь рискованный шаг, которого он к тому же искренне опасался, копии своего последнего письма Папе Савонарола разослал первостепенным государям христианского мира — императору Максимилиану, королям Франции и Испании, Англии и Венгрии.

С наступлением первых весенних дней он приступил к написанию писем упомянутым монархам с обращением о созыве Вселенского Собора. Говоря о цели Собора — смещении Борджа, — он указывал на скандальное поведение Александра VI. Подобно многим современникам, Савонарола считал, что Борджа не является истинным Папой, ибо в нем нет ничего ни от христианина, ни от верующего человека. Однако прежде чем подобный вывод сделает Собор, указывал Савонарола, следует подтвердить легитимность Папы вообще, несмотря на все его бесчестие. Подобная точка зрения дает, кстати, ответ на вопрос, почему сам Савонарола на протяжении шести лет продолжал общаться со своим преследователем. Теперь же, делал он вывод, пробил час положить конец бесчестию Борджа, несмотря даже на риск возможного раскола. По признанию самого Савонаролы, он выводил эти строки дрожащей рукой. В конце концов он так и не решился отправить эти письма из опасения причинить зло Церкви, кото-

---

¹ Соборное движение — движение в Католической Церкви, возникшее в конце XIV — начале XV вв. в высших церковных кругах, сторонники которого боролись за приоритет Соборов над решениями Римского Папы. На Флорентийском соборе (1438-1445), созванном в противовес Базельскому, было осуждено Соборное движение. — *Прим. пер.*

рой он искренне жаждал служить. Более того, как заявит Савонарола на судебном процессе, он предал эти письма огню.

Борджа по-прежнему настаивал на принудительном отправлении мятежного монаха в Рим, обещая при этом применить к арестованному «гуманное» обращение. Папа также заявил Синьории протест в связи с тем, что она до сих пор попустительствует монахам монастыря св. Марка, утверждающим, что они якобы всего лишь временно замещают Савонаролу на проповеди. От «Компаньяччи» в Рим приходили ободряющие известия. Они открыто демонстрировали готовность использовать любой инцидент, чтобы устранить «самозванного пророка». Такой случай представился во время великопостной проповеди, участвовать в которой ученикам Савонаролы было запрещено самим Папой.

В это время в церкви Святого Креста проповедовал францисканский монах о. Франциск Пулья, со всей искренностью выступавший против учения и пророчеств о. Джироламо и с горячностью отстаивавший законность его отлучения. В церкви св. Марка ему возражал о. Доминик Пешиа, человек простой, но великой души, достойнейший проповедник. 25 марта 1498 г., в день Благовещения, который по флорентийскому республиканскому календарю был днем Нового года, в полемическом задоре францисканский монах вдруг вызвал на «испытание огнем» всякого, кто осмелится настаивать на незаконности отлучения Савонаролы и утверждать истинность его учения. Доминик Пешиа без колебаний принял этот вызов. Дело в том, что за год до этого, будучи в Прато, он уже принял подобный вызов, спровоцированный точно таким же образом и тем же самым францисканским монахом. В своих проповедях 27 и 28 марта о. Доминик даже всенародно подтвердил готовность «войти в огонь». Однако на этот раз, в обстановке глубочайших противоречий, вызвавших раскол во флорентийском народе, оказалось невозможным под каким-либо благовидным предлогом избежать провокации и не попасть в ловушку, из которой сам францисканец довольно ловко выпутался в предыдущем году.

Этого не допустили «Озлобленные» и «Компаньяччи», получившие, наконец, удобный предлог, чтобы добиться своей цели. Они с дьявольской хитростью использовали простодушие монахов, превратив его в смертельную ловушку.

«Компаньяччи» на все лады расхваливали «мужество» францисканца, уверяя его, что сумеют устроить все так, что ему не придется входить в огонь. Правда, вызов на «испытание огнем» еще следовало подтвердить в официальной форме и скрепить подписями участников состязания. Соответствующий договор был надлежащим образом оформлен в Палаццо Синьории 28 марта. В нем был изложен предмет спора, разрешить который договаривающиеся стороны обязывались «испытанием огнем». Оспариваемое утверждение звучало так: Церковь должна быть реформирована, но прежде она понесет наказание, а затем обновится; Флоренция также будет подвергнута наказанию, после чего ее ожидает обновление и процветание; все это произойдет еще при жизни нынешнего поколения; и наконец, в связи с тем, что отлучение о. Джироламо является незаконным, всякий пренебрегающий им не совершает никакого греха.

Первым под этим договором с огромным воодушевлением поставил свою подпись о. Доминик. Напротив, о. Франциск попытался уклониться от подписи, чем поставил нотариуса в немалое затруднение. Франциск неожиданно заявил, что войдет в огонь только вместе с Савонаролой, а не с о. Домиником, принявшим его вызов. Также неожиданно другой монах из монастыря св. Марка пожелал вдруг заменить о. Доминика. Таким образом, было принято решение согласиться с участием в испытании нового действующего лица, монаха Юлиана Рондинелли. Он скрепил своей подписью договор 30 марта. Однако за это время о. Доминик передумал и опротестовал это решение, добившись разрешения самому принять участие в испытании вместе с проповедником из монастыря Святого Креста. Весь этот запутанный вопрос обсуждался в заседании Великого Совета Флоренции, где раздавались голоса, осуждавшие варварский эксперимент. Однако в конце концов возобладало мнение, что дело зашло слишком далеко

и уже нельзя не дать ему законного хода. Главное — преодолеть распрю и опасные разногласия в народе. Итак, Синьория обнародовала «Постановление», согласно которому по завершении испытания главный представитель потерпевшей поражение стороны подлежал изгнанию из Флоренции. В том случае, если в пламени костра сгорят представители обеих сторон, то проигравшей стороной, подвергаемой изгнанию, объявлялся только Савонарола.

Новость о столь необычайном событии, которое должно было произойти на берегах Арно, с быстротой молнии облетела всю Италию. В преддверии этого события вся Италия затаила дух. Даже сам Борджа, пока «Компаньяччи» не заверили его, что в действительности никакого «испытания огнем» не будет, также пребывал в оцепенении от испуга. Ему было чего бояться. Он помнил, что во времена св. Петра-Огника и св. Иоанна Гуальберта (XI в.) флорентийский епископ навсегда распрощался из-за подобного испытания со своей митрой. В эпоху Возрождения Папа мог потерять и тиару. Борджа, подобно многим греховодникам своего времени, не обладал крепкой верой, но зато был в плену суеверий.

Во время этой прискорбной суеты, вызванной простодушием одного из самых преданных своих друзей и учеников, Савонарола старался держаться в стороне и был готов принять на себя вину за все ее последствия. Однако борение страстей, захватившее его собственных сторонников, не оставило ему возможности спасти их из смертельно опасной ловушки. Желая успокоить страсти, он даже был вынужден написать циркулярное письмо, подтверждающее законность постановления Синьории. В этом письме он еще раз перечислил все факты, приведшие к подобному положению дел. Савонарола подчеркивал, что вообще подобного рода испытания являются «дерзостью по отношению к Богу», и возлагал всю ответственность за возможное несчастье на своих недругов: «Мы никогда не предлагали испытания огнем, не мы, а они навязали нам эту пытку. Мы же были принуждены принять ее, дабы не уронить Божией чести и истины»².

---

² SAVONAROLA G., *Lettere e Scritti apologetici*, EN, pp. 312.

Для того чтобы нынешний читатель мог хотя бы отчасти представить себе накаленную атмосферу тех дней, напомним, что войти в огонь вызвались все 250 монахов конгрегации св. Марка, многие сотни простых верующих, мужчин, женщин, детей и стариков, многие десятки монахинь.

Синьория, руководство которой захватили теперь «Озлобленные», без долгих прений назначила время, день, час и способ испытания, доведя тем самым толпы народа, предвкушавшего необычное зрелище, до исступления. Декрет Синьории гласил, что испытание огнем состоится на площади Синьории 7 апреля в канун Вербного Воскресенья. На площади был сколочен длинный помост высотой в четыре локтя, поверхность которого была устлана утрамбованной глиной и битым кирпичом. На самом помосте были сложены параллельно друг другу две поленницы дров, засыпанных порохом. Между кострами была проложена узкая дорожка. Как только вспыхнет огонь, на нее должны были одновременно шагнуть оба испытуемых.

Ложа Ланди, или, как ее иначе называют, Синьоров, была поделена ровно пополам высокой перегородкой. Одна часть ложи отводилась монахам монастыря св. Марка, другая — монахам монастыря Святого Креста. Ранним утром 7 апреля францисканцы прибыли первыми на площадь и безо всяких церемоний и молитв заняли свою половину ложи. В это время в церкви св. Марка о. Джироламо завершал служение Мессы и приступал к краткой прощальной проповеди. Произнеся ее, он вместе с о. Домиником облачился в праздничные ризы и возглавил торжественную процессию со Святыми Дарами. Они были еще в пути, когда стража Синьории явилась к ним, объявив, что на площади уже давно все готово к испытанию.

По пути следования процессия из 150 монахов монастыря св. Марка постепенно обросла огромной толпой мужчин, женщин и детей с горящими свечами в руках. На площадь они вошли с пением псалма «Восстань, Господь!»³, вызвав тем самым замешательство в стане противников, готовых воспользо-

---

³ Пс 68, 1.

ваться любым инцидентом, чтобы учинить расправу над Савонаролой.

Распростершись у подножия Распятия, о. Доминик ожидал начала испытания, но напрасно, так как его противник не вышел из Палаццо Синьории и вообще предпочел не показываться весь день. Измучив народ томительным ожиданием, на площадь вышли представители Синьории с приказом Савонароле приступить к испытанию. Он справедливо возразил, что о. Доминик давно на месте в ожидании противника. С сделанным возмущением францисканцы начали крючкотворствовать, подвергая сомнению согласованный накануне сценарий. Багровая риза, в которую был облачен о. Доминик, вызвала у них подозрение, так как они считали, что она заговорена колдовским способом. Разгорелся спор вообще об одеянии о. Доминика, так что в конце концов он был вынужден раздеться и облачиться в другую одежду. Сразу же после этого возник спор насчет того, может ли о. Доминик войти в огонь с Распятием в руке. Когда доминиканец захотел взять с собой Святые Дары, францисканцы стали шумно протестовать.

Пока шло все это препирательство, капризная флорентийская весна обрушила на толпу проливной ливень с громом и молниями. Под дождем отсырели дрова, приготовленные для костров. Сторонники Савонаролы восприняли это как добрый знак свыше, подтверждающий святость их пророка. «Озлобленные» приписали этот случай чародейству монаха и его связям с дьявольскими силами. Впрочем, многие увидели в этом знак Божественной воли, порицающей подобные эксперименты.

Уже сгущалась вечерняя мгла, когда Синьория разрешила францисканцам отправиться в их монастырь Святого Креста. Как только они покинули площадь, Савонарола вместе со своими монахами тоже решил возвратиться в свой монастырь. Однако, как не раз бывало в прошлом, они подверглись нападению головорезов, нанятых «Компаньяччи». Только благодаря неимоверной выдержке, проявленной Маркуччо Сальвиати и его скромно вооруженным отрядом, атака головорезов была отбита.

По возвращении Савонаролы в монастырь св. Марка, где более тысячи верующих женщин в течение шести часов непрерывно молились в ожидании своего пророка, он обратился к верующим с кратким словом. Он поведал, как в действительности развивались события. Савонарола подчеркнул, что испытание не состоялось не по его вине, а из-за ухищрений противника. Следовательно, сказал он, победа осталась за ним и его сторонниками. С юридической точки зрения, в том, что касается соблюдения пунктов договора, он говорил истинную правду. Даже враждебно настроенная к монаху Синьория не смогла объявить Савонаролу проигравшим, тем более изгнать его из Флоренции. Вердикт Синьории гласил, что к этому не имеется никаких оснований.

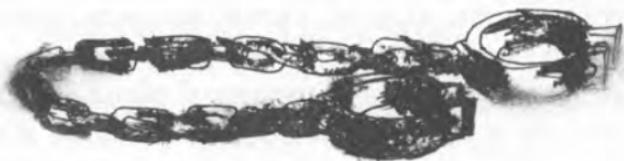
Однако вопреки одержанной победе, подтверждением которой было выполнение Савонаролой всех пунктов договора, в мнении значительной части народа он считался проигравшим. Разочарованные флорентийцы особенно не вникали в юридическую сторону дела. Главным в глазах общественного мнения Флоренции были не договорные обязательства и соблюдение их, а то, что монах не совершил чуда, которого от него ждали. Савонарола сам по себе, полагали они, должен был войти в огонь⁴.

Весьма многие из тех, кто еще рано утром шел вместе с Савонаролой на площадь Синьории, распевая псалмы, с наступлением темноты отшатнулись от него. Следовательно, несостоявшееся испытание огнем было на руку «Озлобленным», преследовавшим свою собственную цель. Проливной дождь, промочивший заложенный в костер порох, сумел загасить воодушевление городского населения, стоявшего на стороне своего пророка. В одночасье были забыты его разнообразные деяния, совершенные во благо всех граждан.

---

⁴ RIDOLFI R., *op. cit.*, pp. 359 ss.

ПЛЕННИК МОНАСТЫРЯ СВ. МАРКА

Поздним вечером, в самый канун Вербного Воскресенья, «Озлобленные» и «Компаньяччи» не покладая рук трудились над тем, чтобы использовать все возможности, которые сулила одержанная ими победа. Они публично оскорбляли «Плакс», подстрекали городскую чернь, готовую к грабежам и насилию, — в общем, приступили к организации мятежа, который должен был вспыхнуть по их сигналу на следующий день. Зловещие слухи доходили до келий монастыря св. Марка. Однако монахи не захотели провоцировать противника закупкой оружия, опасаясь агрессивной реакции.

Утром в Вербное Воскресенье Савонарола отслужил свою последнюю Литургию и взошел на кафедру, чтобы сказать несколько ободрительных слов своим сторонникам. В его словах ощущалось предчувствие того, что должно было произойти во Вторую неделю Страстей Господних. Обратившись к Распятию, он воскликнул: «Господи, благодарю Тебя за то, что во времена эти Ты пожелал сотворить меня по Твоему подобию!»

Утро прошло в напряженном ожидании, но монахов никто не побеспокоил. Воцарилось как бы затишье перед грозой. Но во второй половине дня, когда в соборе подходила к концу

Всенощная и с минуту на минуту ожидали прибытия проповедника, одного из монахов монастыря св. Марка, кто-то из «Озлобленных» дикими криками и воплями стал пугать верующих. В возникшей сумятице кто-то из числа «Плакс» схватился за оружие. «Озлобленные» набросились на него и зверски избили. Толпа ринулась вон из храма. В дверях возникла неимоверная давка. Всякого сумевшего выбежать из собора встречал град камней. Камни полетели и в проповедника, в это время подошедшего к собору, и в группу сопровождавших его верующих, вынудив их повернуть обратно. Тотчас же среди нападавших раздался боевой клич: «На Сан-Марко!»

«Этот призыв подхватила чернь и городской сброд, жаждавший грабежа, насилия и прочих зверств, — в общем, вся та пена, которая всегда образуется на волне любых беспорядков... Со всех сторон сбегались самые отъявленные негодяи и готовые на все уголовники. На углу площади св. Марка, возле Палаццо Сапиенца, они напали на юношу по фамилии Пекори, шедшего с молитвой в церковь Благовещения. Под злобные выкрики: “Посмотрите, кто идет! Мошенник! Да еще бормочет псалмы!” — они пронзили юношу копьем. Затем, подбежав к храму св. Марка, они принялись бросать камни внутрь церкви, где столпились многочисленные прихожане. Ремесленника, вышедшего к нападающим со словом увещевания и просьбой не оскорблять дом Божий, бандиты тут же на пороге храма зарубили мечом. Однако разбушевавшаяся чернь еще не осмеливалась ворваться в саму церковь, двери которой прихожане поспешили замкнуть на засов. Головорезы дожидались наступления ночи и прихода подкрепления, а также денежного вознаграждения за уже содеянное. Во всяком случае, они были готовы и на большие бесчинства»¹.

Вооруженные до зубов молодчики, руководимые «Компаньяччи», заняли все пространство площади перед церковью св. Марка и громогласно потребовали от Синьории изгнать Савонаролу из Флоренции. Соответствующее постановление

¹ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 303.

на этот счет Синьория обнародовала глубокой ночью, когда «Плаксы», пребывая в каком-то непонятном оцепенении, лишь пассивно следили за ходом событий и ни на что не реагировали, даже на тревожный звон колокола церкви св. Марка.

Осажденные монахи выпустили через потайную дверь женщин и немощных стариков, которые не могли держать в руках оружие. Несколько десятков молодых монахов-послушников присоединились к мирянам, взяв в руки то небольшое оружие, которое принадлежало охране Савонаролы. Однако гораздо более грозным оружием, в коем не было недостатка, в руках обороняющихся монахов стали булыжники и черепица. Этим оружием осажденные отбивали атаки мятежников. В ночное постановление Синьории осажденные не поверили. Они все еще полагали, что имеют дело с бунтовщиками из числа «Компаньяччи», которых Флорентийская республика рано или поздно сумеет усмирить. У них просто не укладывалось в голове, что правящая Синьория могла выступить на стороне бесчинствующей черни.

Когда нападавшие подожгли хворост под церковной дверью и воротами монастыря, Синьория опубликовала еще одно Постановление, требовавшее от мирян незамедлительно покинуть монастырь. В противном случае, угрожала Синьория, все они будут объявлены бунтовщиками и подвергнуты уголовному наказанию вплоть до смертной казни. Под страхом расправы многие защитники монастыря решили разойтись по домам.

В какой-то момент Савонарола хотел было выйти на площадь и сдаться, но монахи и горстка все еще остававшихся в монастыре мирян не допустили этого. Монахам, которые бродили по монастырю с оружием в руках, Савонарола приказал сложить оружие и взять в руки Распятие. Вместе со всеми он совершил крестный ход, обойдя весь монастырь. В ризнице он облачился в священные одежды и взшел на хор², где преклонил колени

---

² Здесь хором называется восточная часть храма, где во время богослужения располагается клир; в монастырской церкви св. Марка хор был отделен преградой от остального пространства, где находились миряне. — *Прим. пер.*

перед Святыми Дарами и, полностью отрешившись от мирских забот, ждал, когда пробьет час его мученичества³.

Вожди «Плакс», бывшие тогда в монастыре, собрались на военный совет. Франческо Валори предложил бежать из осажденного монастыря, собрать вооруженный отряд и прийти на помощь осажденным. Несмотря на все уговоры, он перебрался через монастырскую стену, за которой располагался ботанический сад, и явился в свой дом. Только здесь он понял, насколько глубоко изменилось соотношение политических сил во Флоренции. Мессер Франческо совершенно утратил боевой пыл и думал теперь только об одном — как бы ему скрыться и не угодить под горячую руку мятежной толпы. Однако, вопреки всем его расчетам, именно на его семью и на него самого этой ночью пришелся смертельный удар. По дороге в Палаццо, куда Синьория распорядилась доставить его под конвоем, он был зарезан из мести одним из родственников приговоренного им в прошлом году к смерти заговорщика.

Кровь пролилась и в монастыре, и на подступах к нему. Один немецкий семинарист, выхватив из рук нападавшего аркебузу, использовал церковную кафедру как редут. Отсюда он вел огонь по толпе атакующих, приговаривая при каждом выстреле: «Спаси народ Твой, Господи!» Обрушивая на неприятеля град булыжников и обломков черепицы, монахи монастыря св. Марка вторили этой молитве после каждого залпа. Так продолжалось до тех пор, пока Савонарола не удалился со Святыми Дарами в монастырскую библиотеку и не запер за собой дверь.

В этот момент на площади св. Марка в свете факелов появились солдаты Синьории, вооруженные легкой артиллерией. Синьория успела обнародовать еще одно, гораздо более суровое постановление, согласно которому предписывалось последним оставшимся в монастыре мирянам воспользоваться ночным временем и разойтись по домам. Неприятель уже овладел большей частью церкви и монастыря. Иного выхода, кроме как сдаться, у осажденных не было. Парламентеры Синьории при-

---

³ Ibid., p. 365.

были в монастырь с приказом Савонароле явиться в Палаццо Веккьо.

В надежде выиграть время Савонарола потребовал предъявить ему этот приказ в письменном виде. Пока парламентареры не возвратились обратно в монастырь с письменным приказом, у Савонаролы еще была возможность спастись бегством, перебравшись через стену монастырского сада, как это уже сделали Франческо Валори и многие другие. Однако о. Малатеста Сакроморо спросил: «Разве не должен пастырь пожертвовать своей жизнью, дабы спасти овец своих?» Савонарола заключил его в объятия и, не проронив ни слова, вышел навстречу гвардейцам и комиссарам Синьории. Вернейшие из последователей Савонаролы впоследствии назовут это объятие Малатесты «поцелуем Иуды».

Прежде чем Савонаролу взяли под стражу, он исповедался и причастился. Он также успел сказать несколько слов своим монахам, увещевая каждого сохранить твердость веры и приверженность строгому соблюдению Устава. Когда он уже был на пороге монастыря, к нему подбежал о. Доминик со словами, обращенными к страже: «Возьмите и меня на этот брачный пир!» Нанятая Синьорией стража немедленно удовлетворила его просьбу. Но когда о. Бенедикт Лускино тоже стал просить арестовать его, желая разделить судьбу своих братьев, Савонарола остановил его твердым голосом: «Брат Бенедикт, твое послушание здесь. Здесь и оставайся. Я же и брат мой Доминик идем принять смерть ради Христа».

Появление на площади св. Марка двух арестованных монахов толпа встретила ревом ненависти и проклятиями. Когда арестованных проводили через толпу, стоявшие ближе всего к ним плевали им в лицо и били их кулаками. С подобными почестями, напоминаясь поношение Господа нашего в час Его Страстей, монахов доставили в Палаццо Синьории. Здесь их уже ждал штаб заговорщиков в полном составе: уголовники и развратники, «Озлобленные» и «Компаньяччи». Среди них был и канцлер миланского герцога, дождавшийся, наконец, возможности сооб-

щить Лодовико Моро грандиозную новость: «Я самолично был в Палаццо Синьории и видел, как туда привели двух арестованных монахов — Иеронима и Доминика, компаньона Савонаролы, и я лично видел также, что руки их были закованы в кандалы, а их самих заточили в тюрьму, и все это произошло в восемь часов ночного времени»⁴.

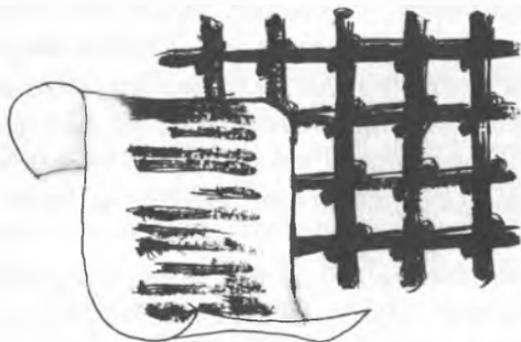
Похожие депеши были составлены на следующий день в адрес римского двора, причем с еще большим бесстыдством, так как авторы их стремились доставить как можно больше удовольствия тому, кто в этот момент полагал, что только так и можно наставлять на путь истины стадо Христово. О человекоубийстве и святотатстве, совершенных в святом месте, составители депеш полностью умолчали.

Савонарола стал узником печально знаменитой тюрьмы — башни Палаццо Веккьо, прозванной флорентийцами Альбергеттино («Уютная гостиница»). В другие темницы были брошены о. Доминик и о. Сильвестр. Последний сам добровольно сдался властям на следующий после мятежа и ареста своих более знаменитых собратьев день.

---

⁴ Ср. *ibid.*, p. 369.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРИГОВОР

В период с 9 апреля по 22 мая судебное дело троих монахов из монастыря св. Марка рассматривалось на трех процессах. Более сорока дней томились они в руках судей и почти ежедневно подвергались изуверским пыткам. По тем временам это был необычайно длительный судебный процесс. Однако он затянулся вовсе не потому, что восторжествовало правосудие. В ходе судебных заседаний не было и намека на соблюдение принципа равенства всех перед законом и самой законности. Столь длительное разбирательство было вызвано всего лишь желанием судей инкриминировать обвиняемым какое-либо, пусть и самое невероятное преступление, так как судьи имели дело с безвинно посаженными на скамью подсудимых братьями-доминиканцами.

Судьям было трудно найти преступные действия в поведении добрых монахов, само послушание которых исключало какие-либо серьезные грехи, а не только тяжкие. Так что даже и сегодня, по прошествии нескольких столетий, мы не в состоянии понять, каким образом на основании подобного судебного разбирательства судьи отважились приговорить обвиняемых к высшей мере наказания.

Единственным достоверным фактом было то, что во время осады монастыря св. Марка пролилась человеческая кровь. Судя по косвенным данным, было около сотни убитых и раненых. Но судьи не придали факту массовых беспорядков никакого особого значения и не инкриминировали обвиняемым факт вооруженной обороны монастыря. Очевидно, подобное обстоятельство лишь создавало судьям определенное неудобство, так как самые злостные преступления надлежало вменить мятежникам и застрельщикам бунта против монахов. Суд же был целиком поглощен стремлением доказать, что беспорядки были вызваны непростительными преступлениями, которые монахи совершили в предыдущий период.

Напомним, что на протяжении нескольких веков флорентийский суд, принявший сторону «Озлобленных» и в мае 1498 года приговоривший монахов к смертной казни, обвиняют в предвзятости. Но еще более суровый приговор история вынесла апостолическому комиссару, будущему кардиналу Франциску Ремолинесу. В ответ на просьбу о помиловании практически ни в чем не повинного и простодушного о. Доминика Пешиа, лишенного даже возможности сказать заключительное слово на третьем процессе, организованном по инициативе церковных властей, Ремолинес заявил: «Одним грязным монахом больше или меньше — какая, собственно, разница». Реабилитировать такого негодяя, как Ремолинес, осмелился уже в наше время один испанский историк, использовавший с этой целью весь свой заряд националистического фанатизма¹.

Крупнейшие биографы Савонаролы (П. Виллари, Й. Шнитцер и Р. Ридольфи) в мельчайших подробностях воссоздали ход изнурительного процесса, или лучше сказать — мученической пытки монахов. Они обнажили всю лживость, жестокость и нравственное убожество противников Савонаролы. Несмотря на разногласия в оценке деятельности Савонаролы между итальянским историком Паоло Луотто, который еще в XIX веке возвысил свой голос в защиту великого феррарца, и австрийским ис-

---

¹ HUERGA A., *Savonarola*. Madrid, 1978, pp. 209 ss.

следователем Л. фон Пастором, отрицательно относившимся к Савонароле, оба они единодушно утверждали, что судебный процесс над Савонаролой был вопиющим свидетельством попрания законности. Впрочем, в конце прошлого столетия ужас перед пыточным правосудием разделяло все тогдашнее общество, а творение Чезаре Беккариа все еще вызывало живой отклик в сердцах людей².

Однако о зверствах тогдашних палачей сегодня вряд ли можно сказать что-либо новое. В нынешнее время гораздо важнее свидетельствовать о христианской добродетели мучеников. Не может не вызвать глубочайшего уважения позиция о. Джиrolамо. Вернейшим критерием духовной силы человека и христианина является его поведение перед лицом смерти и страдания.

Тем не менее, говоря об этом, следует строго придерживаться христианской точки зрения. Дело в том, что на Западе нравственная оценка человеческого страдания нередко бывает замутнена так называемой «философской моралью» или «гражданской религией». Оба эти явления возникли задолго до христианства и сохраняются в нашей христианской цивилизации в качестве пережитка языческого прошлого. Так, например, стоицизм предписывает бесстрастно переносить страдания и это бесстрашие полагает одной из добродетелей человека. Языческие философы, придерживающиеся подобной точки зрения, подвергали, например, сомнению позицию самого Христа, так как, говорили они, Он испытал смятение ввиду предстоящих ему испытаний: «Душа моя скорбит смертельно» (Мк 14, 34). В подобном состоянии, продолжают эти авторы, Христос не отверг утешения ангела и совершенно напрасно пытался обрести поддержку Своих учеников.

---

² Чезаре Беккариа (1738-1794) — итальянский просветитель, выпускник иезуитской коллегии, автор известной работы «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), в которой впервые дан разбор всей системы современного ему уголовного законодательства. Беккариа решительно выступил против пыток и других методов «пыточного» или «доказывающего» правосудия. См. БЕРКОВ П. Н., *Книга Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в России. Россия и Италия.* М., Наука, 1968. — *Прим. ред.*

Этот закоренелый предрассудок стоицизма порой искажает посмертные повествования о великомучениках — первых свидетелях христианской веры, которые якобы совершенно бесстрастно, хотя и героически, переносили страдание. Поэтому у читателя не должен вызывать удивления тот факт, что и некоторые современные Савонароле писатели, и сегодняшние историки упрекают его в отсутствии какого-то сверхчеловеческого бесстрастия. Даже если принять на веру все заявления, которые ему приписывает сфабрикованное судебное дело, все равно его человеческая противоречивость, его самоопровержения и проявления слабости под пыткой или под ее угрозой, когда его физически довели до изнеможения, являются лишь свидетельством его страстей.

Паскуале Виллари³ полагал, например, что правильно оценить личность Савонаролы на основе судебного дела возможно только, если провести различие между тремя инкриминированными ему направлениями его деятельности — религиозным, демократическим и пророческим, теснейшим образом связанным с его визионерством. По мнению этого выдающегося историка, Савонарола героически сопротивлялся, непреклонно отстаивая свои взгляды, только по первым двум направлениям. П. Виллари считает, что Савонарола проявил слабость в третьем вопросе, тщетно надеясь хоть как-то умиловить и смягчить своих палачей. Итальянскому историку резко противоречит Й. Шнитцер: «Савонарола не поддался на то, чтобы отречься от своего пророческого дара, а ведь именно этого более всего добивались его палачи»⁴. Весьма кстати он напоминает, что палачи довели Савонаролу до такого состояния, что даже не могли подвергнуть его пытке дыбой или веревкой, а были вынуждены ограничиться только «испанским сапожком», ибо руки заключенного были переломаны во многих местах, так что тюремщикам приходилось кормить заключенного с ложки, и он не был бы человеком из плоти и крови, если бы иногда из уст его не срывались слова,

---

³ VILLARI P., *op. cit.*, vol. II, pp. 191 ss.

⁴ SCHNITZER G., *op. cit.*, vol. II, p. 97.

которые он, едва прекращалась пытка, тотчас же брал обратно и горько сожалел о них⁵.

Мнимый выбор, приписываемый Виллари заключенному Савонароле, был выбором, который за него сделали палачи. У них не было иного выхода. Они отлично понимали, что, продолжая вести расследование только по первым двум направлениям, они будут вынуждены иметь дело с объективными фактами, в принципе не зависящими от тех или иных заявлений обвиняемого. Вообще положение суда представлялось отчаянным, ибо вся Флоренция была свидетелем прямодушного поведения этого глубоко цельного человека, страстного проповедника веры и ревностного поборника гражданских свобод. Поэтому перед судом стояла задача загнать Савонаролу в ловушку его собственных невысказанных намерений, заранее объявленных судьями преступными, и его собственного пророческого дара, который и сам Савонарола, и его последователи считали внушенным свыше, а враги — дьявольским наущением. Сегодня нам очевидно, что мы имеем дело с процессом, на котором судили мысли и намерения человека. На этом судилище были попораны все мыслимые правовые нормы.

В своей тщательно выверенной монографии, посвященной этому процессу, Роберт Клейн воздаст должное судьям, воздержавшимся от расследования фактов «вооруженного сопротивления, организованного монастырем св. Марка, обнаружения склада оружия в монастыре, уголовного дела Бернардо Неро, то есть всех эпизодов, на основании которых суд мог бы получить свидетельские показания отнюдь не в пользу обвиняемых»⁶. Тем самым ав-

---

⁵ Ibid.

⁶ KLEIN R., *Il processo di Girolamo Savonarola*, Bologna, 1960, p. 219. — Лоренцо Виоли, как известно, записывавший проповеди Савонаролы стенографическим способом, относится к тем современникам проповедника, которые наиболее ярко продемонстрировали коварство суда и подчиненного ему нотариуса. К сожалению, его «Ежедневник» (*Le Giornate*) был издан только недавно, отчего и не был доступен широкому кругу историков. Что касается фальсификации судебного дела Савонаролы, то и по этому вопросу заслуживает внимания тот же Лоренцо Виоли: LORENZO VIOLI, *Le Giornate*, Firenze 1986, pp. 119-173. — Прим. пер.

тор этой ученой книги обнаруживает свою слишком очевидную наивность. Он не понимает того, что с самого начала прекрасно поняли «Озлобленные», ведь так называемые «свидетельские показания отнюдь не в пользу обвиняемых», прозвучи они за стенами суда, сразу же вступили бы в объективное противоречие со свидетельствами слишком многих современников Савонаролы, поставив под сомнение всю конструкцию судебного процесса.

Вынужденное отречение Савонаролы от своего пророческого дара использовалось судом с целью вызвать разброд в народной партии. Но для этого суду вовсе не нужно было добывать какие-либо дополнительные свидетельские показания. Достаточно было заставить Савонаролу сделать соответствующее заявление или, по меньшей мере, поставить свою подпись под порочащим его протоколом. При этом все сегодняшние исследователи согласны с тем, что «показания Савонаролы не были написаны им собственноручно», а сам обвиняемый не имел возможности ознакомиться с протоколом прежде, чем тот был предъявлен ему на подпись. Кроме того, «свидетельские показания не были зачитаны в зале суда»⁷. Подчеркнем также вместе с Ридольфи, что на наличие подтасовки указывает протокольная запись, зафиксировавшая факт принудительной подписи: «И скрепил его (протокол — *прим. авт.*) своей подписью не без понуканий». Следовательно, можно согласиться с выводом Ридольфи, что «Савонарола тем самым фактически опротестовал заранее заготовленный текст»⁸. Итак, учитывая обстоятельства и протесты самого Савонаролы, логично было бы ожидать от остальных лиц, принявших участие в акте подписания протокола, если и не выражения сомнений по поводу «изготовленного по всей форме» документа, то хотя бы определенной осторожности.

Увы, церковники, скрепившие протокол своими подписями следом за Савонаролой, в том числе и шестеро монахов из монастыря св. Марка, не проявили достаточной смелости, чтобы заявить протест в связи с тем, что узнику не была предоставлена

---

⁷ Ibid, p. 217.

⁸ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 274.

возможность написать свое признание собственноручно. Таким образом, этот сфабрикованный документ был предъявлен судом Великому Совету в качестве собственноручно написанного признания Савонаролы.

Правда, спустя некоторое время стало известно, что на первых порах возможность собственноручно написать признание все-таки была предоставлена Савонароле, но, едва получив эту возможность, узник был тотчас же лишен ее по приказу тех, кто добивался не истины и торжества правосудия, а уничтожения монаха. Поэтому можно предположить, что Савонарола рассчитывал на то, что при оглашении протокола в суде этому документу никто не поверит. Однако, предвидя такой оборот дела, его преследователи позаботились о том, чтобы Савонаролы не было в зале заседания Великого Совета при публичном оглашении документа, как того требовал закон. Организаторы этого судилища опасались, что их обман обнаружится. Достаточно было одного лишь слова протеста, но оно не прозвучало.

В те дни страх парализовал многих и в стане друзей, и в стане врагов Савонаролы. Оказалось, всем было выгодно сделать вид, что они верят в истинность подложного протокола, сфабрикованного нотариусом сером Чекконе. Кстати, флорентийские острословы немедленно окрестили эти фальшивые протоколы «плутоколами»⁹. Одни хотели заставить умолкнуть голос своей совести, другие пытались оправдать собственное малодушие. Савонарола был брошен на произвол судьбы. Его оставили даже монастырские братья. Историки пишут, что Савонарола должен был испить горькую чашу до последней капли.

Однако, перечитав еще раз эти пресловутые протоколы перед отправкой 21 апреля их копии Папе, судьи из числа «Озлобленных» были обескуражены тем, сколь малозначительны собранные ими в ходе процесса доказательства виновности узника. Вопрос о том, верить или не верить в пророчества, никак не дотягивал до уровня государственного преступления, на что указывал

---

⁹ Ср. итал. «*verbali*» (судебные протоколы) и «*bugiali*» (от «*bugia*» — ложь, мошенничество, плутовство). — Прим. пер.

и Савонарола, и даже простодушный о. Доминик. Поэтому судьям пришлось даже оправдываться перед Папой. Недостаточность улик они объяснили «невероятной физической сопротивляемостью организма обвиняемого». Так в истории получила хождение еще одна ложь, которая, впрочем, ничуть не смутила ни Борджа, ни его придворных.

В тот же день «Озлобленные», стараясь придать большую весомость делу Савонаролы, инсценировали второй процесс, материалы которого они, однако, не допустили в печать. Протокол второго дела Савонаролу заставили подписать 25 апреля. Но и на этот раз он сумел сделать на полях протокола собственноручную запись о том, что «в ряде мест документа имеются чужеродные вставки с именами мессера Франческо и мессера Бароне»¹⁰. Подобные приписки и вставки существуют также и в протоколах первого судебного дела, которое Синьория распорядилась срочно издать отдельной книгой, изъятой, однако, буквально на следующий день из продажи.

Вся основа этого второго судебного дела была соткана из лжи. Так, П. Виллари, публикуя второе следственное дело, подчеркивал: «Точности излагаемых здесь фактов ни в коем случае нельзя доверять»¹¹. На грубую фальсификацию всего этого судебного дела указывают, например, приписываемые Савонароле «признания», будто он «никогда не исповедовался», ибо «никогда не получил бы отпущения грехов». Еще он якобы говорил: «Если человек потерял веру и душу, то ему все позволено»¹². Р. Клейн в своей монографии принимает эту фальшивку за подлинные слова Савонаролы, что свидетельствует лишь об ограниченности его критического ума¹³.

Подобные декларации, вложенные в уста Савонаролы, звучат настолько фальшиво, что уже сами по себе могут служить дока-

¹⁰ Речь идет о приписках, сделанных нотариусом Чекконе, раскрывающих имена друзей монастыря св. Марка, которых Савонарола не хотел называть. См. П. ВИЛЛАРИ, *указ. соч.*, т. II, с. 152. — *Прим. пер.*

¹¹ VILLARI P., *op. cit.*, p. CLXXVII.

¹² *Ibid.*, p. CLXXV.

¹³ Ср. KLEIN R., *op. cit.*, p. 232.

зательством грубого подлога. При этом они обнаруживают стремление суда укрупнить мишень, чтобы спланированная заранее смертная казнь не выглядела карой лишь за «преступные намерения» и легковерие мнимых духовидцев.

По прибытии во Флоренцию 19 мая на третий процесс папские комиссары действовали в схожем направлении, правда, еще более грубо, чем гражданские судьи. Главными пунктами обвинения третьего процесса были следующие: предложения и планы Савонаролы по созыву Вселенского Собора с целью низложить Борджа; святотатство, совершенное Савонаролой в таинстве Исповеди и Евхаристии; пренебрежительное отношение к постановлению об отлучении его от Церкви; открытое сопротивление Папе и заявления о том, что римский епископ не является христианином и не был крещен. Папский комиссар Ремолинес не постеснялся задать обвиняемому, например, такие вопросы: «Не утверждал ли ты, будто Христос — человек, подобно другим людям? Не проявлял ли ты симпатий к Магомету?»

Вся эта инсценировка была подчинена одной цели — подвесить троих монахов под смертный приговор, обвинив их в «ереси, схизме и проповеди обновленчества...»

Савонарола уже давно был готов принять смертный венец из рук палачей. Приговор не вверг его в смятение. Боялся же он только пыток по причине своей физической слабости. Но у него отсутствовал страх перед смертью. Всякий раз, возвращаясь после пыток в грязную и мрачную камеру, наедине с собой он обретал прежнее спокойствие духа. Он молился и писал, как если бы все еще находился в своей монастырской келье. Время, прошедшее в ожидании папских комиссаров (с конца апреля до 19 мая), он употребил на написание краткого назидания — «Правила доброй жизни», предназначенного надсмотрщику, которого узник благодаря своему героическому терпению в конце концов наставил на путь истины. Кроме того, здесь же, в тюремной камере, Савонарола написал размышления на тему Псалма «Помилуй меня, Боже»¹⁴ и приступил к написанию размышлений на тему

---

¹⁴ Пс 50.

Псалма «На Тебя, Господи, уповаю»¹⁵, работа над которыми была прервана казнью.

Эти сочинения Савонаролы были тайком переправлены из Альбергеттино на волю, напечатаны и поступили на прилавки книжных лавок во Флоренции всего через несколько дней после его смерти. Не сфабрикованные протоколы судебных процессов, а эти последние сочинения Савонаролы расскажут нам об истинном состоянии духа человека, оказавшегося перед кровавой чертой своей земной жизни. В своих предсмертных сочинениях Савонарола предстает перед нами таким, каким он был всегда — человеком глубочайшего смирения и безграничной веры в святое могущество Господа. Он полностью принял таинственную глубину замыслов Провидения, и вся его жизнь прошла под знаком страстной любви ко Христу и вверенным ему человеческим душам. Савонарола был ревностным проповедником, который не мог равнодушно взирать на разрушение святой Церкви:

«Господи Боже, как сегодня мала Церковь! Весь мир на краю пропасти, ибо неверные гораздо многочисленнее, чем христиане. Но и среди христиан где те, которые, оставив земные имения, заняты размышлением о славе Господней? Немногих найдешь Ты среди множества тех, чей конец — погибель, чей бог — чрево и чья слава — в сраме, ибо они мыслят о земном. “Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион”, дабы он возрос в достоинстве и числе. Призри его с неба и облагодетельствуй, как обыкновенно делаешь Ты, послав с неба огонь любви Твоей, чтобы разрушить все грехи наши»¹⁶.

С этой молитвой в сердце он покинул мирную гавань монастырской жизни и вышел навстречу борению человеческих страстей. В конце жизненного пути его ждало пламя костра на площади Синьории.

¹⁵ Пс 30.

¹⁶ SAVONAROLA G., *Esposizione e meditazione del Salmo Miserere*, Firenze 1968, p. 62.

ВЕЛИКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО

Накануне казни трое обреченных на смерть монахов только глубокой ночью обрели, наконец, возможность перевести дух. С них сняли кандалы. Благочестивое Братство черных инок, послушанием которого является утешение приговоренных к смертной казни, направило к каждому из заключенных своего собрата. В темницу Савонаролы вошел о. Якопо Никколини, его заведомый противник. Но вышел он от Савонаролы одним из самых убежденных его последователей. Свою верность ему о. Якопо сохранил до конца своих дней.

Савонарола отказался от приготовленного о. Якопо ужина. Он желал только одного — молиться, а не переваривать пищу в ожидании смерти. Он попросил об исповеднике, но ему прислали монаха-бenedиктинца, а не собрата из монастыря св. Марка.

Душа Савонаролы обрела великое спокойствие. Точно так же чувствовал себя и о. Доминик. В отличие от Савонаролы он поужинал и написал трогательное письмо своим братьям в монастыре св. Доминика во Фьезоле, настоятелем которого он был. В своем предсмертном письме он завещал братьям следовать учению Савонаролы.

В конце концов узникам была дарована милость попроситься перед смертью друг с другом. Савонарола воспользовался возможностью, чтобы отговорить о. Доминика от требования более мучительной смерти, а о. Сильвестра — от намерения заявить перед всем народом о своей невинности. «Вы не должны поступать таким образом, — сказал Савонарола, — ибо даже Христос не пожелал на Распятии сказать о своей невинности. Точно так же подобает поступать и нам, грешным, ибо всякий поступок Христа есть поучение нам». Таким образом, Савонарола успокоил братьев, и они послушались его. Затем они опустились на колени перед своим настоятелем, прося его о благословении.

Возвратившись в темницу со своим провожатым, Савонарола обратился к нему с просьбой дать ему некоторое время для отдыха. Он желал подкрепить силы после целого дня физических и нравственных страданий. Савонарола заснул, положив голову на колени своего утешителя, о. Якопо. Краткий сон нужен был ему, чтобы достойно встретить последний смертный час. Пробудившись ото сна, он обнял и поблагодарил о. Якопо, которому, как сообщают историки, Савонарола будто бы открыл свое пророчество о великих потрясениях, ожидающих Флоренцию в эпоху Папы, имя которого будет Климент¹.

На рассвете приговоренных к смерти привели в часовню Палатцо Синьории для участия в Мессе и принятия Святого Причастия. Держа в руках освященную Гостию, Савонарола произнес перед всеми исповедание веры и слова покаяния: «Господи, знаю, что Ты — Слово Вечное, сошедшее в утробу Приснодевы Марии, что Ты взшел на Крест, чтобы пролить кровь за наши грехи. Молю Тебя, Господи, о спасении моем. Молю Тебя, Утешитель мой, чтобы сия драгоценная кровь была во отпущение моих прегрешений, за которые я прошу у Тебя прощения. Прости мне оскорбления или вред, какой я нанес этому городу и всему этому народу в грехе моем духовном или земном, и все ошибки мои, которые я мог и не заметить. Смирренно молю о проще-

---

¹ Ср. RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 398.

нии всех, кто рядом со мной. Да молят они Бога за меня, дабы Он дал силы мне в последний час и чтобы враг не одолел меня. Аминь»².

После Литургии трое монахов было дозволено побыть некоторое время вместе. Беседа их еще раз завершилась благословением — о. Доминик и о. Сильвестр преклонили колени перед Савонаролой, признавая его старшинство. За восемь месяцев до этого дня Савонароле исполнилось сорок пять лет.

В девятом часу осужденным на казнь было велено выйти на площадь. Сходя со ступеней Палаццо Синьории, они поравнялись с двумя братьями из монастыря Санта Мария Новелла, которым было приказано сорвать со смертников монашеское одеяние. Выполняя приказ, они грубо сорвали с Савонаролы тунуку и скапулярий³, святейшую часть монашеского облачения. Савонарола смиренно попросил в последний раз поцеловать свое облачение. «Священное одеяние, — сказал он, — как я желал тебя! Господь дал мне тебя, и я до сих пор сохранил тебя незапятнанным. Теперь оставляю тебя, но не по своей воле — тебя отнимают у меня». Босиком, в одной белой шерстяной рубаше он первым шагнул на площадь, где уже глухо гудела толпа, точно такая же, как и в тот раз, когда должно было состояться испытание огнем. Как и в прошлый раз, над брусчаткой возвышался эшафот, но теперь в дальнем конце его, противоположном от лоджии Синьории, стоял столб с перекладиной, с которой свешивались три виселичные веревки. У подножия виселицы, которая, как бы бросая вызов палачам, напоминала огромный крест, был уже приготовлен огромный костер.

В ложе Синьории строго по протоколу заняли места папские комиссары, по правую руку от них — члены трибунала Восьми Гвардии и Балии, так сказать, флорентийский синедрион и преторион. Престарелому о. Бенедикту Паганотти, в прошлом доминиканцу монастыря св. Марка, а ныне викарию архиепископа, выпала постыдная обязанность совершить чин расстрижения

---

² Ibid., pp. 398 ss.

³ См. сноску на стр. 32.

Савонаролы, который начинается с повтора формулы отлучения. Глубоко потрясенный видом приговоренных к смерти, несчастный старец был настолько смущен, что вместо отлучения Савонаролы только от Церкви воинствующей⁴ произнес: «Отлучаю тебя от Церкви воинствующей и торжествующей». Савонарола смиренно и спокойно поправил его: «Воинствующей, но не торжествующей, ибо последняя не в твоей власти». Смутьившись, старик поспешил исправить свою ошибку.

И вот монахов подвели к папскому комиссару Франсиско Ремолинесу, имя которого острые на язык флорентийцы тут же переименовали в Ромолино — римского служку, так как во Флоренции никто не сомневался, что выбор Борджа пал на него только потому, что этот молодой человек был «заведомая каналья»⁵. Не моргнув глазом, он зачитал безжалостный приговор. Затем с едва скрываемым сарказмом добавил: «Его Святейшеству, нашему Господину Папе угодно было избавить вас от мучений в чистилище и даровать вам полное отпущение грехов с возвратом вам девственной невинности. Согласны ли вы принять сей дар?» Ни в чем не повинные «еретики и схизматики» смиренно согласились даже на такое отпущение грехов. В свете своей веры они прекрасно видели, чем в действительности отличается власть пастыря от свирепости сторожевого пса.

Наконец, они предстали перед членами гражданского суда, который единодушно высказался за осуждение «обвиняемых в гнуснейших преступлениях». Тотчас же осужденные в сопровождении исповедника и монаха, служителя «доброй смерти», босые и в белых нательных сорочках, были подведены к виселице. Подстрекаемые «Компаньяччи» хулиганы забрались под

---

⁴ В традиции католического богословия под воинствующей Церковью подразумеваются все христиане, находящиеся на пути к спасению; в свою очередь, торжествующая Церковь включает в себя тех, кто уже достиг вечной славы. — *Прим. ред.*

⁵ Здесь «каналья» — презрительное название продажных мужчин при дворе Борджа. См. DE MAIO R., *Savonarola e la Curia Romana*. Roma 1969, p. 143. — *Прим. пер.*

эшафот и, вооружившись наточенными шомполами, пытались сквозь дощатые щели как можно большее изранить ноги монахов. Сами же «Компаньяччи» осыпали осужденных проклятиями и руганью.

Первым взошел по лестнице, располагавшейся перед виселицей, о. Сильвестр. Он не переставая молился до тех пор, пока петля не захлестнула ему горло. Когда о. Доминик собирался запеть во весь голос гимн «Тебя, Господи, хвалим», Савонарола попросил его произносить слова гимна едва слышным шепотом. Монах Доминик, не дожидаясь приказа палача, сам взошел на эшафот, и лицо его светилось надеждой и радостью. Он запечатлен в исторической памяти как один из самых бесстрашных мучеников христианства. Последним было суждено умереть Савонароле. С молитвой «Верую в Бога...»⁶ на устах взошел он на эшафот и обвел взором стоявшую внизу толпу. Сколько раз лицезрел он ее вокруг своей кафедры в годы страданий и невзгод! Кто-то выкрикнул снизу: «Эй, Савонарола, сотвори-ка чудо! Теперь самое время».

По примеру Учителя, не ответившего на злобный выкрик — «Сойди со Креста!» (Мк 15, 30), — Савонарола тоже не произнес ни слова, а только жестом приказал палачу накинуть петлю на шею.

Было ровно десять часов утра 23 мая 1498 года. Скованные цепями и обвязанные веревками, тела повешенных бились в муках на виселице. Палач торопливой рукой разжег костер, чтобы пламя окончательно стерло с лица земли последнюю память о казненных. В это время поднялся сильный ветер и отклонил языки пламени от повешенных монахов. Огонь словно желал пощадить их тела. Тотчас в толпе раздались крики: «Чудо! Чудо!» В испуге толпа отпрянула назад. Вскоре ветер переменился, и огонь охватил тела повешенных. Неожиданно взметнувшийся ввысь огненный столб приподнял правую руку Савонаролы, которой он словно благословил народ. Подлые молодчики, под-

⁶ «Верую в Бога, Отца Всемогущего...» — Никео-Константинопольский Символ веры. — *Прим. ред.*

стрекаемые еще большими негодьями, обрушили на мучеников град камней; один камень ударил по благословляющей руке, и та быстро опустилась в костер. Глумление над трупами не прекращалось до тех пор, пока огонь окончательно не уничтожил их⁷.

Однако в толпе нашлись и набожные женщины, поспешившие собрать хотя бы часть реликвий, чтобы затем ревностно сбечь их. Правда, тут же вмешались власти, приказавшие собрать весь прах казненных и сбросить его в Арно.

Вполне справедливо многие последователи и биографы Савонаролы усматривают в подобном эпилоге сбывшееся пророчество монаха, изреченное им еще в далеком 1491 году: «И приблизятся нечестивцы к святилищу, мечом и огнем разобьют и сожгут двери его, схватят праведников и на лобном месте города испепелят их, и то, чего не примет огонь и не развеет ветер, бросят в воду»⁸.

---

⁷ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 403.

⁸ *Ibid.*, pp. 403, 656, n. 48.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ: СПОР О РЕАБИЛИТАЦИИ

Точно так же, как это случилось после трагедии на Голгофе, последователи Савонаролы пережили период большой растерянности. Дело в том, что в монастыре св. Марка уже самое первое клеветническое судебное дело вызвало распрю. Монахи стали обвинять своего учителя в дьявольском лицемерии. Так появилось унижительное письмо монахов с отречением от Савонаролы, посланное ими 21 апреля Папе Александру VI. В этом письме, между прочим, было сказано следующее: «Ваше Святейшество, явите милость и оградите нас от о. Джироламо Савонаролы — виновника всяких ошибок. Пусть он понесет достойное наказание, если таковое вообще возможно ввиду столь великого беззакония его. Мы же, как заблудшие овцы, возвращаемся ныне к истинному пастырю»¹.

Но даже такое рабское поведение не смогло уберечь общину от мести «Озлобленных». Кроме разграбления монастыря, которым сопровождался арест, а затем и тюремное заключение троих монахов, Сан-Марко был лишен всех привилегий. Все монахи были загнаны в монастырь сворой «Компаньяччи» и несколько

---

¹ Ср. VILLARI P., *op. cit.*, vol. II, pp. CCXIII ss.

месяцев просидели там взаперти. Они были бы обречены на голодную смерть, не найдись во Флоренции набожных и мужественных мирян, доставлявших им по собственной инициативе необходимое пропитание. В опьянении от своей быстрой победы «Озлобленные» обрушили свою ярость даже на колокол церкви св. Марка, непрерывно звонивший в ту памятную мятежную ночь, взывая о помощи, которая была необходима осажденным. Колокол «Плакс» был в наказание сброшен с колокольни, после чего его провезли через всю Флоренцию, подвергая позорной порке кнутом, и сослали во францисканский монастырь Сан-Миниато.

В обстановке преследований и запугивания немало последователей Савонаролы бежало из Флоренции. Стараясь забыть эту трагедию, они предпочитали хранить молчание. Многие монахи общины св. Марка обрели приют в Витербо, под сенью монастыря Санта Мария дельа Кверча. В числе их оказался и о. Бенедикт Лускино, которому было суждено в течение долгих лет томиться в монастырской тюрьме в наказание за свою верность памяти учителя.

Заботы о конгрегации св. Марка были вверены попечению о. Якопо Сицилийского, одного из преданнейших последователей Савонаролы. Ему предстояло присоединить ее к более обширной Тоскано-Римской конгрегации. Именно этот вопрос о присоединении, как помнит читатель, послужил предлогом к отлучению Савонаролы. При о. Якопо наиболее ревностные и смелые из монахов получили разрешение почитать память мучеников. Уже в первую годовщину их смерти в монастырях св. Марка и св. Доминика отслужили заупокойную Мессу, не дожидаясь официального разрешения церковных властей.

Совершение подобной «стихийной» Литургии не нарушало, однако, действовавшего тогда законодательства, хотя генеральный настоятель Ордена, лично принимавший участие в казни трех мнимых «еретиков и схизматиков», заявил самый решительный протест. Гнев его был тем более велик, что годом ранее в Ферраре его едва не растерзали возмущенные жители города,

оскорбленные до глубины души постыдной смертью своего согражданина. В конце концов о. Иоаким Турриани наложил строжайший запрет на чтение заупокойных молитв в память о Савонароле, сохранение его реликвий и изображений. Подобные запреты в дальнейшем постоянно возобновлялись его преемниками. Однако монахи и монахини пропускали мимо ушей все эти запреты. Они были уверены, что казнь, состоявшаяся вопреки всем Божьим и человеческим законам, должна быть замолена, невзирая на грозные распоряжения властей.

Кроме того, оправданием подобного «непослушания» послужила также череда скоропостижных смертей преследователей Савонаролы. Один за другим отправились на тот свет Мариано Дженаццано (1498 г.), Доменико Понсо (1499 г.), пресловутый сер Чекконе и сам Турриани (1500 г.), Александр VI Борджа (1503 г.). Лодовико Моро был захвачен в плен французами в 1500 году и самым жалким образом испустил дух в тюремных застенках. Во Флоренции память о монахе возродили простые верующие. Так, уже в конце 1499 года, на ноябрь-декабрь месяцы гонфалоньером правосудия был избран Джованни-Баттиста Ридольфи, один из предводителей «Плакс», который в день мятежа чуть не погиб, подобно Франческо Валори. Народная партия, ставшая теперь монашеской партией, постепенно поднимала голову. Она была вынуждена склонить ее только под ударами реставрированной тирании во главе с Медичи в 1512 году.

Однако и этих почти двадцати лет хватило, чтобы почитание флорентийским народом Савонаролы пустило прочные корни. И в последующие столетия никому не удалось их уничтожить. Монастырю св. Марка были возвращены собственность и привилегии. Он снова стал ориентиром для всех искренних друзей народного правления, даже когда на западе Европы утвердился государственный абсолютизм. Другьям и последователям Савонаролы удалось приумножить издания его трудов.

Некоторые последователи попытались выйти за рамки частного культа Савонаролы и стали говорить о его канонизации. Принято считать, что впервые мысль об этом высказал Папа

Юлий II². Прелаты, благоволившие итогам неканонического собора в Пизе (1510-1511 гг.), тоже высказывались в поддержку прославления Савонаролы. Однако доминиканцы Тоскано-Римской конгрегации, продолжавшие, впрочем, называть себя также общиной Сан-Марко, не поддались на этот соблазн.

При понтификате Льва X³ движение за канонизацию Савонаролы было сведено на «нет», в частности, потому что доминиканская конгрегация переживала полосу кризиса, хотя вряд ли можно говорить, как это делают некоторые историки, о ее полном упадке. Само ожесточение, с каким власти преследовали реликвии и культ Савонаролы, свидетельствует о том, насколько безуспешными были их попытки искоренить во Флоренции почитание святости о. Джироламо⁴.

В последний раз «Плаксы» во весь голос заявили о себе во Флоренции после второго изгнания Медичи в 1527 году, то есть после достопамятного разграбления Рима⁵. В этот новый краткий период гражданских свобод, а также во время героического сопротивления Флоренции имперской и присоединившейся к ней папской армиям имя Савонаролы звучало, как боевой клич. 9 февраля 1528 года гонфалоньер правосудия предложил Великому Совету Флоренции избрать и провозгласить Христа царем

² Юлий II (1443-1513) — в миру Джулиано делла Ровере, Римский Папа с 1503 года. При Александре VI Борджа находился в оппозиции. Сопровождал Карла VIII в итальянском походе. Покровительствовал искусству, призвал в Рим Браманте, Микеланджело, Рафаэля, других архитекторов, скульпторов, живописцев. — *Прим. пер.*

³ Лев X (1475-1521) — в миру Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного, стал Папой в 1513 году. Покровительствовал Рафаэлю, Бембо, Гвиччардини, Эразму, типографу Альдо Мануцию, поэтому, несмотря на свою посредственность, считается воплощением возрожденческих идеалов. — *Прим. пер.*

⁴ Ср. RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 439.

⁵ Германский император, представитель Габсбургской династии, Карл V развернул борьбу за обладание Италией и возбуждал вражду к Папе. Банды имперской армии, ландскнехты, ворвались в Рим и произвели разгром и грабеж, известный в истории под названием «разграбление Рима». — *Прим. пер.*

Флоренции, как однажды уже предлагал Савонарола. Теперь это предложение было принято, о чем и свидетельствует памятная мраморная доска над входом в Палаццо Синьории.

В поддержку героической обороны Флоренции и ее гражданских свобод тогда выступили два знаменитых доминиканских проповедника — о. Захария Луниджана (из монастыря св. Марка) и о. Бенедикт Фойано (из монастыря Санта Мария Новелла). После того как Флоренция была вынуждена сдаться на милость победителя, эти проповедники, попав в плен к Папе Клименту VII⁶, заплатились жизнью за свою приверженность идеалам Савонаролы. Так, о. Бенедикт умер голодной смертью в подвалах римского замка Св. Ангела.

Напрасно о. Иероним Бенивьени, восьмидесятилетний старец, обращался к этому Папе, отпрыску дома Медичи, в прошлом своему ученику, с письмом в защиту памяти Савонаролы. Столь же тщетными и наивными оказались надежды о. Серафима Рицци (1531-1612), написавшего обширную, но так никогда и не изданную биографию великого феррарца. Он наивно полагал, что своей книгой сумеет убедить великого герцога и архиепископа Александра Медичи⁷ благосклонно отнестись к почитанию и культуре великомученика.

Следует подчеркнуть, что именно при Козимо I община св. Марка подверглась очередному преследованию со стороны дома Медичи. В 1545 году великий герцог под предлогом странных выходов одного городского сумасшедшего изгнал домини-

---

⁶ Климент VII (1478-1534) — в миру Джулио Медичи, сын Джулиано и внук Лоренцо Великолепного, стал Римским Папой в 1523 году. Во время разграбления Рима скрывался в замке св. Ангела, наблюдая из окон, как ландскнехты рядились в папские одежды. Однако он вступил в переговоры с императором, когда ландскнехты свергли во Флоренции господство Медичи. Он заключил с императором унизительный мир и возвратил Флоренцию Медичи. — *Прим. пер.*

⁷ В 1532 году Александр Медичи возглавил Синьорию и получил титул герцога. Великими герцогами Медичи стали именоваться при Козимо I (в 1569 году). Дом Медичи правил Тосканой до 1737 года, когда по смерти Джангаэтоне Медичи их род окончательно прекратился. — *Прим. пер.*

канцев из их монастыря и поселил в нем августинцев. Однако благодаря твердости, проявленной Павлом III⁸, справедливость была восстановлена и монахам общины св. Марка вернули их обитель.

Несмотря на преследования, имя о. Джироламо получило известность благодаря чрезвычайно широкому распространению его сочинений. «Только в Венеции, — отмечает Ридольфи, — в первой половине XVI века увидело свет сто изданий богословских трудов и проповедей Савонаролы. Типографии в то время печатали только книги, пользующиеся наибольшим спросом, а спросом пользовались те книги, которые читали более всего. Поэтому вряд ли можно найти более надежное доказательство широчайшего распространения по всей Европе учения и славы Савонаролы. Правда, это только один из аспектов роста его влияния»⁹.

В этот период в Европе обозначились крупнейшие движения всей христианской истории — протестантская Реформация и Католическая реформа¹⁰. Вывод напрашивается сам собой: учение и слово великого проповедника, умерщвленного людьми, возненавидевшими его страстное желание добиться обновления жизни на христианской основе, так или иначе оказали влияние на оба реформационные движения.

Наиболее преданные из последователей Савонаролы в своих апологетических трудах подчеркивают его правоверие и ореол святости. Ими написаны авторитетные жизнеописания Савонаролы, которые, однако, не издавались на протяжении долгих лет, а распространялись лишь в рукописном виде в доминиканских монастырях и обителях.

---

⁸ Павел III (1468-1549) — в миру Алессандро Фарнезе, стал Папой в 1534 году после смерти Климента VII. Он приступил к внутренней реформе Церкви, поддержав учреждение Ордена Иезуитов (1540) и созвав Тридентский Собор (1545). — *Прим. пер.*

⁹ *Ibid.*, pp. 450 ss.

¹⁰ Католическая реформа — по мнению большинства католических историков, независимый от Реформации процесс обновления Католической Церкви. Контрреформацией эти историки называют только полемику с протестантами. — *Прим. ред.*

Правда, есть и противоположные примеры. Так, «тщеславный и сварливый сиенец, Амброджо Катарино Полити, мелкий стряпчий, в тридцать лет сделавшийся вдруг монахом монастыря св. Марка, “Плакса” и богослов, весьма скоро перессорился со всеми братьями Ордена и по сути предал память Савонаролы. Заручившись поддержкой францисканского епископата в 1548 году, он опубликовал памфлет, озаглавленный “Речь против учения и пророчества о. Джиrolамо Савонаролы”, обвинив Савонаролу в ереси»¹¹. Разумеется, этот пасквиль вызвал в доминиканском Ордене волну возмущения и побудил немногих из оставшихся в живых «Плакс» на написание новых апологетических сочинений.

Следовательно, Савонароле в дополнение к уже сданному экзамену на правоверие предстояло выдержать еще целый ряд испытаний. Папские комиссары, сфабриковавшие несправедливый судебный процесс, безуспешно пытались обвинить Савонаролу в ереси. В 1516 году Лев X опять, но также тщетно, предпринял попытку заполучить очередной обвинительный акт, который бы подтверждал еретические воззрения Савонаролы. Этот документ ему должны были предоставить викарий и капитул флорентийской епархии. Однако на Латеранском Соборе (1512-1517) учение Савонаролы защитил францисканец о. Георгий Бениньо, архиепископ Назарета. Тем не менее в 1557 году, воспользовавшись пасквилом Катарино, иезуит Джакомо Лайнес выступил с предложением осудить труды Савонаролы, для чего он обратился в папскую комиссию по составлению «Индекса запрещенных книг»¹².

Свой голос в защиту Савонаролы возвысил доминиканец о. Павел Бернардини из Лукки, глубокий богослов и знаток трудов монаха монастыря св. Марка. Его апологетика Савонаролы была неопровержимой. Пока заседала папская комиссия,

---

¹¹ Ibid.

¹² В 1571 году Папой Пием V (1566-1572) была создана конгрегация «Индекса запрещенных книг» под председательством самого Папы. Конгрегация просуществовала в своем первоначальном виде до 1908 года. — *Прим. пер.*

св. Филипп Нери¹³ молился вместе со всей своей общиной. Одновременно вместе с ними по его просьбе молились и все монастыри римской провинции. Вдруг лицо святого просияло и глаза его озарились неизреченной радостью: «Возблагодарим Всевышнего! Мы одержали победу!» Как стало известно впоследствии, в этот самый момент конгрегация «Индекса» приняла доводы о. Павла, свидетельствующие в пользу Савонаролы. И лишь для того, чтобы не унижить знаменитых богословов и прелатов, составлявших оппозицию Савонароле, комиссия включила в свое постановление формулировку «*donec emendata prodeant*»¹⁴ относительно некоторых проповедей Савонаролы и написанного им диалога «О пророческой истине».

У верных последователей Савонаролы снова появилась надежда на его канонизацию. На папский трон взошел Климент VIII — Альдо Брандини¹⁵, впитавший с молоком матери почитание о. Джироламо. Но и на этот раз против пророка-мученика ополчились политические интриганы. Семейству Медичи, великому герцогу и архиепископу претило общественное признание Савонаролы.

Следует сказать несколько слов и о главном деле, которому Савонарола посвятил свою монашескую жизнь: реформе мужских и женских монастырей его Ордена. Это необходимо, чтобы исправить отдельные поспешные выводы тех историков, которые считают упадок строгой монашеской дисциплины даже в монастыре св. Марка само собой разумеющимся следствием смерти

¹³ Филипп Нери (1515-1595) — католический святой, прозванный за свою легендарную благотворительность «апостолом Рима». В 1548 году он организовал для помощи паломникам Братство Святой Троицы. Около 1551 года основал духовные собрания, названные «Ораториями» (лат. *Oratorium* — моление). Из предложенного им сочетания пения и чтения духовных текстов возник музыкальный жанр оратории. Канонизирован в 1622 году. День памяти — 26 мая. — Прим. пер.

¹⁴ «*Donec emendata prodeant*» (лат.) — «Впредь до дальнейшего пересмотра». — Прим. пер.

¹⁵ Климент VIII (1536-1605) — в миру Ипполит Альдо Брандини, Папа Римский с 1592 года. — Прим. пер.

Савонаролы. Но подобное катастрофическое развитие событий — всего лишь их домысел. Будь это так на самом деле, невозможно было бы объяснить многие из тех событий, о которых мы упомянули выше.

Так, например, сохранение и жизнеспособность культа, окружающего пророка-мученика, немыслимы без поддержки обителей и монастырей, продолжавших соблюдать строгие правила духовной жизни, предложенные Савонаролой. Отдельные факты, свидетельствующие об отходе от строгости монастырских уставов, никого не должны вводить в заблуждение. Дело в том, что между общинами конгрегации св. Марка и «конвентуалами» всегда существовали ощутимые различия, сохранившиеся и после того, как монахи общины св. Марка были рассеяны по многим обителям новой конгрегации. Так было и после 1530 года, когда декретом Климента VII конгрегация была преобразована в так называемую реформированную Римскую провинцию.

Именно по этой причине Козимо I, изгнавший доминиканцев из монастыря св. Марка в 1545 году, всего несколько лет спустя, в 1556 году, потребовал от них возвратиться в монастырь Санта Мария Новелла. Они были водворены в него по принуждению. Но это не смутило набожных флорентийцев, ибо возвращение доминиканцев во многом способствовало духовному подъему Флоренции.

Можно сделать вывод, что насильственное устранение Савонаролы не привело к угасанию духовного рвения его последователей. Пусть и в более умеренном виде, но в первой половине XVI века реформа, начатая Савонаролой, медленно, но верно распространялась вширь, постепенно охватив почти все монастыри тогдашней Римской провинции — в Тоскане, Умбрии, Лациуме. Поэтому было бы неверно утверждать, что «конгрегация св. Марка растворилась в Римской провинции»¹⁶. На самом деле декрет Климента VII (1530 г.) способствовал расширению реформы, начатой в монастыре св. Марка. Лишь горстка «непри-

¹⁶ DI ACRESTI D., *Sviluppi della Riforma Savonaroliana*, Firenze 1980, pp. XI-XII.

миримых конвентуалов», избравших местом своей деятельности особую «автономную» конгрегацию, не приняла в ней участия. Тем самым их конгрегация была обречена на медленное угасание. Монастырь св. Марка и в реформированной Римской провинции на протяжении многих лет сумел сохранить свое значение главного монастыря. Так продолжалось до тех пор, пока эта роль окончательно не перешла к общине св. Филиппа Нери.

Кроме того, как отмечает о. Мазетти, «конгрегация св. Марка, прежде чем получить статус провинции, взрастила целый ряд авторитетнейших ученых, а в 1530 году, вследствие ее расширения, число подготовленных ею деятелей науки многократно возросло. Большая часть из ученых-доминиканцев приняла участие в Тридентском Соборе¹⁷. Все они сформировались как богословы в реформированной Римской провинции»¹⁸. Не только первый настоятель обновленной провинции был воспитанником монастыря св. Марка, но и почти все провинциалы XVI столетия были учениками первых реформированных монастырей. В их число входил и о. Ромео Кастильоне (ум. 1552), будущий генеральный настоятель Ордена.

Говоря о знаменитых доминиканцах, сформировавшихся в атмосфере конгрегации строгой монашеской жизни, следует вспомнить о. Санти Паньини (ум. 1536), первого среди выдающихся библеистов Нового времени, глубочайшего знатока древнееврейского языка. Нельзя не упомянуть и кардинала Никколо Шёнберга (ум. 1537), о. Серафима Рицци (ум. 1612), книгоиздателя и известнейшего проповедника о. Тимофея Риччи, родственника св. Екатерины Риччи, одного из наиболее ревностных приверженцев молитвы Розария. В этот славный перечень входит также о. Никколо Ридольфи (ум. 1650), генераль-

---

¹⁷ Тридентский Собор (1545-1563) проходил в городе Тренто (лат. *Tridentum* — Тридент) в Северной Италии и был центральным событием Реформы Католической Церкви в XVI в. Итогом Собора были «Декреты» и «Тридентское исповедание веры». — *Прим. пер.*

¹⁸ MASETTI T. P., *Monumenta et antiquitates veteres disciplinae Ordinis Praedicatorum*, Romae 1864, vol. II, p. 13.

ный настоятель Ордена, который по наущению некоторых монахов-интриганов, противников строгого соблюдения монашеских правил, был несправедливо низложен, но затем с почестями восстановлен в должности. Завершим этот список именем Игнатия Дель Ненте, истинного духовного наставника Флоренции XVII столетия. Наряду с прочими заслугами, ему принадлежит пальма первенства в деле внедрения (с помощью проповеди) строгого соблюдения монашеских правил в сиенском монастыре св. Доминика.

Вклад этих деятелей в Католическую реформу был весьма значителен, особенно в том, что касается подъема духовной жизни в женских монашеских общинах на территории Римской провинции, включавшей тогда Тоскану, Умбрию и Лациум. Профессор Ди Агрести тщательно документировал это влияние на примере четырех тосканских монастырей в Прато и Лукке¹⁹. В XVI столетии монастырь в Прато был прославлен стигматами св. Екатерины Риччи, горячей последовательницы Савонаролы. Влияние монахов общины св. Марка распространялось также на Пизу, Перуджу, Витербо, Риети и Рим, то есть повсюду, где находились монахи Римской реформированной провинции.

Пламенным последователем Савонаролы был уже упомянутый нами о. Павел Бернардини (ум. 1584), содействовавший продвижению доминиканской реформы в Абрुццах, в итоге приведшей к созданию монастырской провинции, посвященной св. Екатерине Сиенской.

В перечисленных нами обителях и монастырях Орден Доминиканцев сумел выдержать испытание временем, а порой и достичь процветания, продолжавшегося до сегодняшнего дня на большей части Италии. Если наряду с обителями и монастырями учесть и миссионерскую деятельность во имя распространения религиозного рвения, осуществлявшуюся многими монахами и монахинями, то терцина Высочайшего поэта, посвященная св. Доминику, вполне может быть отнесена и к Савонароле:

---

¹⁹ Ibid.

*И от него пошли ручьев разливы,
Чьей влагою вселенский сад возрос,
Где дерева поэтому так живы²⁰.*

(Рай XII, 103-105)

Вот почему о Савонароле не следует говорить в прошедшем времени, как будто речь идет об «уже перевернутой странице великой книги истории Церкви, после того как был развеян его пепел». Но, как пишет наш современник, один из наиболее знаменитых биографов Савонаролы, «этот пепел живет в этой книге и является указанием пути»²¹.

---

²⁰ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. *Божественная комедия. Рай*. Перевод с итал. Лозинского М. М., 1947. — Прим. ред.

²¹ RIDOLFI R., *op. cit.*, p. 686, n. 137.

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

МОЛИТВЫ ИЗ ТЕМНИЦЫ

ВВЕДЕНИЕ К «МОЛИТВАМ ИЗ ТЕМНИЦЫ»

На фронтисписе первых изданий, увидевших свет вскоре после смерти Савонаролы, заглавие этой книги выглядело следующим образом: «Incipit expositio ac meditatio in Psalmum Miserere Fratris Hieronymi de Ferrara Ordinis Praedicatorum, quam in ultimis diebus vitae suae edidit, dum in carcere...» — «Сие есть начало размышлений брата Иеронима (Джироламо) из Феррары, члена Ордена Проповедников, на тему Псалма “Помилуй меня, Боже”, которое он, будучи в тюрьме, написал в последние дни жизни, а также размышлений на тему первых трех стихов Псалма 30-го “На тебя, Господи, уповаю”, оставшихся незавершенными по озлоблению гонителей, поспешавших убить его».

Арестованный в Вербное Воскресенье 1498 года, 8 апреля, Савонарола в последующие дни претерпел череду непрерывных пыток и допросов, ознаменовавших постыдный судебный процесс над ним. Передышку ему дали лишь после того, как были сфабрикованы материалы для второго процесса, оглашенные 25 апреля на заседании Большого Совета. Следовательно, для определения точной датировки публикуемого нами сочинения Джироламо Савонаролы, необходимо в качестве точки отсчета придерживаться даты, ближайшей к 25 апреля. Окончание работы над текстом обозначено с предельной точностью самим Савонаролой: «8 мая работа над книжкой была завершена, и о ней уже заговорили в городе»¹.

Вряд ли датировка рукописей XV века может быть обозначена более точно. Сам жанр сочинения, являющегося молитвой, наводит на мысль о соотносении текста с литургическим временем, на которое пришелся период авторской работы. Это было Пасхальное время, так что едва ли будет большой натяжкой предположить, что ключом к прочтению «Помилуй меня, Боже» являются пасхальные мотивы. При этом бесспорно, что вторая

---

¹ RIDOLFI R., *Vita di Girolamo Savonarola*, Firenze, 1952, vol. I, p. 391.

неделя Пасхи, на которую пришлось основное время работы над сочинением, нашла свое отражение в заключительном обращении Савонаролы к Господу — «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей» — и практически в самом начале савонароловой молитвы: «Омой меня, Господи, Его кровью, просвети смирением Его, обнови меня воскресением Его».

Речь идет не просто о текстуальном совпадении, ибо внушаемая этим совпадением мысль разворачивается вширь на протяжении всего сочинения, а особенно в 13-м стихе.

Кроме того, обращает на себя внимание и четырехкратное обращение автора к Соборному Посланию Иакова. В литургической практике Церкви в ту эпоху Соборное Послание являлось частью пасхального цикла чтений, точнее говоря, четвертого Воскресения Пасхи и последующих дней.

Еще одна явно пасхальная тема засвидетельствована обращением ко Святому Духу как силе, дарующей обновление личное и обновление церковное, а также направляющей мир. Известно, что воскресные богослужения Пасхи сосредоточены на обетовании Святого Духа.

Монах Ордена Проповедников о. Серафино Рацци сообщает в своем рукописном жизнеописании Джироламо Савонаролы, что, когда того спросили, отчего, истолковывая покаянные Псалмы, он оставил без внимания «Помилуй меня, Боже», фра Джироламо ответил, что осилит и этот Псалом, но «в свой час». Как мы видим, час этот пробил, когда Савонарола пребывал в темнице и был на пороге смерти. Это чрезвычайное обстоятельство побудило биографов к поискам на страницах савонароловой книжки автобиографических черт автора. Данный факт вынуждает и нас рассмотреть вопрос о жанре этого сочинения.

По итогам более тщательного изучения текста мы пришли к выводу, что формально текст «Истолкования и размышлений на тему Псалма “Помилуй меня, Боже”» не может считаться сугубо автобиографическим документом. Иначе говоря, он не принадлежит ни жанру «Исповедей» св. Августина, ни жанру ду-

ховного дневника. Более того, ссылки на субъективные обстоятельства написания Савонаролой этого сочинения здесь совершенно ни при чем. Вследствие этого текст обладает всеми характерными чертами молитвенного жанра. Эта молитва может быть повторена всяким кающимся грешником.

Наше мнение вызвано стремлением к точному истолкованию текста и, тем самым, вступает в противоречие с высказанным недавно суждением такого авторитетного биографа Савонаролы, как проф. Ридольфи. В особенности он настаивает на следующей частности:

«В какой-то момент Савонарола напоминает о Петре, трижды отрекавшемся от Иисуса всякий раз, когда его спрашивала о нем какая-то простая женщина. Этот исключительный пример служит Савонароле утешением в его собственной слабости, ибо под пыткой он сам отрекся от своих пророческих озарений: «И все же эти вопросы были всего лишь слова. Но что случилось бы, спрашиваю я себя, если бы иудеи от слов перешли к побоям?.. Несомненно, он и на сей раз только при виде бичей, готовых обрушиться на него, отрекся бы от Тебя». Но ведь так было с самим Савонаролой! «И если Петр, которому были жалованы столькие дары и благодати, — заключает чуть более спокойным тоном Савонарола, — пал столь низко, то что делать мне, Господи?» Истинный смысл последних слов ускользнул от современных биографов. «Факт, что в отречении от пророчеств Савонарола усматривает свою вину именно на страницах этой книги и в стенах этой темницы, где он пребывает наедине с Богом, означает, что, когда мучения прекратились и Савонарола восстал из пропасти, он тотчас отказался от отречений, исторгнутых пыткой»².

Однако весьма решительная фраза, которая ввела в заблуждение известного биографа, очевидно, возникла вследствие неточности перевода. Данная неточность поддерживается принятой истари классической версией текста, которая, однако, вступает в противоречие как с контекстом, так и с авторским слово-

---

² *Op. cit.*, p. 390.

употреблением. На самом деле Савонарола не спрашивает: «Что мог я сделать?»», а вопрошает: «*Quid facerem?*», то есть «Что делать мне?» Впрочем, на основании этого краткого критического замечания читатель может составить представление также о том, в какой мере для последователей Савонаролы самоочевидным и естественным было понимание книги, вырвавшейся за стены темницы Палаццо Веккьо, как текста, в коем отражены глубоко личные переживания и чувствования узника. Дело в том, что перевод, которым пользуется Ридольфи, столь же классичен, как и его оригинал.

Отрицая автобиографический характер сочинения Савонаролы, мы вовсе не намерены свести его к беллетристическому жанру. Савонарола никогда не был витией. Он писал свои книжки с той же целью, какую преследовал и в своих проповедях. Чувства, которые он при этом передал, принадлежат именно ему, ибо источник их — в глубочайших личностных переживаниях. Однако, по обыкновению своему, Савонарола абстрагируется от внешних обстоятельств, которые способны только ограничить масштабность его построений и, в особенности, стеснить широту его молитвы.

В данном случае речь идет о молитве кающегося человека, то есть о такой молитве, которая отнюдь не претендует ни на библейскую эрудированность, ни на труд по патристике либо литургике. Все отсылочные тексты процитированы в сочинении Савонаролы наизусть. Состав их ограничен фрагментами в изобилии представленными на страницах любого Миссала или Часослова³, хотя все они крепко-накрепко спаяны пламенной и искренней верой. Но обращенный к Богу и исторгнутый из глубины души крик и по сей день заставляет нас — так же, как заставлял он представителей первого поколения последователей Савонаролы — с восхищением смотреть на человека, приговоренного

---

³ Миссал (или Службеник) — книга, содержащая тексты для проведения Мессы на все дни года; Часослов — богослужбная книга, содержащая псалмы, молитвы и другие тексты суточного круга богослужения. — *Прим. ред.*

к смерти, и слышать в его мольбах последнее послание узника, донесшееся до нас из-за тюремной решетки.

В башне Альбергеттино, внутренней тюрьме Палаццо Веккьо, не было предусмотрено койки. Быть может, из всей обстановки была здесь только деревянная скамья, а единственной дозволенной книгой был Часослов. Когда Савонарола начал писать, руки его саднили от пыток. По счастью, к этому времени заключенному удалось приручить своего тюремщика. Грубый и враждебно настроенный надсмотрщик, встретившись со стоическим терпением и смирением человека, еще недавно пользовавшегося всеобщим уважением и внушавшего священный трепет толпе, не устоял и обратился к более праведной жизни, прикнув даже к сторонникам Савонаролы.

За несколько лет до этого о. Джироламо говорил в одной из своих проповедей: «Мне придется замолкнуть, когда ты свергнешь меня в темницу, но я и тогда не стану молчать, ибо начну говорить с тем, кто даст мне пищу»⁴.

Для тюремщика и его семьи Савонарола в дни заключения составил «Правила достойной жизни» и ряд других мелких сочинений.

Нетрудно себе представить, каких усилий стоила узнику писательская работа в столь ужасающих условиях. Однако почти невообразимо, что при этом Савонарола пренебрег случаем сделать письменное заявление о своей невиновности и о бесчестности судей. Эти факты дают полное представление о его величии, вопреки современной историографии (главным образом, французской), с поспешностью судящей о Савонароле как об экзальтированном, страдавшем невротическими расстройствами, психически больном человеке. Приходится думать, что некоторые сочинители по сей день сами не в состоянии преодолеть своего собственного невроза, иначе говоря, своей закомплексованности, вызванной литературным успехом фрейдизма.

---

⁴ RIDOLFI R., *Vita di Girolamo Savonarola*, Firenze, 1952, vol. I, p. 389.

Итак, только благодаря доброжелательности тюремщика Савонароле удалось завершить работу над рукописью, после чего своевременно выпустить ее из тюрьмы на волю и переправить в типографию, чтобы книга успела лечь на прилавки книжных лавок. «У этой книги, — пишет Ридольфи, — была исключительно благоприятная судьба: в последние два года XV столетия она выдержала не менее тринадцати изданий, в том числе восемь латинских изданий, то есть на языке оригинала, пять на итальянском и одно издание на немецком языке»⁵.

Мы уже говорили о том огромном спросе, каким пользовалась книга Савонаролы после его мученической смерти. В следующем столетии количество изданий умножилось. Появились переводы на основные европейские языки. Испанский перевод увидел свет в 1511 году. Во второй раз на немецкий язык книга была переведена в 1524 году. В Англии «в период 1534-1541 годов насчитывается более 11 переводных изданий»⁶.

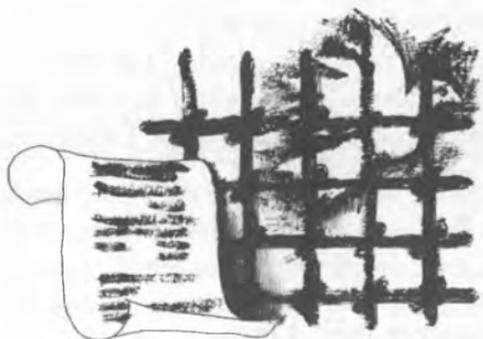
В самой Италии после изданий, увидевших свет в XV и XVI столетиях и получивших необычайно широкое распространение, потребность в новом переводе появилась лишь на исходе XIX столетия. В 1898 году в ходе торжеств, связанных с четырехсотлетием казни Савонаролы, Людовик Ферретти, впоследствии епископ Валь-д'Эльза, в своем неутомимом савонароловом рвении решил пойти навстречу общественным запросам. В 1901 году в Милане вышел из печати новый итальянский перевод. Он был переиздан дважды — сначала во Фьезоле в 1932 году под руководством редакционной коллегии журнала «Вита Христиана», а затем в 1952 году в Турине под редакцией монахов Ордена Проповедников оо. Ибертиса и Одетто.

О. Тито С. Ченти, Орден Проповедников

⁵ *Op. cit.*, vol. II, p. 220, n. 8.

⁶ FRA GIROLAMO SAVONAROLA, *Guida Spirituale*, Torino, 1952, III, p. 182.

Джироламо Савонарола
МОЛИТВЫ ИЗ ТЕМНИЦЫ

ИСТОЛКОВАНИЕ И РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ
ПСАЛМА «ПОМИЛУЙ МЕНЯ, БОЖЕ» (Псалом 50)

Несчастный я, покинутый всеми, оскорбивший небо и землю. Куда мне идти? К кому обратиться? Где найти избавление? Кто проявит милосердие ко мне? Не смею поднять глаз к небу, ибо против неба я тяжко согрешил. На земле не найти мне прибежища, ибо на земле я был предметом соблазна¹.

---

¹ Молитва кающейся души должна начинаться самоуничижением и завершаться обновлением упования на свою будущность в свете Божественного милосердия. Таков лейтмотив этой медитации в целом. Наряду с этим можно указать и на схематическое деление Псалма на три стадии покаяния — сокрушение сердца (раскаяние), исповедь, умилоствление (*Summa Theologica*, III, гл. 90, а. 2). Савонарола косвенным образом придерживается данной схемы, последовательно раскрывая ее доводы. Так, в ст. 1-3 выражено в основном чувство раскаяния, в ст. 4-16 упор сделан на исповеди, то есть признании собственной вины, в последующих стихах на первый план выходят обетования, связанные с умилоствлением или, иначе говоря, искуплением содеянных грехов.

Что делать мне?² Впасть в отчаяние? Да не будет этого никогда. Бог милосерд, Спаситель мой милостив. Только Бог даст мне прибежище. Он не презрит творение Свое, не изгонит подобие Свое.

В печали и скорби предстою пред лицом Твоим, Всемилостивый Боже, Ты — единственная моя надежда, Ты один — мое прибежище. Но что смогу сказать Тебе, когда не смею поднять глаз моих на Тебя? Слова скорби изолью перед Тобой, воззову к милосердию Твоему и скажу:

1

«Miserere mei, Deus,
secundum magnam misericordiam Tuam» —

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей»

Боже, «обитающий в неприступном свете»³, незримый Бог, Которого не способно увидеть ни одно телесное око, Которого ни один сотворенный разум не может постигнуть и никакой язык, человеческий или ангельский, не в состоянии выразить, Тебя, непостижимый Боже, ищущий я. Взыскую Тебя, о Боже неизреченный, чем бы ни был Ты, существующий повсюду. Мне вполне ведомо, что Ты — существо высшее, если Ты — существо;

² В данном случае мы исправили не только перевод о. Ферретти, но и более старые переводы. Хотя, действительно, латинское выражение «*Misericors est Deus, pius est Salvator meus*» с грамматической точки зрения верно передано старейшей версией «*...il mio Salvatore è pietoso*», а следовательно, и вариантом, предложенным о. Ферретти — «*...il Salvatore mi è pietoso*» — сам ход мысли подтверждает вариант перевода, предлагаемого нами. В самом деле, последующее завершение фразы требует единственного числа: «*Soltanto Dio quindi...*». С этой точки зрения более логичной и естественной выглядит, разумеется, наша версия. В подтверждение можно привести также французский, хотя иногда и чересчур вольный, перевод, выполненный о. Э. Байонном: «*Dieu est plein de miséricorde, mon Sauveur rempli de bonté*» (*Oeuvres Spirituelles de J. Savonarole, Paris, 1880, t. II, p. 214*).

³ 1 Тим 6, 16.

но лучше сказать, Ты — первопричина всего сущего, ибо Ты есть причина. Я не нахожу имени, чтобы назвать невыразимое величие Твое.

Ты, Боже, являешься всем, что есть в Тебе. Ты — это Твоя премудрость, Твоя доброта, Твое могущество, Твое высочайшее счастье, и, так как Ты милосерд, кто Ты, как не милосердие Твое? Боже, перед Тобой стоит нищета, перед Тобой, кто есть само милосердие. И Ты, само милосердие, как Ты поступишь? Конечно, это дело Твое, ибо Ты не можешь отринуть собственной природы. Так в чем Твоя воля? В том, чтобы упразднить нищету и поднимать нищих. Так помилуй меня, Боже, избавь меня, Господи, Боже милостивейший, от нищеты моей. Избавь меня от грехов моих, в которых — вся моя беспредельная нищета. Подними нищего сего. Осуществи во мне дело Твое. Яви во мне силу Твою.

«Бездна бездну призывает»⁴. Бездна моей нищеты призывает бездну милосердия Твоего, бездна греха призывает бездну благодати Твоей. Но бездна милосердия больше бездны нищеты. Да наполнится бездна бездной, и наполнится бездна нищеты бездной милосердия Твоего. «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей».

Помилуй меня не малой мерой человеческой, но мерой великого, безмерного, непостижимого милосердия Твоего, превосходящего несметность грехов мира сего. Помилуй меня тем великим милосердием, по которому Ты так возлюбил мир, что отдал за него даже Сына Своего Единородного⁵. Что может быть больше такого милосердия? Что может быть больше такой любви? И кто после этого может впадать в отчаяние? Кто может еще не доверять Тебе? Бог сделался человеком и дал распять Себя на кресте за людей.

Помилуй меня, Боже, по Твоему великому милосердию, которое побудило Тебя отдать Сына Своего за нас и очистить

---

⁴ Пс 41, 8.

⁵ «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3, 16).

через Него грехи мира, озарить крестом Его всех людей, восстановить и обновить все, сущее на небе и земле. Омой меня, Господи, Его кровью, просвети смирением Его, обнови меня воскресением Его.

Помилуй меня, Боже, только не малой мерой, ибо мера милосердия Твоего мала, когда Ты поднимаешь людей из нищеты телесной, но мерой великой, когда прощаешь грехи и, по благодати Твоей, возвышаешь людей превыше земного величия. Поэтому, Господи, в Твоем великом милосердии помилуй меня, привлекли к Себе обращением на путь истины, уничтожением грехов моих, оправданием меня благодатью Твоей.

2

«Et secundum multitudinem miserationum Tuarum,
dele iniquitatem meam» —

«И по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои»

Твое милосердие, Господи, есть изобилие Твоего благочестия, с коим Ты милостиво призришь нищих. Проявление Твоих состраданий суть дело и образ Твоего милосердия.

Благой Иисусе, припала к ногам Твоим Мария Магдалина, омыла их своими слезами, осушила своими волосами, и Ты простил и отправил ее с миром⁶. Вот, Господи, дело Твоего милосердия. Петр отрекся от Тебя и возненавидел Тебя под присягой. Ты только одиножды взглянул на него, и он залился горькими слезами. Ты простил его и сделал главой Апостолов. Та-

---

⁶ Главным образом вследствие авторитетного мнения Григория Великого, средневековые экзегеты отождествляли Марию Магдалину с Марией, сестрой Лазаря, и с безымянной грешницей Евангелия от Луки (Лк 7). Это смешение все еще официально сохраняется в литургии, соединяющей трех женщин в одно лицо. Нынешние истолкователи пришли к единодушному мнению, отвергающему подобное смешение (Ср. LAGRANGE G.M., *L'Evangelo di Gesu Cristo*, Brescia, 1930, pp. 157 ss.; PRAT F., *Gesu Cristo*, Firenze, 1948, II, pp. 499 ss.).

ково, Господи, дело милосердия Твоего. Разбойник на кресте был спасен по одному Твоему слову. Павел, призванный в разгар преследований, внезапно исполнился Духа Святого. Таковы, Господи, дела милосердия Твоего. И не хватило бы никакого времени, пожелай я хотя бы упомянуть обо всех делах Твоих, ибо сколько есть праведников, столько и дел Твоего милосердия.

В сущности, никто не может возвышать сам себя⁷. Да придут все праведники, сущие на земле и на небе, и спросим их перед лицом Твоим, спаслись ли они силами собственной добродетели? И, конечно, все единодушно и единогласно ответят: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей»⁸. «Ибо они не мечом своим приобрели землю, и не их мышца спасла их, но Твоя десница и Твоя мышца и свет лица Твоего; ибо ты благоволил к ним»⁹, так как спаслись они не по своим заслугам и не по своим делам, ибо никто не может прославлять себя, но потому только, что так было угодно Тебе. Сие сказано о Тебе, Господи, Пророком: «Он избавил меня, ибо Он благоволит ко мне»¹⁰.

Ибо Ты есть тот Бог, «у Которого нет изменения и ни тени перемены»¹¹, мы же, Твои сотворения, как и отцы наши, суть

---

⁷ Как и все святые души, любящие Бога, Савонарола отвергает заблуждение Пелагия, согласно которому спасение каждого человека якобы зависит от его личной инициативы и заслуг. Савонарола отстаивает абсолютный приоритет богоизбранности, от которой зависит как изначальная, так и любая последующая благодать без исключения. Это не освобождает человека от призвания сотрудничать с Господом, Который к изначальной и последующей благодати присовокупляет также благодать сотрудничества. Вопреки утверждениям Лютера, Савонарола вовсе не был противником «добрых дел». В своей «Простоте христианской жизни» Савонарола пишет: «Дабы сей дар (благодати) сохранился и возрос посредством добрых дел... рассмотрим, какие добрые дела являются первостепенными и главными, способствующими возрастанию сего дара благодати и сохраняющими его» (I. I, с. 9).

⁸ Пс 113, 9.

⁹ Пс 43, 4.

¹⁰ И в данном случае Пророком является Псалмопевец: Пс 17, 20.

¹¹ Иак 1, 17.

дети похоти, и мы тоже грешники, как они. Но отныне посредником между Богом и человеком явился Иисус Христос, «пребывающий вечно»¹², отчего же не распространишь дела Твоего милосердия и на нас, как сделал Ты отцам нашим? Ужели Ты забыл о нас? Ужели только мы — грешники? Разве Христос не принял смерть ради нас? Разве ныне иссякло милосердие Твое?

Господи, умоляю Тебя, прошу Тебя, предай забвению беззаконие мое по примеру многих дел Твоего милосердия. Ибо дел этих много, и несть им числа. Ты же по множеству этих дел предай забвению беззаконие мое, чтобы Ты мог снизойти ко мне и привлечь меня к Себе, поднять меня, сделать меня праведным силой благодати Твоей, как привлек Ты к себе неисчислимое множество грешников, подняв их и сделав праведными. По многим делам милосердия Твоего забудь о беззаконии моем. Очисти мое сердце, ибо после того как уничтожено будет всякое беззаконие и омыта всякая нечистота, стану я незапятнан, как чистая доска, на коей перст Божий сможет начертать закон любви, несовместимой со всяким грехом.

---

¹² Евр 7, 24.

3

«Amplius lava me ab iniquitate mea,
et a peccato meo munda me» —

**«Многократно омой меня от беззакония моего
и от греха моего очисти меня»**

Признаюсь, Господи, однажды Ты уже предал забвению беззакония мои, потом вновь предавал забвению их, тысячекратно Ты омывал меня от беззаконий моих. И ныне омой меня вновь от беззакония моего, ибо опять я упал¹³. Неужели Ты прощаешь грешника только определенное число раз? Однако когда Петр приступил к Тебе и сказал: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?», Ты ответил: «Не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз»¹⁴, тем самым «определив конечным числом неопределенное число»¹⁵.

Неужели Ты оставишь победу на поприще прощения за человеком? Разве Бог не больше человека? Или не добрее? Или Ты, Боже, не «Царь великий»¹⁶, тогда как доподлинно известно, что

---

¹³ Размышление на тему третьего стиха четко делится на две части: в первой осуждаются наиболее тяжкие грехи, падение во смертные грехи; во второй, начинающейся в нашем издании с третьего абзаца, говорится, напротив, о грехах простительных. Обычно такие грехи требуют дальнейшего омовения души — после прощения и прекращения грехов смертных. Тяжесть повторного совершения греха показана самим Господом в притче: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф 12, 43-45). Как единодушно объясняют святые Учителя Церкви, это не означает, что милосердие Божие не может обратиться и тех, кто согрешает повторно. К подобному великодушию и взывает здесь Савонарола.

¹⁴ Мф 18, 21.

¹⁵ Данная экзегеза принадлежит перу св. Фомы Аквинского (*In Matth.*, с. 18, v. 22), равно как и нынешним истолкователям.

¹⁶ Пс 94, 2.

«совершенная суета всякий человек живущий»¹⁷. Один Ты, Боже, исполнен доброты, ибо «всякий человек ложь»¹⁸.

И не Ты ли сказал: «Когда в некий день грешник застонет, я прошу все его беззакония»?¹⁹ И вот я, грешник, стенаю, ибо «смердят, гноятся раны мои от безумия моего. Я согбен и совсем поник, весь день сетую хожу... Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего. Господи! Пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя. Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих — и того нет у меня»²⁰.

Отчего же, Господи, не предаешь забвению мое беззаконие? И если Ты однажды предал забвению мое беззаконие по многим делам Твоего милосердия, то омой меня от беззакония еще раз, ибо я еще не совсем чист. Соверши дело Твое — избавь меня от всей вины, избавь от прегрешения, умножь внутренний свет, зажги любовью Твоей сердце мое, прогони страх, ибо «совершенная любовь изгоняет страх»²¹.

Да удалятся от меня совершенно любовь к миру, любовь к плоти, любовь к себе самому. Омой меня еще раз и снова пре-

¹⁷ Пс 38, 6.

¹⁸ Пс 115, 2.

¹⁹ Ср. Из. 18, 21 и сл.

²⁰ Пс 37, 6-7, 9-11. Как явствует из этой длинной цитаты, пламенеющая душа Савонаролы столь погружена в молитву, что он абсолютно не стремится быть оригинальным. Привычные обороты речи один за другим исторгаются из глубин памяти всякий раз, когда они соответствуют чувствам, которые желает выразить сердце. Будучи главной частью богослужения, Псалмы на протяжении многих лет были привычным языком бесед Савонаролы с Богом. Вот отчего не вызывает удивления та настойчивость, с какой Савонарола обращается к этим словам.

²¹ 1 Ин 4, 18. Савонароле были известны уточнения богословов, проводящих различие между страхом *рабским* и страхом *сыновним*. Особенно хорошо ему было знакомо следующее суждение св. Фомы Аквинского: «Рабский страх вызывается себялюбием, ибо рабский страх является страхом перед наказанием... По этой причине, оставаясь рабским, сей страх несовместим с любовью, хотя может совмещаться с ней по своей психологической природе, равно как себялюбие совместимо с любовью» (II-II, q. 19, a. 6).

дай забвению мое беззаконие, из-за которого я согрешил против ближнего, очисти меня от греха, которым я оскорбил Тебя, мой Боже — дабы Ты предал забвению не только мою вину и прегрешение, но и начало грехов. Омой меня, умоляю Тебя, водой благодати Твоей, той водой, которую «кто будет пить, тот не будет жаждать вовек», но «сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»²².

Омой меня водой моих слез, омой меня водой Твоего Священного Писания, дабы был я причислен к тем, о которых Ты сказал: «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам»²³.

4

«Quoniam iniquitatem meam ego cognosco,
et peccatum meum contra me est semper» —

«Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною»

Господи, размышляя о Твоем милосердии и делах Твоей любви, я прибегаю к Тебе с великой верой; не приступаю к Тебе, как фарисей, который, «встав, молился сам в себе»²⁴, а также «возвышал сам себя и презирал ближнего»²⁵, но приступаю к Тебе, как мытарь, который не смел даже поднять глаз к небу. Ибо мне ведомо мое собственное беззаконие, и ввиду грехов моих я не смею поднять глаз, а смиренно говорю вместе с мытарем: «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!»

---

²² Ин 4, 14.

²³ Ин 15, 3.

²⁴ Лк 18, 11.

²⁵ Воспроизводя несколько неточно, по памяти, Савонарола повторяет здесь истолкование данной притчи св. Августином: «Он пришел в храм молиться, но не пожелал молиться Богу, а предпочел возвысить самого себя. Подобная молитва, обращенная не к Богу, а возвышающая самого себя, является осквернением как Бога, так и самого молящегося» (*De Verbis Domini*, Serm. 36; cfr. *Brev. Rom.*, Dom. X post Pent.).

Душа моя колеблется между надеждой и страхом, и я то впадаю в отчаяние, страшась грехов, которые признаю в себе, то приободряюсь в надежде на милосердие Твое. Но поскольку оно превышает моей собственной нищеты, я всегда буду уповать на Тебя, Господи, и «милости Твои, Господи, буду петь вечно»²⁶. Мне ведомо, что Ты не хочешь смерти грешника, но «чтобы грешник обратился от пути своего» и, признав свое беззаконие, отвратился от греха, возвратился к Тебе «и жив был»²⁷.

Даруй мне, Боже, возможность жить в Тебе, ибо я ведаю о своем беззаконии. Мне ведомо, сколь оно тяжело, огромно и губительно. Я знаю о нем и не скрываю его. Наоборот, я ставлю его перед глазами, чтобы смыть его своими слезами, чтобы я сам в сердце своем смог признать пред Господом неправоту мою. Грех, из-за которого я по гордыне своей восстал против Тебя, всегда против меня, ибо согрешил я против Тебя. Грех этот в самом деле против меня, ибо он против души моей и всегда обвиняет меня перед Тобой, Судией моим, всегда и повсюду осуждает меня. Он настолько против меня, что всегда пред глазами моими, не давая молитве моей дойти до Тебя, отнимая у меня милосердие Твое, воспрещая милосердию Твоему снизойти до меня. Вот отчего я весь дрожу, плачу и взыскую милосердия Твоего²⁸.

Как даешь Ты, Господи, мне благодать осознать беззаконие мое и оплакивать грех мой, дай мне теперь совершенство покаяния, ибо «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов»²⁹.

²⁶ Пс 88, 2.

²⁷ Пс 88, 2.

²⁸ Четвертым стихом начинается второй этап раскаяния — признание и исповедание собственной вины. По человеческой гордости это — нелегкое дело. Вот отчего Савонарола спешит в следующем абзаце истолковать покаяние как Божию благодать.

²⁹ Иак 1, 17; «Бог есть Отец светов, как физических (звезды), так и нравственных; однако в отличие, например, от переменчивых звезд, то прирастающих, то убывающих светом, Он неизменен» (*La Sacra Bibbia*, a cura del Pnt. Ist. Biblico, Firenze, 1961, p. 2222). Вот отчего агнограф прибавляет: «*In quo non est transmutatio nec vicissitudinis obumbratio*» — «У Которого нет изменения и ни тени перемены».

5

«Tibi soli peccavi et malum coram Te feci,
ut iustificeris in sermonibus Tuis
et vincas cum iudicaris» —

**«Тебе, Тебе Единому согрешил я,
и лукавое пред очами Твоими сделал,
так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем»**

Конечно, тяжко я согрешил и единственно против Тебя, ибо Ты заповедовал любить Тебя ради Тебя самого и вручить Тебе любовь к творениям. Я же возлюбил творение больше Тебя, любя его ради него самого. Что есть грех, как не любовь к творению ради него самого? И что же это, как не действие против Тебя? В действительности, тот, кто любит творение ради него самого, превращает его в своего идола. Вот отчего я согрешил единственно против Тебя, ибо сделал идолом своим творение и, отринув Тебя, одному Тебе причинил я обиду.

Полагая целью своей вещь сотворенную, я вовсе не согрешил против творения, ибо никто не приказывал мне любить творение ради него самого. Если бы велено мне было возлюбить ради него самого только Ангела, а я бы возлюбил монету ради нее самой, то тогда, конечно, я согрешил бы против этого Ангела. Теперь же, так как только Ты должен быть любим ради Тебя самого, а сотворенная вещь должна быть любима в Тебе и в соотношении с Тобой, конечно, я согрешил, но единственно против Тебя, ибо возлюбил творение ради него самого»³⁰.

---

³⁰ «С помощью тонкой аргументации Савонарола показывает, что на самом деле грех является оскорблением единственно Бога, ибо совершение греха есть не что иное, как положение конечной цели в сотворенных вещах, тогда как *единственно* Бог обладает правом быть нашей конечной целью. Заслуживает внимания, что посредством данной аргументации Савонарола подрывает на корню ложную теорию о «философском грехе» (ср. Denz. S., 2291). Однако при этом Савонарола не отрицает, что косвенным образом грех наносит оскорбление также природе (SAVONAROLA G., *Il Salmo Miserere*, Fiesole, 1932, p. 13, n. del P. I. Colosio).

И того хуже, я совершил грех перед лицом Твоим. Ведь я не устыдился согрешить в присутствии Твоем. Боже мой, сколь многие грехи совершил я перед Тобой, которых никогда бы не сделал в присутствии людей и которые желал бы утаить от них. Ведь я страшился людей больше, чем Тебя, ибо был слеп и любил слепоту, ибо не видел Тебя и не почитал Тебя. У меня было только лишь плотское зрение, а посему и видел я только людей, которые суть из плоти, и я трепетал перед ними.

Ты же видел всякий грех мой и вел счет грехам моим. Посему не утаить мне их никогда, не отвести лица своего, не ускользнуть от Твоего взгляда. «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?»³¹. Что же мне делать? К кому обратиться? Кто станет моим заступником? Кто кроме Тебя, Боже мой? Кто будет настолько добросердечен? Кто настолько праведен? Кто настолько милосерден?³² В праведности Ты непостижимым образом превосходишь все творения, а значит, прощение — это свойство Твое, ибо, «прощая и милуя, Ты проявляешь Свое всемогущество»³³.

Исповедую, Господи, что Тебе единому согрешил я и лукавое пред Тобой сотворил. Помилуй меня и покажи во мне Твое всемогущество, дабы восторжествовала правота слов Твоих, когда

³¹ Пс 138, 7. Савонарола по-прежнему прибегает к помощи Псалмов, выражающих его переживания, то есть чувства раскаивающейся души.

³² Несмотря на возможную трудность при чтении перевода, мы строго следовали оригиналу, проводящему различие между тремя вопросами, заданными каждый самостоятельно и составляющими три отдельные ступени. У Савонаролы были к тому свои мотивы, которым мы обязаны точно следовать. Впрочем, уже упомянутое нами фьезоланское издание 1932 года, воспроизводящее перевод о. Ферретти, обычно предлагающего облегченный вариант текста, в данном случае содержит следующее важное примечание: «Заслуживает внимания глубина и богословски выверенная градация вопросов. Бог дарует блага человеку, побуждая его к совершенству, благодаря чему Он именуется *добросердечным* (*buono*); Он творит добро не к Своей собственной выгоде, но по Своей бескорыстной любви, и поэтому Он именуется *праведным* (*prio*); он дарует благо человеку во исправление его грехов и творит это исправление, поэтому он именуется *милосердным* (*misericordioso*)» (ср. S. Th. I., q. 21. a. 3).

³³ Orat. Dom. X post Pent.

Ты сказал: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»³⁴. Оправдай, Господи, слова Твои, призови меня, прими меня, сподоби меня собрать плод, достойный покаяния. Ведь Ты был распят ради этого, ради этого Ты умер и был погребен.

Ты сказал еще: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе»³⁵. Оправдай, Господи, слова Твои, «влеки меня, мы побежим за тобою»³⁶. И еще Ты сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»³⁷. Вот я прихожу к Тебе, обремененный грехами, день и ночь труждающийся в воздыханиях сердца моего. Утешь меня, Господи, — ведь Ты праведен в словах Твоих и одерживаешь победу, когда судят Тебя, потому что многие уже говорят: «Нет ему спасения в Боге»³⁸, «Бог оставил его»³⁹.

Победи, Господи, тех, которые так судят Тебя, и не оставь меня, не отступи от меня. Яви Твое милосердие ко мне, даруй мне спасение, и тогда побеждены будут говорящие, что Ты не смилостивился надо мной, что Ты изгонишь меня от лица Твоего, что Ты более не примешь меня. Как о Тебе судят люди, так о Тебе и говорят они, таковы и приговоры их. Но Ты, праведный и милосердный, помилуй меня, опровергни приговоры их, яви во мне Твою милость, и да прославится во мне Твое милосердие.

Сделай меня орудием милосердия Твоего, дабы исполнились Твои слова и Ты одержал победу, когда Тебя призовут на судилище. Люди считают Тебя строгим и беспощадным. Победи же их суд состраданием и милостью Твоей. Да научатся они таким образом милосердию к грешникам. Виновные будут призваны к покаянию, когда увидят они, что просияли во мне Твоя милость и Твое милосердие.

---

³⁴ Мк 2, 17; ср. Мф 9,18; Лк 15, 7; Ин 9, 39.

³⁵ Ин 12, 32.

³⁶ Песн 1,4.

³⁷ Мф 11, 28.

³⁸ Пс 3, 3.

³⁹ Пс 70, 11.

6

«Ecce enim in iniquitatibus conceptus sum
et in peccatis concepit me mater mea» —

«Вот, я в беззаконии зачат, и во грехах родила меня мать моя»⁴⁰

Не взирай, Господи, на тяжесть моих грехов и великое их число, но взирай на хрупкость мою⁴¹. «Ибо всякая плоть — как трава»⁴². Я действительно был зачат в беззаконии, и мать моя зачала меня во грехе. Плотская мать моя, говорю я, зачала меня в беззаконии, и в нем я получил первородный грех. И что есть первородный грех, как не лишение человека первородной праведности и всяческой правоты? Вот отчего человек, зачатый

---

⁴⁰ Древние экзегеты и богословы были единодушны в истолковании этих слов как учения о первородном грехе. Современные экзегеты, напротив, относятся к подобному истолкованию в основном отрицательно. Тем не менее о. И. Желино (I. Gelineau) в «Иерусалимской Библии» (Париж, 1955, с. 702) помещает следующее весьма показательное примечание: «Всякий человек рождается нечистым (Иов 14, 4+, ср. Пар 20, 9) и в силу этой причины предрасположенным ко греху (Быт 8, 21). Эта исконная нечистота рассматривается здесь в качестве смягчающего обстоятельства (ср. 1 Цар 8, 46), учитываемого Богом. Учение о первородном грехе в развернутом виде представлено в Рим 5, 46 в связи с искуплением, совершенным Христом».

⁴¹ По всей вероятности, о. Байон, так же как и о. Ферретти, переводил с латинского лионского издания 1633 года, в котором дано «*figmentum tuum*». Более логичным и критически достоверным является прочтение, которое дано в изданиях XV столетия — «*figmentum meum*». Известно, что термин *figmentum* происходит от *ingere* (лепить, формировать, воображать, изобретать, фабриковать) и унаследовал все значения этого глагола. Применительно к Богу *figmentum* — это не что иное, как творение, вышедшее из Его рук. В том случае, когда этот термин относится к нам, грешным, *figmentum* служит обозначением нашей хрупкости как людей, пребывающих в фантастической реальности, или хрупкости изделий, вышедших из рук гончара. Критическое издание под редакцией М. Феррары (SAVONAROLA G., *Opere*, EN: *Operette Spirituali*, vol. II, p. 377) предпочитает *figmentum tuum*, однако приведенные соображения не представляются нам достаточно убедительными.

⁴² 1 Петр 1, 24. Этот образ уже есть в Ис 40, 6-8, он же повторен Иаковом в его Соборном Послании: Иак 1, 11.

и рожденный в этом грехе весь крив и кос: «Ибо плоть желает противного духу»⁴³. Разум слаб. Воля больна. Человек хрупок и подобен тени: чувства изменяют ему, воображение вводит в неправду, невежество сбивает с пути. Неисчислимы препятствия, которые отвращают человека от добра и подталкивают его ко греху.

Вот отчего первородный грех — это корень всех зол, почва всех беззаконий. Пусть в каждом отдельном человеке он по своей природе и неповторим, но по своему воздействию он есть сплав всех грехов.

Ты видишь, Господи, кто я на самом деле и откуда пришел я. Был я зачат в первородном грехе, охватывающем все беззакония и все грехи, и в нем был я зачат матерью моей. Вот отчего я весь погружен в грех и охвачен со всех сторон цепями его. Как избавиться от него? «Ибо... не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»⁴⁴.

Так тем вернее да спасет меня Твое милосердие, чем более хрупким оно видит меня, стесненного цепями многими. Кто сжалятся над бедным больным? Кто пожалеет немощного? Приди, добрый самаритянин, подними с земли этого покрытого язвами и находящегося при смерти нищего. Исцели мои язвы, возлей вино и масло, посади меня на Своего осла, привези меня в гостиницу и поручи хозяину позаботиться обо мне. Отъезжая, заплати ему два динария и повтори еще раз: «И если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе»⁴⁵.

---

⁴³ Гал 5, 17.

⁴⁴ Рим 7, 15-23.

⁴⁵ Лк 10, 35.

7

«Ecce enim veritatem dilexisti incerta
et occulta sapientiae Tuae manifestasti mihi» —

**«Вот, Ты возлюбил истину в сердце
и внутрь меня явил мне мудрость»**

Приди, добрый самаритянин!⁴⁶ Ты возлюбил истину, истину обетований, данных Тобой роду человеческому: Ты возлюбил их, потому что исполнил их и потому что последовал им. Твоя любовь равносильна деланию добра. Ты неизменен в самом Себе, и с Тобой не бывает так, как с нами — то полюбили, то вдруг разлюбили, — ибо воздействие Твоей любви не может вдруг исчезать и вновь появляться⁴⁷. Ведь Ты весь есть неизменная лю-

---

⁴⁶ Савонарола не без труда расстается с образом доброго самаритянина, в котором древние Отцы узнали черты самого Спасителя. Легко понять Савонаролу. Достаточно вспомнить его положение узника, находящегося при смерти, с трудом приходящего в себя после пыток на каменном тюремном полу. В эти ужасные часы, когда его закованное в кандалы тело отказывалось подниматься с земли, мысль Савонаролы естественным образом возвращалась к притче о несчастном, больном, избитом разбойниками и брошенном на обочине человеке. Стремление Савонаролы к доброму самаритянину было необоримым. Увы, так никто из людей и не пришел к нему на помощь, даже те, кто любили его и были им облагодетельствованы. Они предоставили узника его судьбе. Единственным, кто пришел с поддержкой, был небесный Самаритянин.

⁴⁷ Одна из основополагающих причин христианской надежды — это вера в Господа, Который обязательно исполнит Свои обетования. Подобное доверие, как подчеркивает Савонарола, зиждется на самой сущности неизменного Бога. Познание, которым обладаем мы относительно обетований как деяний Божиих, понуждает нас обратиться к их источнику, каковым является Божественная благая воля. Любовь Господа, как отмечает св. Фома Аквинский, не только отличается от нашей в силу своей неизменности, но и, как следствие, отличается также по абсолютной своей первичности во всем, что является ее объектом. «Бог любит не так, как любим мы. Наша воля не является причиной блага, пребывающего в вещах. Напротив, она подвижима благом как собственным объектом. Следовательно, наша любовь, в силу которой мы желаем блага кому-либо, не является причиной блага в этом объекте, а наоборот, существующее в нем благо, истинное или предполагаемое, вызывается к жизни любовью... Ибо любовь Божия порождает и сотворяет благо в вещах» (I, q. 20, a. 2).

бовь: «Бог есть любовь»⁴⁸. Для Тебя любить тварь значит благоволить ей. И в тех, кому Ты делаешь больше добра, Ты свидетельствуешь большую меру любви⁴⁹.

Возможно ли понимать Твою любовь к истине иначе, чем исполнение и соблюдение ее? Аврааму, уже старцу, от Сары, бесплодной и дряхлой, Ты обещал сына, так как Ты возлюбил истину. Ты обещал сынам Израиля землю, обильную молоком и медом, и наконец привел в нее, так как Ты возлюбил истину. Ты обещал Давиду: «От плода чрева твоего посажу на престоле твоём»⁵⁰, — и свершилось, так как Ты возлюбил истину.

Неисчислимы обетования Твои, которым Ты был верен всегда, так как Ты возлюбил истину. Ты обещал прощение и благодать грешникам, которые пристанут к Тебе, и Ты никого не отверг, так как Ты возлюбил истину. Блудный сын, который «пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно»⁵¹, придя домой, обратился к Тебе, говоря: «Отче! Я согрешил против Неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих»⁵². И когда он еще был далеко, Ты его увидел, и сжалился, и побежав, пал ему на шею, и целовал, одел в лучшую одежду, дал перстень на руку его и обувь на ноги, заколол откормленного тельца и ввел в дом, говоря: «Станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил; пропадал и нашелся»⁵³.

Отчего так, Господи? Именно оттого, что Ты возлюбил истину. Отче милосердия, возлюби эту истину и во мне, идущем издалека. Выбегни мне навстречу, пади мне на шею и поцелуй меня, одень

---

⁴⁸ 1 Ин 4, 16.

⁴⁹ И в данном случае Савонарола напрямую ссылается на «Сумму Теологии» (I, q. 20, a. 3).

⁵⁰ Пс 131, 11.

⁵¹ Лк 15, 13. Как проповедник Савонарола всегда проявляет большое искусство при использовании притч, касающихся милосердия, в особенности, притчи о блудном сыне. Достаточно вспомнить его великопостную (1497 года) проповедь — толкование пророка Иезекииля (EN, vol. I, pp. 332 ss).

⁵² Лк 15, 18-19.

⁵³ Лк 15, 23 и след.

в лучшую одежду, введи в дом Свой, заколи откормленного теленка, и да возвеселятся во мне все, кто надеется на Тебя, и сядут совместно за пиршественный стол для вкушения пищи духовной⁵⁴.

Неужели, Господи, только во мне Ты не станешь соблюдать эту истину? Но, «если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи, кто устоит?»⁵⁵. Ты не посмотришь на беззакония, Ты, возлюбивший истину и возлюбивший ее огромной любовью! Какова же истина, которую Ты возлюбил? Не Твой ли это Сын? Тот, Который сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь»⁵⁶. Он действительно есть истина, «от Которого именуется» всякая истина «на небесах и на земле»⁵⁷. Такова истина, которую Ты возлюбил, и только в ней Твое «благоволение», ибо Ты нашел ее незапятнанной и пожелал, чтобы в час смерти она была вверена грешникам.

Сохрани, мой Боже, эту истину. Вот я, великий грешник, в коем Ты сохранишь ее, коему Ты отпустишь многие грехи, омыв меня кровью Христа и искупив Его Страстями. Для чего, Господи, сообщил Ты мне это познание о Сыне Твоем и эту веру в Него? Не для того ли единственно, чтобы изведать я большую скорбь, видя искупление мое, но не обретая его? Конеч-

---

⁵⁴ Притчу о блудном сыне недаром называют притчей притч. Обычно она не поддается пересказу, ибо всегда возникает ощущение, будто была потеряна ее первоизданная свежесть. Савонарола построил на этой притче молитву, сохранившую текст в целости. Покаяние отождествлено здесь с блудным сыном благодаря переходу от образа к действительности. Без ухищрений и натуги выстроен также переход от размышления на тему «*Помилуй меня, Боже*» к осмыслению Евангелия Христа. Во второй части этой медитации христологическая тема еще более конкретизируется: истина, что Бог любит, является истиной или предсотоворенной мудростью, обязующей человечество совершить миссию искупления и спасения.

⁵⁵ Пс 129, 3.

⁵⁶ Ин 14, 6.

⁵⁷ Апостол Павел утверждает, что от Отца принимает имя всякое отечество на небесах и на земле (Еф 3, 15). Савонарола же смело применяет это суждение к Сыну, Мудрости и Предсотоворенной Истине, наделяя Его абсолютным приоритетом в отношении любого приобретенного знания, любой науки и сотворенной истины.

но же, не для этого. А для того, чтобы, зная об уготованном прощении, я обрел его посредством благодати Христовой.

Даруй же мне, Господи, свершение во мне Твоего искупления, ибо «пожелал Ты открыть мне тайные тайны мудрости Твоей», дабы знание это пришло мне на помощь и привело меня ко спасению.

Этими тайнами, конечно, не владели философы, которые сочли их сомнительными, и потому они остались сокрытыми от них⁵⁸. Среди этих тайн прежде всего — тайна Воплощения Сына Твоего. Никто из людей не познал ее, за исключением немногих, избранных Тобой. Ненасытные испытатели мира, мудрецы века сего, о котором я веду речь, так и не смогли поднять взора своего к небу и найти Твоей премудрости: «Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам»⁵⁹, то есть нищим рыбакам и святым Твоим Пророкам, сообщившим ее и нам. Ты же открыл мне неизвестное и сокровенное премудрости Твоей и Писаний Твоих, так неужели знание мое бесплодно? Знание мое было бы бесплодным, если бы не приводило меня ко спасению. Ведь те же философы, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели»⁶⁰.

Неужели и мне суждено претерпеть муки, будучи в их числе? Не дай, Господи! Ведь Ты — само милосердие, которое не оставит никого до конца дней его. Прости же, Господи, прости раба Твоего и прими в число самых малых младенцев Твоих, дабы неизвестное и тайное Твоей премудрости, открытое ему, привело к самому источнику познания, существу на небесах. Ты же, Госпо-

---

⁵⁸ Философы, против которых в своих сочинениях и проповедях Савонарола столь часто обращает свои едкие замечания, — это рационалисты всех времен, а в особенности, его современники, то есть философы эпохи Возрождения, убежденные, будто в Платоне и Аристотеле им удалось обнаружить высшую истину, равнозначную Божественному Откровению или даже превосходящую его. См. об этом опровержение подобных идей в «Триумфе Креста» (I. IV, с. 2).

⁵⁹ Лк 10, 21.

⁶⁰ Рим 1, 21 и след.

ди, никогда не оставляющий уповающих на Тебя, будешь славен в деле милосердия Твоего, оказанного рабу Твоему.

8

«Asperges me hyssopo et mundabor,
lavabis me et super nivem dealbabor» —

«Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега»

Господи, возлюбив истину и явив мне тайны знания, Ты породил во мне великое упование и вселил веру, что не отвергнешь меня от лица Твоего, но окропишь меня иссопом, и я буду чист. Иссоп — это смиренная трава, теплая и благовонная. Что иное означает она, как не Сына Твоего⁶¹, Господа нашего Иисуса Христа? «Смирил Себя, быв послушным даже до смерти крестной»⁶². Он возлюбил нас великим милосердием Своим и Кровью Своей омыл нас от грехов наших⁶³. Благоуханием Своего смирения, безропотности и справедливости Он наполнил мир кротостью. Окропи же меня иссопом, когда изливаешь на меня благодать Крови Твоей, когда посредством веры Христос поселяется во мне, когда посредством любви я соединяюсь с Ним. Тогда я очищаюсь от всякой скверны, и Ты омываешь меня слезами моими, вызванными Христовой любовью, тогда «утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою»⁶⁴. Омой меня, и я буду белее снега.

⁶¹ Все средневековое богословие пронизано подобными символическими смыслами. В том, что касается иссопа, применявшегося в иудейских жертвоприношениях для окропления крови, см. у св. Фомы Аквинского: «*Summa Theol.*», I-II, q. 102, a. 5, ad 5; *Ad Hebr.*, c. 9, lect. 9. По Аквинату, однако, только окропленная кровь является символом Христовой Крови, тогда как Савонарола видит символ Христа в самом иссопе, указывая на пророческое описание грядущего Спасителя: «Ибо он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия...» (Ис 53, 2 и след.).

⁶² Флп 2, 8.

⁶³ Ср. Откр 1.

⁶⁴ Пс 6, 7.

Снег же незапятнан и холоден. Вот и я тоже, Господи, буду чище снега, если окропишь меня иссопом. Ведь я буду очищен Твоим горним светом, который превосходит всякую плотскую чистоту, и, воспламенев любовью к небесным благам и охладев к земным, отрину всякую тревогу плотскую.

9

«Auditui meo dabis gaudium et laetitiam,
et exultabunt ossa humiliata» —

**«Дай мне услышать радость и веселие,
и возрадуются кости, Тобою сокрушенные»**

Итак, Господи, «рано услышь голос мой», то есть с восходом света Твоего ты услышь мой голос. «Послушаю, что скажет Господь Бог. Он скажет мир народу Своему»⁶⁵. И мне Он дарует мир. Да, Господи, даруй мир также и мне, ибо я уповал на Тебя.

Услышу я слова радости и веселия, когда услышу то же, что и Мария. Так что же услышала Мария? Говорю я о той, что плакала у ног Твоих. Что услышала она? «Вера твоя спасла тебя, иди с миром»⁶⁶. Ты дашь мне внять еще раз тому, что услышал добрый разбойник: «Ныне же будешь со Мною в раю»⁶⁷. И я испытаю радость от прощения грешников, веселие от упования на блага вечные⁶⁸.

Как мне не возрадоваться и не возвеселиться, если приму вдвое за все грехи свои? Стану, Господи, познавать, сколь Ты незлобив. Научусь обитать на небесах и повторять вместе с Про-

⁶⁵ Пс 84, 9.

⁶⁶ Лк 7, 50.

⁶⁷ Лк 23, 43.

⁶⁸ «Радость духа, — пишет св. Фома в своем толковании на этот стих Псалма, — имеет три степени: первая состоит в успокоении тревоги в возлюбленной вещи; вторая — в расширении сердца; третья — в отзывке извне». Первая заключена в словах: «Дай мне услышать радость», вторая указана словом «веселие», третья — следующим речением: «И возрадуются кости, Тобою сокрушенные». — *Прим. монс. ФЕРРЕТТИ.*

роком: «Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя»⁶⁹.

Так возрадуюсь и возвеселюсь, и кости смиренные возликуют. Что есть кости, поддерживающие плоть, как не свойства разумной души, сознающей тленность нашей плоти и предупреждающей ее в том, что не должно ей устремляться вслед за пороком и что человек не есть только плоть, обреченная на полный распад⁷⁰. Но кости сокрушены, ибо прежде всего был сокрушен разум, тогда как воля весьма сильно тяготеет ко прегрешению. И вот уже не плоть подчинена разуму, но разум подчинен плоти. У меня нет сил сопротивляться порокам, потому что кости мои сокрушены. Но почему они настолько сокрушены? Потому что «источник воды живой оставили, и высекали себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды»⁷¹, где не может быть воды, и потому что они лишены благодати Твоей, без которой никто не может жить честно: без Тебя же, воистину, мы не можем делать ничего⁷². Они верили в свою добродетель, которая не была добродетелью. Вот отчего сокрушены они по своей глупости.

Да придет добродетель Твоя, Господи, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные. Да придет благодать Твоя. Да придет «вера, действующая любовью»⁷³. Да придут добродетели и дары Твои, и да возрадуются кости, Тобою сокрушенные. Возрадуется разум, возвеселится память и насладится воля. Конечно, возрадуются они, ибо выйдут за пределы свои, верша добрые дела, и с превеликой добродетелью будут творить их. И не будут они сокрушены, но с помощью Твоей достигнут конечной цели своей.

---

⁶⁹ Пс 30, 20.

⁷⁰ Данное истолкование заимствовано Савонаролой из комментария св. Фомы Аквинского на Псалом 31-й. Несмотря на остроту физических и нравственных страданий в тюрьме, Савонарола сохранил память об этом истолковании.

⁷¹ По Иер 2, 13. Пророк передает эти слова как сказанные Богом в осуждение народа Израиля, который, забыв о древнем союзе и обретенной благодати, предался идолопоклонству.

⁷² Ср. Ин 15, 5.

⁷³ Гал 5, 6.

10

«Averte Faciam Tuam a peccatis meis,
et omnes iniquitates meas dele» —

«Отврати лице Твое от грехов моих, и изгладь все беззакония мои»

Зачем Ты, Господи, взираешь на грехи мои? Зачем Ты их исчисляешь? Зачем вглядываешься в них так пристально? Разве Ты не знаешь, что человек — все равно, что цветок полевой? Не лучше ли Тебе смотреть на лицо Христа? О, я, несчастный, почему я вижу Тебя разгневанным? Каюсь, что я согрешил. Но Ты, Всеблагий, прояви милосердие. «Отврати лице Твое от грехов моих».

Лицо Твое есть познание Твое. Значит, отврати познание Твое от грехов моих. Я не говорю о познании как о простом восприятии, по которому Ты всегда видишь все, но о познании как одобрении или порицании, с которым Ты одобряешь дела праведных и, порицая, осуждаешь грехи нечестивых. Не пожелай такого познания грехов моих, при котором Ты бы вменил их мне, но отврати лицо Твое от грехов моих, и пусть, по милосердию Твоему, они будут изглажены.

Обрати, Господи, Свое внимание на душу, которую Ты сотворил, на это подобие Твое, которое Ты создал⁷⁴. Ты сотворил его по подобию Твоему, но я, несчастный, водрузил на него обличье дьявольское. Не прогневайся на меня, отврати лицо Твое от подобия дьявольского и обрати внимание Свое на подобие Твое, прояви ко мне снисхождение.

---

⁷⁴ Для воспитания в грешнике надежды на милосердие Божие нет более здоровой мысли, нежели эта, выделяющая его неразрывную связь с Богом. Мы принадлежим Богу, потому что Он — наш Творец. Мы вышли из его рук, будучи составной частью его сущности в гораздо более высокой степени, чем все прочие видимые творения. Человек был создан по образу и подобию Бога. «В силу этого особого дара, — объясняет, например, Катехизис Тридентского Собора (с. 9, 2), — которым Он пожелал обогатить человека, в Священном Писании Он справедливо именуется Отцом всех людей, не только верующих, но и неверующих».

Всемилоостивый Господи, вспомни, как однажды Ты взглянул на Закхея, влезшего на смоковницу, и вошел в дом его⁷⁵, чего Ты никогда не сделал бы, если бы видел в нем подобие дьявольское. Но прозрев в Закхее образ Твой, Ты возымел к нему сострадание и даровал спасение ему. Он же обещал воздать обиженному вчетверо и раздать нищим половину имения своего, и за это ему было оказано милосердие и даровано спасение. Я всего себя отдаю Тебе, ничего для себя не оставляю. Я обещаю служить Тебе всегда чистым сердцем. И буду хранить обеты мои во все дни жизни моей⁷⁶.

Почему же, Господи, Ты не зриаешь на меня, как на подобие Твое? Зачем все еще исчисляешь грехи мои? Молю Тебя, «отврати лицо Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои». Очисти их все, чтобы ни одного из них не осталось, ибо сказано: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всем»⁷⁷ и заслуживает геен-

⁷⁵ Ср. Лк 19.

⁷⁶ Ср. Пс 21, 26.

⁷⁷ Иак 2, 10. Мы уже отметили ту настойчивость, с какой Савонарола цитирует Соборное Послание Иакова. Мы отметили и то обстоятельство, что работа Савонаролы над своим сочинением пришлось на ежегодное упоминание этого Послания в литургическом цикле. В каждом случае цитирования этого Послания очевидно, что Савонарола в отношении изложенного в этом Послании вероучения не испытывал смущения, какое довелось пережить Лютеру. В том, что касается цитируемого стиха и его истолкования, напомним, что речь идет о трудном для понимания изречении, привлекавшем внимание Отцов Церкви, богословов и нынешних истолкователей. Последние отмечают, что данное изречение принято среди раввинов (См. CHAINE J., *L'épître de S. Jacques*, Paris, 1927, p. 52). Савонароле же было известно суждение, оставленное на сей счет Св. Фомой Аквинским: «Св. Иаков говорит о грехе... в его проявлении, вызывающем отвращение [Бога]; иными словами — о том, насколько согрешивший человек отходит от заповеди закона. Дело в том, что все заповеди закона восходят к единому Законодателю, как подчеркивает и сам Апостол, а посему при совершении греха подвергается поруганию Сам Бог. Вот отчего Апостол говорит: «Кто согрешит в одном, тот становится виноватым во всем», так как грех заслуживает наказания, ибо он есть хула Богу и поругание, обуславливающее наказуемость за все грехи в целом» (I-II, q. 77, a. 1, ad 1).

ны, где наказуются смертные грехи. Очисти все беззакония мои, чтобы какое-нибудь из них не оскорбило Тебя, сделав меня виновным во всем.

11

«Cor mundum crea in me, Deus,
et spiritum rectum innova in visceribus meis» —

**«Сердце чистое сотвори во мне, Боже,
и дух правый обнови внутри меня»**

Сердце мое оставило меня и больше не помышляет обо мне⁷⁸. Забыв совершенно о собственном спасении, оно сбилось с пути. Ушло блуждать в дальние страны. Последовало за суетой, и глаза его видят уже границы земли. Я воззвал к нему, но оно не ответило. Оно покинуло меня и погрязло в грехах. Оно продало себя в рабство. Что же сказать теперь, Господи? «Сердце чистое сотвори во мне, Боже», сердце смиренное, кроткое, миролюбивое, сердце голубиное, сердце благочестивое, «никому не причиняющее вреда», «никому не воздающее злом за зло», но которое «всегда искало добра и друг другу, и всем»⁷⁹. Да возлюбит мое сердце Тебя больше всего на свете. Да помышляет оно всегда о Тебе и говорит о Тебе, и благодарит

---

⁷⁸ В случае признания за сочинением Савонаролы автобиографического характера, весь этот фрагмент следует рассматривать как горькую исповедь Савонаролы перед своими собратьями в дни судебного процесса: «Получив возможность говорить с ними, Савонарола попросил о трех вещах: во-первых, придерживаться и впредь учения о благочестивой жизни (*ben vivere*), которое он внушал им; во-вторых, позаботиться о послушниках; и в-третьих, помолиться за него, ибо *Господь лишил его духа*. Савонарола имел в виду *дух пророчества...*» (RIDOLFI R., *op. cit.*, I, pp. 378 ss). Вполне очевидно, что сердце и дух, о которых свидетельствует Савонарола, — это праведность души, находящейся под воздействием благодати, которой грешник лишается безвозвратно, разве что не произойдет вмешательство со стороны Божественного всемогущества.

⁷⁹ Ср. Рим 12, 17; 1 Фес 5, 15.

Тебя, и радуется в гимнах и духовных песнопениях, и беседует с явью небесной.

Сотвори во мне, Боже, такое сердце; сотвори его из ничего, и, если по природе своей такое невозможно, да станет оно таким по Твоей благодати. Ибо благодать в душе только Ты пробуждаешь сотворением Твоим. Благодать есть форма чистых сердец, несущая в себе все добродетели и уничтожающая любые пороки⁸⁰. Посему благодатью Твоей «сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня». И «Дух Твой благий да ведет меня в землю правды»⁸¹, да очистит меня от земных тревог, подъяв меня к небесному миру. Любящий и любимое — одно и то же. Кто любит плоть, тот есть плоть. Кто любит дух, тот есть дух. Дай же мне дух, любящий Тебя и обожающий Тебя, ибо «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»⁸².

Дай мне дух правый, ищущий не в себе, но в Тебе. «Дух правый обнови внутри меня», ибо прежний, данный Тобой, заглушен грехами моими. Дай мне дух новый, дарующий новую жизнь тому, что уже обветшало. Душа моя есть дух и так Тобою сотворена, что сама по себе она права, ибо по природе своей она любит Тебя больше, чем саму себя, и жаждет Тебя больше, чем иного. Любовь по природе своей есть дух правый, ибо она — от Тебя. Однако по злой воле дух сей закоснел во грехах и развратил любовь, по природе данную мне. Итак,

---

⁸⁰ Св. Фома Аквинский в своем комментарии также говорит о сотворении благодати, ибо, когда Бог производит ее в грешнике, то исходит из ничего сверхъестественной жизни и положения, в котором пребывает субъект. Однако данное изречение гиперболично. Строго говоря, речь здесь идет не о сотворении как таковом, ибо субъект, в котором проявляется благодать, уже действует. Следовательно, благодать извлекается (*educitur*) из чистой возможности повиновения грешной души. Благодаря извлекаемости и могут иметь инструментальную действенность и святая человечность Христа, и сами святые Таинства, являющиеся ее мистической проекцией во времени и пространстве (Ср. I-II, гл. 110, а. 2 ad 3; гл. 112 а. 1 ad 1, 2).

⁸¹ Пс 142, 10.

⁸² Ин 4, 24.

по благодати Твоей обнови этот дух и эту любовь, чтобы они шли правыми своими путями, как это свойственно их природе. Обнови дух правый благодатью внутри меня, дабы он укоренился в душе, дабы никогда больше нельзя было искоренить его. Обнови его в душе моей, чтобы он всегда воспламенял меня любовью небесной, побуждал меня стремиться к Тебе, соединял меня с Тобой так, чтобы впредь я никогда не оставлял Тебя.

12

«Ne proicias me a facie tua
et Spiritum Sanctum tuum ne auferas a me» —

**«Не отвергни меня от лица Твоего,
и Духа Твоего Святого не отними от меня»**

Вот, Господи, я стою перед лицом Твоим, ожидая от Тебя милосердия. Предстою перед Твоей добротой и благодатью, жду благоприятного ответа Твоего. Не отринь меня, смущенного, от лица Твоего. Когда же, Господи, кто приходил к Тебе и ушел пристыженным? Когда кто молился перед лицом Твоим и возвратился с пустыми руками? Несомненно, по изобилию Твоей милости Ты делаешь не по заслугам и подвигам обращающихся к Тебе, но даешь гораздо больше того, чего люди могут желать или о чем думать⁸³. И никогда еще не бывало так, чтобы приходящего к Тебе Ты изгонял от лица Твоего посрамленным.

Неужто я первый, кого Ты отвергнешь от лица Твоего? Неужто с меня Ты начнешь покрывать позором тех, кто приходит к Тебе? Неужто Ты не пожелаешь являть милосердие и прощение в будущем? Не дай Бог!

И вот, женщина-хананеянка шла за Тобой, кричала Тебе, наполняя воздух сетованиями, пробуждая сочувствие учеников

---

⁸³ Ср. Orat. Dom. XI post Pent.

Твоих, а Ты молчал⁸⁴. Она неотступно молилась и кланялась Тебе и говорила: «Господи! Помоги мне». Но Ты не говорил ей ни слова. Ученики стали просить Тебя: «Отпусти ее, потому что кричит за нами». Ты же, Господи, помнишь, что сказал в ответ? Ты сказал, что бесплодны рыдания и бесплодны страдания ее. Ибо Ты сказал: «Я послан только к заблудшим овцам дома Израилева». После такого ответа, что было делать хананейке, просящей о благодати Твоей, как ей было не прийти в отчаяние? Однако она не отчаялась, но, веря в милосердие Твое, снова молила Тебя: «Господи! Помоги мне». И в ответ на ее докучливое упорство, Ты, Господи, сказал: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Как если бы Ты сказал неприкрыто: «Прочь от меня! Вы, хананейяне, подобны псам. Вы — идолопоклонники нечестивые, и дары благодати небесной не для вас, ибо не должно мне лишать сих даров иудеев, почитающих Бога Истинного, и воздавать эти дары вам, подобным псам и поклоняющимся демонам».

Как же теперь поступишь ты, хананейянка? Покраснеешь и отойдешь, ибо Господь разгневан не только на тебя, но и на весь твой народ? Да и кто, Господи, при этих словах не отступил бы в смущении прочь? Кто бы не возроптал? Кто бы не почел Тебя жестокосердным? Однако эта женщина упорно молилась, не теряла надежды, не смущалась гневными словами, не обозлилась, но с еще большим смирением продолжала просить и сказала с верою: «Так, Господи, но и псы под столом едят крохи у детей Твоих. У них и без того немало чудес и благодати. Так что не лишай меня этой крошечной благодати, освободи мою дочь от демонов, ведь и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». Сколько веры, сколько доверчивости, сколько смирения! Вот отчего Ты не разгневался на ее уп-

---

⁸⁴ Эпизод с хананейянкой служит прекрасной иллюстрацией безграничной веры в доброту и милосердие Спасителя. Известно, что сия смиренная женщина верой своей вызвала восхищение Христа. Евангельский рассказ, относящийся к данному эпизоду, Савонарола как парафразирует, так и цитирует буквально (См. Мк 7, 26-30; Мф 15, 23-31).

рямство, но, вкушая блаженство ее добродетели, возгласил: «О женщина, велика вера твоя. Да будет тебе по желанию твоему».

Но для чего, Господи, было написано об этом? Не для того ли, чтобы научить нас уповать на Тебя, упорствовать в благочестивой и смиренной молитве, ибо Ты готов нам давать, но и «доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»⁸⁵. «А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду»⁸⁶.

Посему, Господи, не отвергни меня от лица Твоего, именно от меня, денно и ночью обливающегося слезами и молящегося перед лицом Твоим. Не прошу Тебя избавить меня от притеснения демона телесного, но молю Тебя — освободи душу мою от внутреннего могущества его. Не посрами же меня, Благой Иисусе, ибо на Тебя только уповаю и нет для меня спасения, как только в Тебе, Господи, ведь все прочие оставили меня, братья и дети мои отвернулись от меня, и утроба моя возненавидела меня. Кроме Тебя у меня не осталось никого, кто бы помог мне⁸⁷. Так «не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня».

«Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»⁸⁸. Так и я: если я взываю к Тебе, Господи Иисусе, то делаю это в Духе Святом. Посему молю Тебя, не отними Духа Твоего Святого от меня, да пребудет Он со мной

---

⁸⁵ Мф 11, 12.

⁸⁶ Рим 15, 4.

⁸⁷ Трудно не уловить в этих словах указания на обстоятельства, при которых Савонарола писал свое сочинение. К этому времени он пережил бегство своих последователей, да и самих братьев, которых он возлюбил, как своих детей. Однако, если иметь в виду духовные муки подавленного тяжестью вины грешника, ставшего поношением всех творений, тогда мы убедимся, что слова Савонаролы обладают общим значением. Правда, сказанное не опровергает того факта, что при написании этих слов Савонарола имел в виду страдание, вызванное своей собственной полной оставленностью.

⁸⁸ 1 Кор 12, 3.

и действует во мне, «ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»⁸⁹.

Духа Твоего Святого не отними от меня, чтобы Ты наставил меня в молитве, помог мне в скорби, заставил меня упорно пребывать в молитве и слезах, чтобы я, наконец, обрел благодать в очах Твоих и служил Тебе верою во все дни жизни моей⁹⁰.

⁸⁹ Рим 8, 26.

⁹⁰ 23 мая 1496 года, точно за два года до своей смерти, Савонарола произнес в церкви Санта Мария дель Фьоре одну из своих наиболее впечатляющих проповедей, воззвав к Духу Святому на следующий день после праздника Пятидесятницы: «Дщерь моя, душа моя, не желаешь ли обрести отдохновение в сердце твоём?.. Так омой же и умасти себя: омой себя слезами горя грехов твоих, омой себя, как следует, исповедуйся и причастись этой Пасхи; умасти себя елеем Духа Святого. Неужели обрела ты Дух Святой только сейчас? Разумеется, однако, не в таком изобилии, в каком тебе еще предстоит обрести. Дух Святой придет в свое время в изобилии великом. Так помолимся Богу, чтобы все мы были готовы встретить его... Господи, дающий мне все, не пожелаю иного, кроме Тебя. Ниспошли же, Господи, Дух Твой на землю, дабы объял он Собой этот народ: «*Emitte Spiritum Tuum et creabuntur*». Ниспошли Дух Твой, наполни сердце верных Твоих, и да обновится лице земли. Где же Ты, Господи? Чем занят ты, Господи? Господи, в третий раз вопрошаю, где Кровь Твоя, пролитая Тобой за нас? Не оставляй народ Твой. Церковь Твоя уже здесь, на земле. Ты — первопричина всего. Ты сотворил весь этот мир. Ты же искупил его. Не допусти, чтобы теперь он погиб. Ниспошли Дух Твой, ибо Он — отдохновение наше. Ниспошли кроткую Любовь Твою, ибо она есть то, о чем просим мы, чего ищем мы. Пусть сгораем мы от желания, пусть изнемогаем от твоей кроткой Любви». «Читатель, тебе следует знать, — завершает свою запись писец, — что на этих словах проповедь была прекращена, ибо народ был настолько залит слезами и охвачен религиозным рвением, что взмолился о пощаде. А отец благословил и вышел из храма» (*Prediche sopra Ruth in Prediche per le feste di tutto l'anno*. Venezia, Volpini, 1540, pp. 80 s.).

13

«Redde mihi laetitiam salutaris tui,
et Spiritu principali confirma me» —

**«Возврати мне радость спасения Твоего,
и Духом владычественным утверди меня»⁹¹**

Прошу Тебя, Господи, о великой милости, «ибо Господь есть Бог великий и Царь великий над всеми богами». Тот же, кто просит Тебя о ничтожном, оскорбляет Тебя. Ничтожные вещи суть преходящие, так же ничтожны и все материальные предметы. Наоборот, великими и бесценными являются вещи духовные. Отними дух, отними душу от тела, что останется, кроме навоза? Что, кроме праха и тени? Посему между духом и телом расстояние столь же велико, как между телом и его тенью. Просящий Тебя о материальных благах молит о ничтожном. Просящий Тебя о благах духовных, напротив, молит о великом. Просящий о «радости спасения Твоего» молит о величайшем благе.

В ком же, как не в Иисусе, Сыне Твоем, спасение Твое? Он — истинный Бог и жизнь вечная. Как же не молить Тебя, Отче неизмеримый и изобильный, об этом спасении? Не для меня ли Ты предал Его кресту, не для меня ли принес Его в жертву? Так должно ли мне робеть, моля о спасении? Это есть дар вышний и бесконечный, и я не достоин получить его, ведь только Тебе пристало жаловать столь великие дары.

Именно благодаря Твоему невыразимому благочестию дерзаю приблизиться к Тебе с верой и испросить радость спасения

---

⁹¹ Данный стих, несмотря на свое сходство с двумя предыдущими, стал поводом для самого пространного размышления Савонаролы. Это объясняется тем фактом, что помощь Божественного милосердия, оказываемая кающимся душам, конкретизируется здесь в незримой миссии Сына и Духа Святого, Которые, согласно средневековой экзегезе, имеются в виду в данном стихе. При переводе мы попытались выделить этот предполагаемый тринитарный смысл прописными буквами. Однако, с точки зрения современных экзегетов, значение данной фразы гораздо скромней. В Спасении они усматривают только закономерное обстоятельство, тогда как в Духе всего лишь благоприятную субъективную predisposition.

Твоего. И когда сын у отца попросит рыбы, разве тот подаст ему змею? Или, когда попросит яйца, разве подаст ему скорпиона? Или, «когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?» И так, если даже плотские отцы, будучи злы и грешны, умеют давать своим детям доставленные Тобою благие дары, то тем более Ты, Отче Небесный, добрый по сути своей, дашь Духа Святого просящим у Него⁹².

Вот сын Твой, возвратившись к Тебе из дальней страны, удрученный и раскаивающийся, просит дать ему рыбу веры Твоей. И в самом деле, как рыба прячется под водой, так и вера из числа таких вещей, которые незримы. И вот он просит дать ему веру истинную, чтобы возрадоваться в Спасителе. Неужели ты подашь ему змею? Разве подашь яд неверия, идущий от демона, ветхозаветного коварного змея?⁹³

Прошу Тебя, Господи, подай мне яйцо надежды, ибо, как в нем зарождается цыпленок, так и в надежде Ты даешь мне возможность прозреть спасение Твое. Как в надежде возникает прозрение, так и в яйце зарождается жизнь. Прошу Тебя, подай мне это яйцо надежды, чтобы отныне душа моя была спасена в юдоли слез и возрадовалась в Спасителе. Ужели Ты подашь мне скорпиона отчаяния, чтобы и я, подобно скорпиону, хранящему яд в жале своем и ласкающему жалом себя самого, пребывал в грехе и был пособником удовольствий мира сего до конца дней моих?

Кроме того, прошу, Господи, любви Христовой, которой Ты причащаешь нас, словно хлебом, дабы отныне мог я вкусить от спасения Твоего. Ужели подашь мне вместо хлеба камень, то есть черствое сердце? Конечно, нет. Зачем же робеть мне, прося и вымаливая у Тебя, Господи, великие дары, коль скоро Ты сам ободряешь меня и призываешь проситься и стучаться на-

⁹² Ср. Лк 11, 11-13.

⁹³ «Данные истолкования рыбы, яйца и хлеба, символизирующих соответственно веру, надежду и любовь, и истолкование змея, скорпиона и камня, обозначающих три греха в противопоставлении трем богословским добродетелям, то есть грех неверия, грех отчаяния и грех черствого сердца, принадлежат св. Августину [*De Quaest. Evang.* I. 2 с. 22]». — Прим. монс. ФЕРРЕТТИ.

стойчиво в дом Твой? О чем же более приятном Тебе и более животворном для меня могу я просить, как не о том, чтобы Ты возвратил мне радость спасения Твоего?

Когда-то убедился я в том, сколь велика кротость Господа, сколь легко и приятно бремя Его. Достопамятно мне, каким миром и спокойствием наслаждался я, когда возликовал дух мой о Боге, Спасителе моем⁹⁴. Вот отчего сегодня страдание мое возросло, ибо ведаю, что потерял. Знаю — потерял я имущества настолько великие, что вопль мой сделался докучлив: «возврати мне радость спасения Твоего», возврати то, что Ты взял у меня за грехи мои, верни мне то, что потерял я по своей вине. Возврати мне, умоляю Тебя, по достоинству сидящего одесную Тебя и молящегося за нас, чтобы через Него я внял, что умерил Ты гнев Свой на меня, а чтобы Он стал печатью на сердце моем и мог я повторить за Апостолом: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос»⁹⁵.

Но насколько велика хрупкость моя, настолько «духом владычественным утверди меня», дабы никаким искушением не был я отделен от Христа, никакой угрозой не был удален от Тебя, никаким мучением не был сломлен — ибо моей добродетели недостаточно, чтобы воевать и победить ветхозаветного змея.

Превосходно научил меня Петр тому, сколь велика наша слабость⁹⁶. А ведь он удостоился лицезреть Тебя, Господи Иисусе, запросто общаться с Тобой, быть свидетелем Фаворской

---

⁹⁴ Ср. Лк 1, 47.

⁹⁵ Гал 2, 18-19.

⁹⁶ Эта широко и весьма живо развернутая здесь мысль была вкратце изложена Савонаролой в проповеди от 31 мая 1495 года: «Вспомните святого Петра, каким он был прежде, чем обрел Дух Святой, и как отрекся он от Христа из страха перед какой-то служанкой. Дело в том, что сам Петр был рабом в услужении себялюбия, вот отчего рабыня нагнала страх на него. Однако когда Дух Святой вселился в него, не испытал он страха даже перед смертью и исповедал Христа не то что в присутствии рабыни, но в присутствии господ и свободных граждан. Так что покайтесь — и все вы обрящете Духа Святого» (*Prediche italiane ai Fiorentini*, II, Giorni festivi del 1495, Perugia-Venezia, 1930, p. 209).

славы Твоего Преображения, внимать Отчему голосу. Собственными глазами узрел он чудесные дела Твои, и сам, по добродетели Твоей, совершил многие чудеса. Он ходил по воде и каждый день внимал твердости и миролюбию слова Твоего. Казалось, вера его горяча, ибо говорил он, что готов за Тебя пойти и в тюрьму, и на казнь. Когда же Ты предсказал ему, что он отречется, Петр не пожелал поверить Тебе, ибо, полагаясь на собственную добродетель, обнаружил только, что верит в себя самого, то есть в человека, больше, нежели в Тебя, Господи. Однако стоило служанке спросить: «И ты не из учеников ли этого человека?» — как, убоившись, он отрекся. Когда же увидела его другая служанка и сказала: «Точно и ты из них», — то он опять отрекся, ответив, что не знает Тебя. Коль скоро боялся Петр женщин, как смог бы он не убоиться царей и тиранов? Когда же его допрашивали и опять обвиняли перед всеми, он стал отрекаться с клятвою и божиться, что не знает Сего Человека. Что же сказал он? Думаю, поклялся он и Богом, и законом Моисеевым, что не знает Тебя, говоря: «Неужели вы думаете, будто я могу быть учеником этого самаритянина, соблазнителя, одержимого бесами, разрушителя нашего закона? Я — последователь Моисея. Сей же человек неизвестно откуда». Слава Богу, что допрос прекратился на этом. В противном случае Петр не ограничился бы отречением. Тысяча вопросов повлекла бы за собой и тысячу отречений. Хуже того — тысячу клятвопреступлений и очернительств.

И все же эти вопросы были всего лишь слова. Но что случилось бы, спрашиваю я себя, если бы иудеи от слов перешли к побоям? Конечно, Петр не побрезговал бы ничем, только бы улизнуть из их рук. Он стал бы все отрицать, совершать клятвопреступление и богохульствовать.

Ты же, Господи, лишь только раз благочестиво взглянул на него, и он тотчас понял свой грех. И тем не менее он так и не решился выступить и исповедать Тебя Сыном Божиим, поскольку еще не был утверждён добродетелью, идущей свыше. Несомненно, на сей раз он только при виде бичей, готовых обрушиться на него,

отрекся бы от Тебя. Вот почему лучший поступок Петра следующий: «И выйдя вон, плакал горько»⁹⁷. И все-таки по Воскресении Твоем Ты удостоил его лицезреть Тебя и утешал его, пока сам он прятался, убоившись иудеев. Он сподобился даже увидеть славу Вознесения Твоего, но, несмотря на это событие и увещевания Ангелов⁹⁸, так и не решился показаться на люди.

По опыту он уже знал свою хрупкость и испытал собственную слабость. Вот отчего он пребывал в ожидании сошествия обетованного Духа Святого⁹⁹. Дух снизошел и наполнил благодатью грудь его. Только тогда он вышел, начал говорить и с величайшей доблестью стал свидетельствовать о Воскресении Твоем и перестал бояться государей, священников и царей. Он начал прославлять себя лишениями и заключил крест в объятия как высшее благо свое.

Посему, Господи, «Духом владычественным утверди меня», дабы отныне пребывал я в радости Спасителя. Иначе как устоять мне в стольких бранях? Ведь плоть желает противного духу¹⁰⁰. Мир давит со всех сторон. Демон не дремлет. Дай мне добродетель Духа Твоего, и пусть падут подле меня тысяча и десять тысяч одесную меня¹⁰¹, я же пребуду верным свидетелем веры Твоей. И если Петр, которому были жалованы столькие дары и благодати, пал столь низко, то что делать мне, Господи?¹⁰²

---

⁹⁷ Мф 26, 75.

⁹⁸ Деян 1, 10.

⁹⁹ Лк 24, 49; Деян 1, 8.

¹⁰⁰ Гал 5, 17.

¹⁰¹ Пс 90, 7.

¹⁰² Как было отмечено во введении, некоторые истолкователи разглядели в этой фразе прямую автобиографическую ссылку, переводя выражение *quid faceret* по принятому в классической латыни правилу — «*che cosa potevo [aurei potuto] fare io*» (что мог [мог бы] я сделать). Однако известно, что у итальянских писателей позднего Средневековья, мысливших уже на «народном языке» (*volgare*), условное наклонение несовершенного вида нередко соответствует неопределенной форме настоящего времени (по-русски — вопросительной конструкции «что делать?» — прим. пер.). Во всяком случае, предлагаемый нами перевод следует из контекста, ибо сама фраза является частью молитвы, жанра, в котором Господа молят о даровании сил на будущее.

Мне, не видевшему Тебя во плоти, не вкусившему славы Твоего Преображения, не узревшему чудес Твоих? Ведь только издали я вижу чудесные дела Твои и никогда не внимал я голосу Твоему, но всегда был погружен в грехи. Посему «Духом владычественным утверди меня», дабы упорствовал я в служении Твоем и положил за Тебя жизнь свою¹⁰³.

14

«Docebo iniquos tuas,
et impii ad te convertentur» —

«Научу беззаконных путям Твоим,
и нечестивые к Тебе обратятся»¹⁰⁴

Не сочти за дерзость, Господи, что взалкал я научить беззаконных путям Твоим, ибо желаю обучить их, чтобы не были подобны мне — неправедному, низкому и стесненному цепями. Когда же возвратишь мне радость Твоего Спасения, когда Духом владычественным утвердишь меня, когда отпустишь меня на свободу, тогда научу беззаконных путям Твоим. Это Тебе

¹⁰³ Мысль о принесении своей жизни на алтарь славы Божией неизменно преследовала Савонаролу. Приведем здесь, быть может, малоизвестный фрагмент его проповеди: «Итак посмотрим, как можно показать сущность этих волков. Берегись, монах, лишь только снимешь овечью шкуру с этих волков, они тотчас же сдерут кожу с тебя. Не бойся, ведь сказано: коль вера крепка, то нам нечего бояться. Не останавливайся, вижу, что Бог желает от нас самого прекрасного поступка. Не робей, снимем шкуру с этих волков с Божией помощью».

¹⁰⁴ Данным стихом Псалмопевец предвосхищает ст. 16, то есть третью ступень покаяния — умилоствление: «*Научу* (или, лучше сказать, согласно древнееврейскому тексту, «даруй мне возможность научить») на собственном примере беззаконных, грешников вообще, путям Твоим, то есть поведению Твоему, преисполненному доброты и милосердия в отношении тех, кто искренне обратился к вере. В число признаков истинного раскаяния входит усердие, сокрушающее грех в самом себе и в других и путем умилоствления устраняющее причину соблазна» (SALES M., *Il libro dei Salmi*, Torino, 1934, p. 149).

нетрудно, ибо «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму»¹⁰⁵. Не воспрепятствуют Тебе и грехи мои, если Ты так пожелаешь. Тем более, что «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать»¹⁰⁶.

«Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа», имел власть, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин, и женщин, «связав приводить в Иерусалим»¹⁰⁷. И он рыскал, подобно хищному волку, чтобы разметать, ободрать и зарезать овец Твоих. Когда же он шел так, то в самый разгар бесчинства и греха своего, связанного с преследованиями и жаждой убийства чад Твоих, в тот самый миг, когда он всеми своими силами восстал на Тебя, проклинал Тебя и ненавидел Тебя, он без какого бы то ни было приготовления благодати и раскаяния в своем грехе внезапно услышал голос Твой: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» И от этого голоса он упал на землю и встал с земли. Он был брошен на землю телесно, но поднят с нее духовно. Ты же пробудил его от сна смертного и озарил его невидящие глаза светом Твоим, явил ему лик Твой и вдохнул в него неизъяснимое милосердие. Из мертвого, каким был, он воскрес, открыл глаза, узрел Тебя и воскликнул: «Господи! Что повелишь мне делать?» И вот волка Ты направил к агнцу. Ты послал Савла к Анании. И был Савл крещен и тотчас наполнился Духом Святым. Стал он «избранным сосудом», чтобы возвещать Имя Твое перед народами, и царями, и сынами Израилевыми. И тотчас он стал проповедовать в синагогах о Тебе, говоря, что Ты есть Христос. И стал спорить, и более укрепляться, и приводить в замешательство иудеев. Вот, Господи, как внезапно Ты сделал гонителя проповедником, и проповедником столь великим, что потрудился он более всех Апостолов¹⁰⁸.

О, как чудесна сила Твоя! Захочешь, сделаешь грешника святым, гонителя — апостолом, и кто в силах помешать этому? Кто

---

¹⁰⁵ Мф 3, 9.

¹⁰⁶ Рим 5, 20.

¹⁰⁷ Деян 9, 1-22.

¹⁰⁸ Ср. 1 Кор 15, 10.

может сопротивляться Тебе? Кто может спросить Тебя, зачем Ты делаешь так? «Бог наш на небесах творит все, что хочет»¹⁰⁹. Да не обвини меня в дерзости, что я не по моей, но по Твоей добродетели, возжелал научить незаконных путям Твоим — ибо знаю, что нечем пожертвовать мне, чем-то более приятным благому взору Твоему. Такова величайшая жертва моя, и нет ничего более полезного мне самому, чем то, что могу я принести в жертву Тебе.

Итак, если пожелаешь преобразить меня в другого человека, я научу незаконных путям Твоим. Не путям Платона или Аристотеля, не тонкостям силлогизмов, не аксиомам философии, не ухищрениям риторики, не интригам мира сего, не путям, ведущим к смерти, но путям Твоим и заповедям Твоим, ведущим к жизни.

Сказал я не об одном только пути, а о множестве путей, ибо многочисленны заповеди Твои, но при этом все пути сходятся в один. Все они совпадают в нераздельной любви, соединяющей души уверовавших, сплачивая их в одно сердце и одну душу в Господе¹¹⁰.

Скажу иначе, множество путей означает различие в образе жизни. Одним путем идут священнослужители, другим — монахи, а еще иным — нищие. Один путь супругов, другой — тех, кто вдовствует, третий — избравших целомудрие или девственность. Различны пути тех, кто отдает распоряжения, тех, кто учит, и тех, кто ведет торговлю. Так что различные сословия идут к небесной отчизне разными путями¹¹¹.

¹⁰⁹ Пс 113, 11.

¹¹⁰ Деян 4, 32.

¹¹¹ Многообразие сословий и профессий, в которых христианин может достичь святости, живо поразило воображение обратившегося св. Августина. Св. Фома Аквинский в своей «Сумме теологии» разработал целый трактат «О сословиях» (*De Statibus*), увенчивающий рассмотрение им вопросов морали. Св. Антонино Пьероцци (ум. 1459) расширил начатое Аквинатом дело собственными монографическими исследованиями различных профессий, не исключая и профессии торговца. Судя по всему, Савонарола учитывает здесь взгляды, намеченные его учителями.

Вот отчего «я научу беззаконных путям Твоим», по состоянию и способности каждого, «и нечестивые к Тебе обратятся», ибо стану проповедовать им не себя самого, но Распятого Христа. И, таким образом, они обратятся, но не благодаря мне, а по благодати Твоей, так как оставят свои пути, чтобы последовать Твоими путями, ступят на них, чтобы прийти к Тебе.

15

«*Libera me de sanguinibus, Deus, Deus salutis meae,
et exultabit lingua mea iustitiam tuam*» —

**«Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего,
и язык мой восхвалит правду Твою»**

Господи, из глубины множества пролитой крови, из глубины ее взываю к Тебе: «Господи! Услышь голос мой»¹¹². Не медли, Господи, ибо близок я к смерти. Кровопролитие мое суть грехи мои, ибо как в крови есть жизнь плоти, так и в грехе — жизнь грешника. Пролей кровь животного — и животное умрет, пролей грех раскаянием — и умрет грешник, получающий прощение грехов своих.

И вот, я не только связан кровью, но и погружен в глубину кровей, и поток их увлекает меня в самый ад. Пospеши на помощь мне, Господи, чтобы не погиб я. Избавь меня, Господи, от кровей, Ты, Который всем движешь и управляешь, ибо только Ты Один можешь избавить меня, удерживая в руках Твоих дух жизни. Избавь меня от кровей, Боже спасения моего, ибо только в Тебе избавление мое.

Избавь меня, Господи, как избавил Ты Ноя от вод потопа. Избавь меня, как избавил Лота от пожара Содомы. Избавь меня, как избавил Ты сынов Израилевых от бездны Черного моря. Избавь меня, как избавил Ты Иону от чрева рыбы. Избавь меня, как избавил Ты трех отроков от горячей печи. Избавь ме-

---

¹¹² Пс 129, 1-2.

ня, как избавил Ты Петра от стихии морской. Избавь меня, как избавил Ты Павла от пучины волн¹¹³. Избавь меня, как избавил Ты бесчисленное множество грешников от объятий смерти и врат ада, «и язык мой восхвалит правду Твою», то есть воспоеет ее благодаря Твоей правде, какую испытаю я по благодати Твоей. «Правда Божия, — изрек Апостол, — чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия»¹¹⁴.

Да возрадуется язык мой, прославляя эту правду Твою, хваля благодать Твою, славя благодать Твою, отпускающую грехи мои. Да будет прославлено во мне милосердие Твое, удостоившее сделать праведным столь великого грешника. Пусть станет известно всем людям, что Ты спасаешь уповающих на Тебя и избавляешь нас от рук притеснителей, Господи Боже наш.

16

«Domine, labia mea aperies,
et os meum annuntiabit laudem tuam» —

«Господи, отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою»

Воистину велика хвала Твоя, Господи, ибо истекает из источника Твоего, в коем не утолить жажды грешнику, так как известно, что не подходит хвала к устам злодея. Посему «избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду Твою». И тогда, Господи, «отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою». Ибо у Тебя ключ Давидов, «который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто

¹¹³ «Существенно, что все эти обращения суть почти буквальное воспроизведение разрешительной молитвы, с каковой Церковь обращается к умирающим, заботясь о душе их. Сия молитва, звучащая в устах Савонаролы, заключенного в темницу накануне мученической казни и вверяющего свою душу Господу, свидетельствует о необычайном благочестии». — Прим. монс. ФЕРРЕТТИ.

¹¹⁴ Рим 3, 22.

не отверит, запираешь — и никто не отверит»¹¹⁵. Отверзи уста мои, как отверз «уста младенцев и грудных детей» и «устроил хвалу»¹¹⁶.

Таковы, несомненно, были Пророки, и Апостолы, и все святые Твои, которые возвестили хвалу Твою сердцем простым и чистым, а вовсе не философы и ораторы, которые говорят: «Языком нашим пересилим, уста наши с нами; кто нам господин?»¹¹⁷. Они сами отверзли уста свои — не Ты их отверз, а по сему уста их не возвестили хвалу Твою.

Младенцы Твои, Господи, возвестили хвалу Твою и пренебрегли собой. Грудные дети Твои возвестили славу Твою, известную им по благодати небесной. Философы, напротив, познавая Тебя только естественными средствами, не смогли возвестить хвалу Твою. Святые Твои возвещали Тебя сердцем, устами и добрыми делами. Философы же удовольствовались словесами и своим высокомерным знанием. Дети Твои возвестили хвалу Тебе по всему кругу земли. Философы научили едва лишь горстку учеников. Друзья Твои хвалою Тебе обратили неисчислимое множество людей от греха к добродетели и истинному счастью. Избранники Твои проповедовали неизреченное благочестие Твое, явленное Тобой в Сыне любви Твоей, то, которого философы не в состоянии познать. Ты же «из уст младенцев и грудных детей устроил хвалу»¹¹⁸, ибо всегда желанно Тебе восхвалять смиренных и смирять гордых.

Коль скоро Ты противишься гордым, дай мне истинное смирение, дабы уста мои возвестили хвалу Твою. Дай мне сердце младенца, ведь если не стану я, как младенец, то не смогу войти в Царство Небесное. Сделай меня одним из младенцев Твоих, одним из грудных детей Твоих, чтобы мог я оставаться у сосцов мудрости Твоей, ибо они лучше вин. Мудрость же ценится больше всех богатств, и все, что можно пожелать, не может сравнить-

---

¹¹⁵ Откр 3, 7.

¹¹⁶ Пс 8, 3.

¹¹⁷ Пс 11,5.

¹¹⁸ Мф 21, 16.

ся с ней. Это неисчерпаемое сокровище людей, и те, кто пользуется им, получают благоволение Бога¹¹⁹.

Посему, сделав меня младенцем, Ты услышишь, как уста мои возвестят хвалу Твою. Итак отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою, то есть возвестят в совершенстве, как сделал Ты «устаи младенцев и грудных детей»¹²⁰.

17

«Quoniam si voluisses sacrificium, dedissem utique;
holocaustis non delectaberis» —

**«Ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее;
к всеожжению не благоволишь»**

Мои уста, Господи, возвестят хвалу Твою. Знаю, к этому Ты в особенности благоволишь, ведь через Пророка Ты предначертал: «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я Спасение Божие»¹²¹. За все мои грехи возведу я хвалу Твою и повторю хвалу младенцев и грудных детей.

Отчего же за грехи мои вознесу я хвалу Тебе, а не жертву? Потому что «жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всеож-

¹¹⁹ Ср. Притч 7, 9, 14.

¹²⁰ Для полного понимания значения этих слов необходимо помнить, что Савонарола на протяжении всей своей проповеднической деятельности делал упор на евангельском идеале смиренной, чистой и трудолюбивой жизни. *Propterea (semplicita)* — это слово, которое, по его мнению, наилучшим образом выражает этот идеал. Отсюда и название его первого апологетического сочинения — «О простоте христианской жизни» (*Della Semplicita della Vita Christiana*). В этом сочинении он всего лишь «собрал и представил на суд читателя все свои проповеди, посвященные истинности и простоте христианской жизни» (*De Semplicitate Christianae Vitae*, ed. Naz., Firenze, 1959, p. 140). основополагающие принципы его проповеднической деятельности показаны на ключительных страницах его размышления на тему Псалма «Помилуй меня, Боже», которые могут считаться духовным завещанием Савонаролы.

¹²¹ Пс 49, 23.

жению не благоволишь». Ужели Тебя можно умилоствить кровью козлов и волов? «Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?»¹²² Ужели пожелаешь Ты золота, Ты, владеющий небом и землей? Ужели Ты хочешь, чтобы пожертвовал я плотью своей, Ты, Который говорит: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был»¹²³. Тем не менее буду блюсти строгость нравов плоти моей, дабы по мере благодати Твоей вошла она в подчинение и повиновалась разуму. И если в строгости этой превышу я меру Твою, то пусть вина за это ляжет на меня самого. «Думайте скромно, по мере веры»¹²⁴, — пишет Апостол. Устами Пророка Ты сказал: «Я милости хочу, а не жертвы»¹²⁵.

Посему уста мои возвестят хвалу Твою, ибо пожертвование сие созидает честь Твою, нам же расчищает путь спасения. «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое»¹²⁶. Готово наполнить благодатью Твоей все, что приятно Тебе.

Итак, отыскал я то одно, что Ты принимаешь, и это одно приношу я Тебе. Эта хвала навсегда пребудет в сердце моем и не умолкнет на устах моих. Если бы Ты пожелал жертвы телесной, я принес бы ее Тебе, ведь сердце мое по милости Твоей готово исполнить волю Твою, но Ты к всесожжению не благоволишь. И поскольку Ты сотворил тела для духа, Ты и ищешь духовного, а не вещественного, ведь сказано в Писании: «Сын мой! Отдай сердце твое мне»¹²⁷. Вот жертва, к которой Ты благоволишь. Это жертва сердца, скорбящего от грехов, пламенеющего от любви к имениям небесным, преданное Тебе навсегда. Это всесожжение, к которому Ты благоволишь.

---

¹²² Пс 49, 13.

¹²³ Иез 33, 11.

¹²⁴ Рим 12, 3.

¹²⁵ Ос 6, 6.

¹²⁶ Пс 56, 8.

¹²⁷ Притч 23, 26.

18

«Sacrificium Deo spiritus contribulatus,
cor contritum et humiliatum, Deus, non despicias» —

**«Жертва Богу дух сокрушенный;
сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже»**

Ты благоволишь к скорбям духа, а не к скорбям плоти, ибо плоть скорбит, не получая вожеленных имений земных либо испытывая на себе ненавистные вещи. Дух же бывает сокрушен виной перед Богом, Которого он любит. Он страдает из-за того, что оскорбил Создателя и Искупителя, презрел кровь Его, презрел столь доброго и кроткого Отца. Посему дух сокрушенный — приятнейшая жертва Тебе, ибо добыт он из горчайших благоуханий, то есть сокрушений о содеянных грехах. Ибо, собрав грехи в ступку сердца, разбив их пестом сокрушения, превратив в прах и омыв слезами, мы получаем миро и жертвоприношение, к которому Ты более всего благоволишь и которого Ты никогда не презришь¹²⁸. «Ибо сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь». Кто сокрушает свое окаменевшее сердце, возведенное из крепчайшего камня греха, дабы получить миро сокрушения при обилии слез, и не впадает при этом в отчаяние от множественности и тяжести грехов, тот смиренно предлагает Тебе эту жертву и ни в коем случае не будет осужден Тобой, ибо «сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже».

Мария Магдалина, которая была в городе грешницей, приготовила это миро, принесла алавастровый сосуд сердца своего и не остановилась перед тем, чтобы войти в дом фарисея. И, ставши позади у ног Твоих, не постеснялась плача своего

¹²⁸ Св. Фома, комментируя эти слова Псалмопевца, настаивает на различии между *confractum* (сокрушенный) и *contritum* (превращенный в прах). Быть может, под влиянием этой мысли Савонарола пошел еще дальше, создав образ ступки, в которой обрабатываются все ингредиенты, столь знакомый аптекарям его времени. Этот образ может показаться несколько барочным, но он, несомненно, выразителен и действенен.

во время пиршества. Охваченная горем, она молчала, но сердце ее исторгло слезы, которыми она омыла ноги Твои, а затем отерла волосами головы своей и помазала миром, не переставая целовать их¹²⁹. Кто слышал когда-либо подобное?

К этой жертве ее Ты настолько благоволил, что предпочел ее фарисею, который, судя по всему, не был человеком бесчестным. Словами Твоими Ты дал понять, что между праведностью, обретенной Марией, и праведностью фарисея расстояние такое же, как между омовением ног водой и омовением ног слезами, между поцелуем в ланиты и непрерывным целованием ног, между умащением головы маслом и помазанием ног драгоценным миром. Во многом Мария превзошла фарисея, ибо тот не дал ни воды, ни поцелуя, ни масла.

Велика Твоя добродетель, Господи, велика Твоя сила, «явленная в прощении и милосердии»¹³⁰. Хорошо видно мне, что сокрушенного и смиренного сердца Ты не презришь. Отсюда и старание мое принести Тебе именно такое сердце, и не нужно помощи слов, чтобы сообщить Тебе об этом, ибо Ты — Господь, Который «проникает сердце и испытывает внутренности»¹³¹.

Прими же эту жертву мою, и если она окажется несовершенной, сделай ее совершенной, ибо только Ты это можешь сделать. Да станет она всесожжением, пламенеющим огнем безграничной любви. Да благоволишь Ты к ней, или, по меньшей мере, да не будет она осуждена Тобой. Если же Ты не осудишь ее, то я буду уверен, что обрету благодать перед лицом Твоим. И тогда ни один святой на небе или на земле не сможет осудить меня¹³².

---

¹²⁹ Ср. Лк 7, 37-38.

¹³⁰ Orat. Dom. X post Pent.

¹³¹ Иер 17, 10.

¹³² Данное выражение, согласно литературному и мистическому истолкованию средневековых богословов, соотносимо со словами невесты «Песни песней»: «О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! Тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы» (Песн 8, 1).

19

«Benigne fac, Domine, in bona voluntate tua Sion,
ut aedificentur muri Jerusalem» —

«Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион;
воздвигни стены Иерусалима»

Потому что написано: «С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним — искренно, с чистым — чисто, а с лукавым — по лукавству его»¹³³, — я горячо желаю, «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»¹³⁴. Для них это необходимо и для меня было бы весьма полезно, ведь молитвами их, доблестью и примером их я могу возродиться. Так изо дня в день буду я побуждаем к жизни лучшей¹³⁵.

Вот отчего я, грешный, прошу Тебя, Господи: «Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима». Сион — это Церковь Твоя, ибо Сион означает «зерцало», и Твоя Церковь по благодати Духа Святого отражает славу Божию в согласии с возможностями нынешней жизни¹³⁶. Отсюда слова Апостола: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа»¹³⁷.

¹³³ Пс 17, 26.

¹³⁴ 1 Тим 2, 4. С первым же отзвуком сверхъестественной любви кающаяся душа настраивается в унисон с волей Бога, которая, как уверяет св. Павел, точнейшим образом направлена именно на достижение этой цели.

¹³⁵ Данное желание христианской души порождено верой в сопричастность Святым. Как Христос, глава мистического Тела Церкви, сообщает членам ее сверхъестественную жизнь посредством действия Духа Святого, так и отдельные христиане, живущие в благодати, сотрудничают во взаимном приобщении к святости друг друга, идя стезей братского обмена духовными благами. Савонарола точно указывает эти блага — *молитва, достоинство, пример*. В этом деле взаимного обогащения действие каждого испытывается его личной святостью. С подобными представлениями без особого труда согласуется чрезвычайная миссия «Благодати полной», то есть Пресвятой Богородицы, в отношении Которой Савонарола неизменно свидетельствует безграничную верность.

¹³⁶ Ср. S. Augustini, Enarr. in Ps. 50, v. 19.

¹³⁷ 2 Кор 3, 18.

Господи Боже, как сегодня мала Церковь!¹³⁸ Весь мир на краю пропасти, ибо неверные гораздо многочисленнее, чем христиане. Но и среди христиан где те, которые, оставив земные имущества, заняты размышлением о славе Господней? Немного таких найдешь Ты среди множества тех, чей конец — погибель, чей бог — чрево и чья слава — в сраме, ибо они мыслят о земном¹³⁹. «Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион», дабы он возрос в достоинстве и числе. Призри его с неба и облагодетельствуй, как обыкновенно делаешь Ты, послав с неба огонь любви Твоей, чтобы разрушить все грехи наши. Употреби Свое благодеяние, Господи, по доброту Твоей «и не подвергни наказанию за грехи наши и беззаконные наше»¹⁴⁰, но помилуй нас по великому милосердию Твоему.

---

¹³⁸ В этой жалобе и последующей страстной молитве — вся душа Савонаролы. От юношеских стихов, посвященных разорению Церкви, вплоть до последних, написанных в тюремных застенках, страниц — повсюду одна постоянная страсть, направленная на воссоздание и расширение Царства Божия на земле. Все его проповеди и все его страдания были подчинены этой конечной — как объявленной, так и скрытой — цели. Тот, кому известны религиозные условия эпохи, не может не разделять данной Савонаролой оценки глобального религиозного кризиса эпохи Ренессанса.

¹³⁹ Флп 3, 19. Савонарола мало что мог бы добавить к этим словам Апостола (да он и не имел возможности этого сделать), чтобы заклеймить бесчестьем непримиримых противников «праведной жизни» (*ben vivere*), с которыми он боролся всю жизнь. Вероятно, он снова возвращался мыслью к наиболее заметным прелатам, известным своими высокими должностями и величайшими злодеяниями. Он имел в виду, в частности, Александра VI, который в те дни уже направил во Флоренцию по сговору с «компаньччи» своего апостольского комиссара для участия в самом громком убийстве за время своего злополучного понтификата. В одной из последних проповедей в монастыре св. Марка Савонарола воскликнул, обращаясь к Борджа, хотя и не называя его по имени: «Выслушай прежде, чем порицать. Я не ишу иного, кроме как жизни праведной. Зачем ты ведешь эту войну? Ведь если ты выступаешь против праведной жизни и не живешь как христианин, то я не пожелаю мира с тобой. Не говори так, монах! Ты монах, он же — великий мира сего! Пусть будет великим столько, сколько ему угодно, но я не желаю мира с ним, если он живет несправедно. Если ты уничтожишь меня, то останешься жить как язычник, ибо мы живем как христиане, а ты живешь против Христа. Если я стану мучеником, ты станешь тираном» (См. RIDOLFI R., *op. cit.*, I, p. 335).

¹⁴⁰ Ср. Tractus Ferie IV Cinerum.

Ты, Господи, Отче наш, Искупитель, мир и радость, надежда и вечное спасение наше. «Все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время. Даешь им — принимают; отвергаешь руку Твою — насыщаются благом; скроешь лице Твое — мнутя; отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются; пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли»¹⁴¹.

Вопрошаю Тебя, Господи, какая польза может быть в осуждении на гибель стольких тысяч людей? Наполняется ад, день ото дня приходит в запустение Церковь.

«Восстань, что спишь, Господи! Пробудись, не отринь навсегда!»¹⁴² «Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима»¹⁴³.

И что иное Иерусалим (чье название означает «видение мира»¹⁴⁴), как не святой город блаженных; «он — мать всем нам»¹⁴⁵. Стены его рухнули, когда пал Люцифер с Ангелами своими, и были званы праведники занять места их¹⁴⁶.

Да облагодетельствуй, Господи, по благоволению Твоему город святой Сиона, чтобы пополнилось вскоре число избранных, воздвигни стены Иерусалима из нового и прочного камня, дабы прославляли они Тебя вечно.

¹⁴¹ Пс 103, 27-30.

¹⁴² Пс 43, 24.

¹⁴³ Развиваемая здесь тема настолько часто встречается в проповедях Савонаролы, что один из его сподвижников попросил его однажды даровать ему образец молитвы, выражающей подобное прошение. Савонарола исполнил эту просьбу, дав комментарий на Псалом 79 — «Пастырь Израиля! Внемли» (*Qui regis Israel, intende*) — также в форме молитвы, которая была издана во Флоренции в 1496 году.

¹⁴⁴ В Пс 121, 6-9 подчеркивается созвучие названия города Иерушалаим со словом «мир» — *шалом*. Когда Давид отнял город у иевусеев (2 Цар 5), то в память о видении Ангела назвал его Иерусалим, то есть «видение мира». — *Прим. пер.*

¹⁴⁵ Гал 4, 26.

¹⁴⁶ Здесь Савонарола выступает как последователь учения св. Фомы (ср. I, q. 108, а. 8; 2 *Sent.*, d. 9, а. 8).

20

«Tunc acceptabis sacrificium iustitiae,
oblaciones et holocausta;
tunc imponenet super altare tuum vitulos» —

**«Тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение
и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов»**

Когда, Господи, облагодетельствуешь по благоволению Твоему Сион, «тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды»; будут Тебе благоугодны, потому что Ты поглотитишь жертву огнем любви Твоей. Так, были благоприятны Тебе жертва Моисея и жертва Или¹⁴⁷, ибо благоугодны Тебе жертвы правды, и потому души, желающие жить по правде, Ты наполняешь елеем благодати Твоей.

Да и что пользы, Господи, приносить жертвы Тебе, если они не благоугодны Тебе? Сколькие жертвы мы сегодня приносим Тебе, но они не благоугодны Тебе, а омерзительны! Ведь мы приносим не жертвы правды, а совершаем одни ритуалы. Вот почему они не благоугодны Тебе. Где теперь слава Апостолов? Где крепость мучеников? Где плоды проповедников? Где святая простота монахов? Где добродетели и деяния первых христиан?¹⁴⁸

¹⁴⁷ 3 Цар 18, 38.

¹⁴⁸ Восхищение первоначальным христианством у Савонаролы идет рука об руку с пылким желанием реформы. Отсутствие серьезной и обоснованной исторической критики, характеризовавшее всех его современников, разумеется, сказалось на этом его умонастроении. Быть может, ревностный реформатор усматривал в первых христианах романтический и обобщенный пример святости, которая в действительности вряд ли когда-либо существовала в столь совершенном виде. Однако у Савонаролы было более чем достаточно причин, чтобы восстать против упадка нравов своего времени и, следовательно, против домыслов тех, кто в ренессансном великолепии видел прогресс высшего, едва ли не религиозного порядка. Обращаясь к ним, Савонарола любил повторять свое знаменитое высказывание: «У наших отцов были чаши из дерева, но при деревянных чашах у них были священники из золота; теперь же при золотых чашах священники из дерева» (*Della Semplicita della Vita Cristiana*, I, IV, с. 8; ed. Cit., p. 226).

Во времена оны их жертвы были благоугодны Тебе, и Ты украшал их благодатью и добродетелью. Итак, когда благодетельствуешь по благоволению Твоему Сион, тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, ибо народ Твой начнет жить праведно, соблюдать заповеди Твои и творить справедливость. Тогда снизойдет на него благодать Твоя. Тогда благоугодны будут Тебе возношения и всесожжения, ибо священнослужители, оставив земные имения, получают расположение духа к более совершенной жизни, и на их головы снизойдет благовоние благословения Твоего. Тогда благоугодны будут Тебе возношения и всесожжения, творимые монахами, которые, презрев тело и оставив равнодушные, будут поглощены без остатка пламенем Божественной любви. Тогда епископы и проповедники возложат на алтарь Твой тельцов, ибо, совершенны во всех добродетелях и исполнены Духа Святого, не колеблясь отдадут жизнь за агнцев своих.

И что иное алтарь Твой, как не крест Твой, милостивый Иисусе, на котором Ты был принесен в жертву? И что иное значит телец сластолюбивый, как не плоть нашу? И тогда возложат на алтарь Твой тельцов, когда они во имя Твое предадут тела свои кресту, то есть муке и смерти. Тогда Церковь вновь расцветет и расширит свои пределы. Тогда хвала Твоя разнесется до рубежей земли. Тогда радость и веселие наполнят землю. Тогда «восторжествуют святые во славе, возрадуются на ложах своих»¹⁴⁹ и будут ждать нас «на земле живых»¹⁵⁰.

Молю тебя, Господи, ныне соверши во мне то, что должно исполниться: помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, да буду благоугоден тебе как жертвоприношение правды, как возношение святости, как всесожжение монашеской жизни, как жертва заклания на кресте Твоем, по достоинству которого да будет дано мне перейти из этой юдоли плача¹⁵¹ во славу, которую Ты приготовил любящим Тебя. Аминь.

---

¹⁴⁹ Пс 149, 5.

¹⁵⁰ Пс 26, 13.

¹⁵¹ Пс 83, 7.

ИСТОЛКОВАНИЕ И РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ
ПСАЛМА «НА ТЕБЯ, ГОСПОДИ, УПОВАЮ»
(Псалом 30)

Печаль меня осаждает: окружила меня огромным и могучим войском, взяла в плен мое сердце; голоса и бряцающая оружием, не снимает осады с меня ни днем, ни ночью. Мои друзья воюют в ее рядах и стали врагами мне. Все, что я вижу, и все, что я слышу, пребывает под знаменами печали. Память о друзьях огорчает меня. Память о детях расстраивает меня. Мысль о монастыре и келье моей причиняет мне боль, размышление об ученых занятиях моих вызывает у меня страдание, думы о грехах моих тяжело сокрушают меня¹. Как больному в лихорадке, которому все сладкое представляется горьким, так и мне — все представляется сплошной болью и печалью. Эта печаль тяжким грузом давит на сердце мое. Это яд аспидный, чума смертоносная, возроптавшая против Бога. Она непрерывно богохульствует и подталкивает к отчаянию².

---

¹ Приводимые Савонаролой примеры подтверждают скорее универсальный, чем автобиографический характер этих размышлений. Говоря о детях, Савонарола, исполнявший обет безбрачия, имеет в виду своих чад духовных. Автобиографичны его воспоминания о монастыре, келье и ученых занятиях — *studia*. Перечень примеров, указывающий на различные жизненные и несовместимые между собой состояния, ориентирует мысль читателя на обобщение, выходящее за рамки индивидуального опыта.

² Будучи последовательным томистом, Савонарола на протяжении своего сочинения предпочитает говорить не о мыслях и чувствах *отчаяния*, как обычно поступают древние и современные авторы, но о *печали*. Ибо отчаяние слишком сильное слово, само по себе являющееся грехом против Духа Святого, тогда как *печаль* — это всегда душевное чувство, иногда охватывающее даже сердца праведников. Сама по себе печаль не является греховной, иными словами — она не такова при отсутствии полного согласия воли. Вот отчего перед лицом надежды, утешительницы и помощницы, мы всегда находим только печаль, пусть даже на первый взгляд она и кажется отчаянием.

Увы мне, несчастному! Кто освободит меня от святотатственных рук? Если все, что я вижу, и все, что я слышу, пребывает под знаменем этим и ведет войну против меня, кто будет мне покровитель? Кто придет мне на помощь? Куда мне идти? Как мне спастись? Однако мне хорошо известно, что делать. Обращусь я к силам невидимым и вместе с ними встану лицом к лицу с силами видимыми. Но кто же встанет во главе этого священного и грозного войска? Надежда, руководящая силой невидимой. Да, говорю я, надежда выступит против печали и одолеет ее.

Кто осмелится оказать сопротивление надежде? Вслушайся в то, что говорит Псалмопевец: «Господь — упование мое. Всевышнего избрал ты прибежищем твоим»³. Кто может противиться Богу? Кто в силах одолеть прибежище, которое у Всевышнего? Посему призову я надежду, которая вне сомнения придет и не разочарует меня. Да вот же она — грядет, вселяет радость в меня, наставляет в боевых искусствах и возглашает: «Взывай громко, не удерживайся»⁴. Я же спрошу: «О чем возвысить голос мой?» И от всего сердца, надежда, ты скажешь:

«НА ТЕБЯ, ГОСПОДИ, УПОВАЮ ДА НЕ ПОСТЫЖУСЬ ВОВЕК;
ПО ПРАВДЕ ТВОЕЙ ИЗБАВЬ МЕНЯ».

I

О, удивительная сила надежды, перед которой не может устоять печаль! Один только призывный клич надежды — и расстроены ряды всего печального войска. Пусть надвигается на меня весь мир, пусть восстают на меня враги, мне ничего не страшно, ибо «на Тебя, Господи, уповаю», Ты — надежда моя, и Всевышнего избрал я прибежищем своим⁵.

Отныне взошел я в него, и привела меня сюда надежда. Ведь не по самонадеянности своей взошел я сюда, а потому что надеж-

---

³ Пс 90, 9.

⁴ Ис 58, 1.

⁵ Ср. Пс 90, 9.

да оправдает меня перед лицом Твоим. «Се, человек, — говорит она мне, — есть прибежище Всевышнего. Отомкни глаза свои и взирай. Бог Единый и Единственный, Он Один есть «бесконечный океан сущего»⁶, другие же вещи как бы и не существуют вне Его, ибо все они зависят от Него. И если бы Он не поддерживал их в бытии, они тотчас обратились бы в ничто, ибо сотворены были из ничего. Подумай о силе Того, Кто изначально создал небо и землю. Ужели не Он совершает все во всех вещах? Да и кто может двинуть рукой без Него? Кто без Него может что-либо помыслить? Рассуди о мудрости Его, с какой ненарушимо мирно Он всем управляет и все видит, ибо «все обнажено и открыто пред очами Его»⁷.

Он один знает тебя и может тебе помочь. Он один может утешить и спасти тебя. «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения»⁸. Сердце человека в руке Господа; «куда захочет, Он направляет его»⁹. Он может и сумеет помочь тебе. Ужели ты сомневаешься в воле Его? Подумай о доброте Его, о благоволении Его. Может ли Он не любить людей после того, как Он стал человеком и был распят за грешников? Воистину Он — Отец твой, Который сотворил тебя, купил тебя и постоянно осыпает тебя благодеяниями. Ужели отец может оставить своего сына? Доверься Ему, и Он примет и спасет тебя.

Вчитайся в Писание, и ты обнаружишь, с какой настойчивостью Божественная сила внушает тебе надежду на Бога. Отчего так? Оттого, что Он хочет спасти нас. Что утверждает Он устами Псалмопевца? «За то, что он возлюбил Меня, избавлю его»¹⁰.

---

⁶ Как отмечает Ш. Журне в своем превосходном французском переводе, здесь Савонарола цитирует по памяти изречение Иоанна Дамаскина «*ipse est substantiae pelagus infinitum*» (1 De Fide Orthod., с. 9), содержащееся у св. Фомы Аквинского (I, q. 13, а. 11).

⁷ Евр 4, 13.

⁸ Пс 145, 3.

⁹ Притч 21, 1.

¹⁰ Пс 90, 14.

Вот оно как: нет никакой другой причины, по которой Он хочет избавить его, кроме той, о которой сказано: «Господь — упование мое». Да и для чего проповедали Пророки, Апостолы и сам Господь Апостолов, как не для того, чтобы люди уповали на Господа? Посему «приносите жертвы правды и уповайте на Господа»¹¹, Он же избавит Вас от всех мучений.

О, великая добродетель надежды! Воистину «благодать излилась из уст Твоих»¹². Воистину Всевышнего избрал я прибежищем, к коему не может приблизиться зло печали! Это изведал я и уразумел. Вот почему на Тебя, Господи, уповаю.

Хотя, подлинно, тяжко я угнетен грузом грехов, тем не менее не могу отчаиваться, — до такой степени велико благоволение доброты Твоей, побуждающей меня к надежде. *Посему я не буду постыжен в вечности.* Да, я могу быть постыжен во времени, но не в вечности.

Надежда, возведшая меня в прибежище Всевышнего, научила меня уповать не на временное, но на вечное, ведь надежда пребывает в мире вещей невидимых, ибо «видимое временно, а невидимое вечно»¹³. Посему, внимая слову надежды, подоспевшей вырвать меня из рук печали, на Тебя, Господи, уповал я и более всего жаждал избавления от грехов и обретения по милосердию Твоему и благодати Твоей вечных имений невидимых.

Таково желание мое. Подлинно, грехи мои являются самым тяжким мучением моим, ибо от этого проистекает всякое другое мучение. Избавь меня, Господи, от грехов моих и буду избавлен от всех мучений. Мучение и тоска изливаются из источника сердца постольку, поскольку всякая печаль — от любви. Если люблю я сына своего, а он умирает, я опечален потому, что теряю то, что любил. Если же умирает слуга, которого я не люблю, не опечален я потому, что теряю то, что не любил. Избавь меня, Господи, от грехов благодатью Твоею. Тогда мне останется

---

¹¹ Пс 4, 6.

¹² Пс 44, 3.

¹³ 2 Кор 4, 18.

единственно любить Тебя превыше всего и презреть все временные и суетные вещи.

Если по вере моей у меня есть Ты, от Которого надеюсь я обрести то, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку»¹⁴, то что может смутить меня? Что бы ни потерял я вне Бога, я теряю то, что не люблю. Вот отчего на Тебя, Господи, уповаю, поскольку надежда моя научила меня надеяться. Значит, не буду я постыжен в вечности, ибо Ты дашь мне в обладание вещи вечные.

Тот, кто уповает не на Тебя, но на ничтожность свою, будет постыжен в вечности, ибо погрузится в постыжение вечное. Разумеется, я тоже могу быть постыжен во времени как Тобой, так и людьми, но зато я не буду постыжен в вечности. Я могу быть постыжен Тобой, когда молю избавить меня от временного стеснения; Ты же, быть может, не услышишь меня. И тогда я буду разочарован и постыжен во времени, чтобы не остаться постыженным в вечности. Это не пошло бы на пользу мне, ведь довольно мне благодати Твоей, ибо сила Твоя совершается в немощи¹⁵. Кроме того, временно постыжаем людьми я всякий раз, когда они преодолевают меня преследованием своим. Но и это совершается по попущению Твоему, дабы не остался я постыженным в вечности.

Однако раз уж «пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел»¹⁶, тем охотнее перетерплю я временные разочарования, чтобы не остаться постыженным в вечности. Уповаю на Господа, поскольку надежда научила меня надеяться, и вскоре буду избавлен от всякого мучения.

---

¹⁴ 1 Кор 2, 9.

¹⁵ Ср. 2 Кор 12, 9.

¹⁶ Пс 89, 5.

II

Но в силу какого достоинства я буду избавлен? Не по достоинству моему, Господи, но «ПО ПРАВДЕ ТВОЕЙ ИЗБАВЬ МЕНЯ» (Пс 30, 2). Да, по Твоей правде, а не по моей. Ведь, взыскаю милосердия, я не приношу правды моей. Но если по правде Твоей Ты сделаешь меня праведным, тогда овладею правдой Твоей. Ибо Твоя благодать в нас есть оправдание Твое. Фарисеи же доверяли делам правосудия, иными словами — собственной справедливости и по этой причине не приняли правды Божией. «Потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть»¹⁷. Отныне же правда Божия явлена благодатью Иисуса Христа¹⁸ «независимо от дел закона»¹⁹.

И философы тоже возвысили сами себя оправданием своим и по этой причине не обрели правды Твоей. Ибо входили они не во дверь, но были ворами и разбойниками, пришедшими не для того, чтобы спасти, а для того, чтобы разорить и погубить агнцев²⁰.

¹⁷ Рим 3, 20.

¹⁸ Ср. «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (Тит 2, 11).

¹⁹ Рим 3, 28. — Ср. «Комментарий» св. Фомы: (Мы знаем, мы, апостолы, обретшие правду Христа, что всякий человек, кто бы он ни был, иудей или эллин, *оправдывается верой*. Именно верой, как сказано в *Деян 15, 9*, Бог очистил сердца их. Сие же независимо от дел закона, иными словами — не только независимо от дел, состоящих в исполнении *ритуальных заповедей* ветхозаветного закона, ибо сии ритуалы означали благодать без возможности ее передачи, но также и независимо от дел, состоящих в исполнении *нравственных заповедей*, согласно сказанному в Послании к Титу 3, 5, ибо Бог спас нас не благодаря делам закона, творимого нами, но благодаря милосердию Своему. Таким образом, полагает Апостол, мы оправданы независимо от дел, *предшествующих* правосудию, однако не в отсутствии *последующих* дел, ибо, как сказано, «вера без дел мертва») (Иак 2, 26).

²⁰ Здесь также присутствует намек на знаменитую проповедь св. Августина на тему гл. 10 от Иоанна (*Tract. 45*): «Кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник» (Ин 10, 1).

Итак, правда Твоя, Господи, это благодать Твоя. Но благодать не была бы благодатью, если бы давалась по достоинству. Посему не по моей правде, но по правде Твоей избавь меня от грехов моих. Избавь меня по правде Твоей, то есть в Сыне Твоем, Который единственный среди всех людей был безупречно праведным. И кто иной есть Сын Твой, как не самая правда, в которой оправдываются все люди?

Посему сделай меня праведным по Твоей правде и избавь меня ею от грехов моих, чтобы был я избавлен и от мучений, которые претерпеваю по причине этих грехов, ибо по устранении причины будут устранены также и ее последствия.

Вот, Господи, я просил Тебя и обрел утешение! Так научила меня надежда. Возликовал я, потому что уповал на Тебя, Господи. Значит, я не буду смущен в вечности.

Но опять печаль возобновляет атаку и возвращается с большим войском. На сей раз вооружена она мечами и копьями, а действует с огромным рвением — и вот она окружает наш город. Устрашил меня рев ее всадников. Встав поодаль, потребовала она тишины и изрекла: «Се человек, уповавший на Господа и сказавший: «Я не буду постыжен в вечности». Но какую утешительную надежду обрел он?»

Увидев, как покраснел я при этих словах, она приблизилась и проговорила: «Где посулы надежды твоей? Где утешение? Где избавление? Помогли твои слезы? И молитвы твои — что принесли они тебе с неба? Ты вопил, но никто тебе не ответил. Ты рыдал, но кто проявил милосердие к тебе? Ты взывал к твоему Богу, но он тебе не ответил. Ты просил и заклинал его, но он не дал тебе услышать ни голоса, ни звука. Ты призывал всех святых, но никто из них даже не взглянул на тебя. Вот и все, что дали тебе слова надежды. Ты трудился, но остался с пустыми руками. Ужели мнишь ты, будто Бог взирает на происходящее на земле? «Облака — завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу»²¹.

---

²¹ Иов 22, 14.

Богохульствуя, печаль говорила подобные вещи, и так как меня ужасали эти ее словеса, она, приблизившись, принялась нашептывать на ухо мне:

«Неужто ты думаешь, что проповедуемое верой истинно? Разве ты не понимаешь, что все это — человеческий вымысел? Ведь это ясно хотя бы потому, что если бы Бог на самом деле стал человеком и дал распять себя ради людей, то в таком случае столь великое милосердие не смогло бы отказать в утешении доведенному до предельного страдания человеку, слезно взывающему к Нему о помощи.

Если говорят правду, будто по бесконечной доброте Своей сошел Он с небес на землю, чтобы претерпеть крестную смерть, то как Он может не сойти к несчастным людям сейчас же, дабы утешить их? Ведь на сей раз это, конечно же, было бы легче, чем тогда, да к тому же и благочестие могло бы побудить Его поспешить на помощь.

Кстати, отчего это Ангелы и святые, раз уж они такие добрые, не спешат к тебе с утешениями? Ты только представь, сколь многие люди, будь у них такая возможность, бросились бы к тебе на помощь, поддержали бы тебя и словом, и делом и по мере сил своих дали бы утешение тебе! Сколь многие изъявили бы готовность избавить тебя от всяких притеснений. Почему же не сотворят этого для тебя блаженные небожители, которых почитают гораздо выше обычных людей? Поверь мне, всем управляет случай, не существует ничего иного кроме того, что мы видим. И дух наш развеется, как дым.

Разве кто-нибудь возвратился из царства мертвых и рассказал нам о том, что принято именовать будущностью души после смерти? Все это — беспочвенные пересуды. Очнись же и обратись за помощью к людям, чтобы по выходе из тюрьмы ты смог жить без вечных страданий, на которые тебя обрекает обман твоей пресловутой надежды».

При этих словах печали из недр ее войска поднялся столь великий шум, гам, бряцание оружием и рев труб, что едва можно было вынести его, и если бы моя любимая надежда не поторопи-

лась мне на помощь, то печаль увлекла бы меня, сидящего в цепях, в свои владения. Итак, подоспела надежда, украшенная Божественным сиянием, и обратилась ко мне с улыбкой: «Что же ты оторопел, воин Христов! Куда подевались твои мужество и смелость, необходимые в этой схватке?»

Услышав эти слова, я залился краской. Она же продолжала: «Не страшись! Злу не одолеть тебя. Ты не погибнешь. Вот, я вместе с тобой, чтобы дать тебе избавление. Или ты забыл, что в Псалтири написано: «Сказал безумец в сердце своем: “Нет Бога”»? Печаль твоя болтала, как дурная девка. Неужто ей удалось убедить тебя, что не существует ни Бога, ни ниспослания Божия? Как же ты, столь доблестно заступавшийся за религию многими доводами и многими рассуждениями, можешь усомниться в вере? Меня удивляет, что тебя настолько потрясли слова этой скверны. Доверься мне, умоляю, неужели в глубине сердца твоего появился червь сомнения в вере?»

Да святится имя Господне; да святится имя Твое, благодати полная! Нет, не ощутил я ни малейшего ветерка неверия, ибо по милости Христа верю, что деяния веры не менее истинны, чем вещи, видимые плотским оком. Печаль же бросала меня скорее в пределы отчаяния, чем неверия.

«Сын мой, знай, что сие есть великий дар Божий, ибо «сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился»²². Восстань и не страшись, но вернее постигни от этого, что Господь тебя не оставил. Даже если Он и не тотчас исполнит мольбу, не надобно впадать в отчаяние. Он не обманет: «И хотя бы и замедлило, жди его, ибо непременно сбудется, не отменится»²³.

«Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго»²⁴. Ведь сама природа, порождая что-либо, не тотчас устанавливает форму, но прежде постепенно приготавливает материю до тех пор, пока не станет она способной принять ее. Однако тебе надлежит знать, что Господь всегда испол-

---

²² Еф 2, 8-9.

²³ Авв 2, 3.

²⁴ Иак 5, 7.

няет просьбы тех, кто молит Его благочестиво и смиренно. Ни разу не ушли они с пустыми руками от Него. Этого не стану доказывать тебе доводами разума, ведь ты сам испытал это на себе.

Лучше скажи мне, кто вознес сердце твое к Богу? Кто побудил тебя молиться? Кто даровал тебе испытать боль грехов и слез? Кто внушил тебе надежду? Кто сделал тебя радостным в молитве и после нее? Кто изо дня в день утверждает тебя в святом намерении? Не Господь ли, который все совершает в каждом? Но если Он постоянно доставляет тебе эти дары, то как смеет эта скверная девка спрашивать: «Где твои молитвы и где твои слезы?» — и повторять прочие богохульства?

Разве тебе не известно, что небесный Иерусалим не похож на земной? Или не знаешь, что нечестиво и даже вредно, да и бесполезно, чтобы Бог, Ангелы и святые пребывали видимо среди людей и запросто общались с ними? Это неблагопристойно ввиду различия в достоинстве. Какое общение может быть между светом и тьмой? Разве одинаков шаг паломника и обычного прохожего? И разве различные города не населяют ли различные обитатели?

Известно, что некоторым людям по величайшей святости их, когда достигли они порога нашего Отечества вечного, было даровано лицезреть Ангелов и разговаривать с ними, но эта привилегия — не для всех. Да и ни к чему она: поскольку святые руководят нами, просвещают и утешают нас невидимо, постольку нет надобности в их появлениях, тем более, что Господь милостив настолько, что всякий раз, когда необходимы явления видимые, он дарует их. «Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему?»²⁵

«И, наконец, это без пользы, ибо привычка порождает унижение — ведь не были же на пользу иудеям великие и многие чудеса. Вот отчего столь дороги редкостные вещи. Да удовольствуешься ты невидимым присутствием, ведь Господу прекрасно известно, что́ на пользу тебе.

---

²⁵ Ис 5, 4.

Разве Он не утешил тебя? Мне прекрасно известно, что испытал ты в сердце своем. Восстань же и возвратись к молитве. Взывай о помощи, проси прощения, собирай милостыню, стучи в дверь, умолай, настоятельно молись. «Если, говорю вам, Он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит»²⁶.

III

Получив утешение, воспрянул я и коленопреклоненно пред лицом Бога продолжил молитву свою, произнося: «*Inclina ad me aurem tuam; accelera ut eguas me*» — «ПРИКЛОНИ КО МНЕ УХО ТВОЕ, ПОСПЕШИ ИЗБАВИТЬ МЕНЯ» (Пс 30, 3).

Господи, Боже мой, возвращаюсь к Тебе! Надежда направляет меня, не руководствуюсь я самонадеянностью. Откликаюсь на зов доброты Твоей, милосердия Твоего. Сколь велико благоволение Твое! Сколь полна моя радость! Нет для меня большего утешения. Воистину, благословенна нищета, побуждающая меня возвратиться к Богу, обратиться к Нему и молиться. Итак, стану говорить с Богом моим, пусть я из пыли и праха. Господи, «приклони ко мне ухо Твое».

О чем ты, душа моя? Неужто у Бога есть ухо? Неужто Бог телесен? О, нет! Ведь если дух до такой степени выше плоти, то какой безумец осмелится рассуждать о телесности Бога? Знай же, Господи, что наши слова о Тебе — всего лишь жалкий лепет перед величием Твоим²⁷. Мы постигаем Тебя посредством творений Твоих и потому говорим о Тебе и обращаемся к Тебе при помощи образов. Что же есть ухо Твое? Быть может, это знание Твое? Ведь посредством слуха мы понимаем то, что говорят нам. Ты же изначально знаешь обо всем, что говорят или думают

---

²⁶ Лк 11, 8.

²⁷ Слова эти восходят к св. Григорию Великому (5 *Moral.* С. 36). Савонарола же воспользовался цитатой, приведенной св. Фомой Аквинским (I, q. 4, a. 1 ad 1).

люди. Значит, говоря о слухе Твоем, мы подразумеваем нечто иное, нежели знание Твое?

Воистину, в словах о слухе Твоем есть нечто большее, превышающее знание Твое, ведь Ты «приклоняешь ухо Твое» к одним и «не приклоняешь» его к прочим. Знание же Твое постоянно. Следовательно, ухо Твое есть не что иное, как одобрение или неодобрение в знании Твоем? Ты «приклоняешь ухо» и выслушиваешь слова праведников, ибо они приятны Тебе и Ты одобряешь их. Наоборот, Ты отклоняешь ухо Твое от людей нечестивых, так как не желают они отступить от нечестия своего, речи же их неприятны Тебе и Ты не одобряешь их.

И когда «приклоняешь ухо Твое» к тем, кто обращается к Тебе, тогда, стало быть, Ты одобряешь молитвы их, взираешь с состраданием на них, просвещаешь и возжигаешь сердца их. Только бы обращались они и зывали к Тебе с доверием и пылом любви, ибо Ты дашь им все, о чем просят они со смиренной надеждностью.

Если царь смотрит с улыбкой и вниманием на обратившегося к нему нищего и вслушивается в каждое слово его, разве не возрадуется этот нищий? Неужели не будет достаточно царского взгляда и внимания, чтобы наделить нищего даром слова и сделать его красноречивым? Точно так же, Господи, когда Ты даруешь нам усердие в молитве, замечаем и мы, что Ты «приклонил ухо Твое» к молитве нашей.

Потому прошу Тебя, Господи, «приклони ко мне ухо Твое», прими молитву мою, просвети меня, воспламени меня, научи меня, о чем просить, возвысь мое сердце, чтобы Ты исполнил просьбу мою и не медлил избавить меня. Укороти дни и убыстри время. «Приклони ко мне ухо Твое» и по достоинству моему исполни просьбу мою. Для Тебя, в вечности сущего, времена коротки, ибо вечность охватывает одновременно самое себя и опережает в бесконечности все времена²⁸. Од-

²⁸ Ср.: «Совершенное, всеохватное и одновременное владение бесконечной жизни» — таково определение вечности, данное Боэцием (*De Consolatione*, V, рг. 6), и развернутое Аквинатом (*Th.*, I, q. 10, а. 1).

нако мне каждый отдельный день долог, ибо «время есть мера движения»²⁹.

Кто неподвластен движению, тот неподвластен времени. А кто же подвластен движению, тот подвергается воздействию времени. А в высшей степени подвластен движению тот, кто исчисляет части его. Поэтому я, ведущий непрерывный счет дням и часам, подвергаюсь испытанию времени и в наибольшей степени испытываю его воздействие. Итак, «пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел»³⁰, для меня же и один день, как тысяча лет, которым еще предстоит пройти.

Не медли, Господи, избавить меня от грехов и бедствий моих, ибо смерть приближается и уже расставила свои сети повсюду. Не медли, Господи, ибо я уже получил предупреждение ее; Ты же дай время мне, чтобы успел я покаяться. Спаси меня, Господи, из рук лукавого, освободи от оков греха, избавь от сетей смерти, помоги восстать из глубин ада. Спаси меня от притеснения и тяжкого рабства печали, дабы возродилась душа моя, возликовала в Тебе и благословляла Тебя во все дни жизни моей. Благодарю Тебя, Господи, что дал мне Спасителя моего Иисуса, ибо «при умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою»³¹. Потому всегда буду надеяться на Тебя и при каждой скорби в сердце моем стану хвалить Тебя. Ты же, Господи, «приклони ко мне ухо Твое, поспеши избавить меня».

IV

Горе мне! Опять возвращается печаль, вооруженная ужасным оружием. Но на сей раз знаменосец ее — правосудие, а следом за ним — неисчислимое войско. В руках у каждого пехотинца — копье. Вижу повсюду орудия смерти. Беда мне, погиб я! Она же кричит во все горло жутким голосом:

---

²⁹ Это определение дано Аристотелем, *Phys.*, IV, с. XI.

³⁰ Пс 89, 5.

³¹ Пс 93, 19.

«Несчастный, надежда одурачила тебя! Впустую трудился ты, повторяя: «Приклони ко мне ухо Твое и поспеши избавить меня». Так что же, приклонил Бог к тебе ухо Свое? Была ли услышана молитва твоя? Где избавление? Что, помог Он тебе? Ты все еще в кандалах, и для тебя все осталось по-старому.

Коли думаешь, что истинна вера твоя, почему доверяешь только надежде? Или не знаешь, что Бог справедлив? Что же ты изглаживаешь из памяти правосудие Его? Ведь Он не простил даже Ангелам Своим, ни разу не посочувствовал им, да и не станет сочувствовать. За одно только прегрешение они были осуждены навечно.

Один Адам согрешил, а суд Божий покарал смертью весь род человеческий. Неужто ты думаешь, будто Бог не возлюбил правосудие так же, как возлюбил Он милосердие? Новорожденные, умирающие в первородном грехе, никогда не узрят лица Божия. Воистину, суд Божий столь суров, что грех, которого эти дети не совершали, но только приняли от рождения своего, карается возмездием вечным³². В аду же нет искупления.

Неужели не знаешь, что Бог не прощает того, кто совершает грех? Разве во времена Ноя не Он уничтожил весь род человеческий без остатка? Не Он ли испепелил огнем Содом и другие союзные с ним города? Тогда божественное правосудие не сжалилось даже над невинным младенцем. А сколько раз карал Он

³² «Дети, умершие без крещения, навечно лишены блаженного лицезрения, ибо сказано Спасителем: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3, 5). Однако лицезрение является благом *беспричинным*. Умершим некрещеным детям не будет недоставать ничего, что должно им *по природе их*. И уж во всяком случае они не будут наказаны утратой одного из чувств. В том, что касается лишения их Божественного лицезрения, то оно, разумеется, не может иметь то же значение в случае этих чад, которые никогда не отвергали благодати, как в случае взрослых, добровольно закрывших сердца свои для благодати» (JOURNET С., *op. cit.*, p. 110, n. 1). Так вкратце в эпоху до Второго Ватиканского Собора выглядела общая богословская доктрина об умерших без крещения. В последние годы многие богословы возбудили нередко претенциозную и малоубедительную дискуссию по данному вопросу (См. RUFFINI E., *Iniziazione Cristiana // Nuovo Dizionario di Teologia*, Alba 1976, pp. 676).

иудеев за грехи их! Или не Он разрушил Иерусалим рукой Навуходоносора? И не пощадил даже собственного храма. Впоследствии деяние это повторил Тит, император римский. Тогда же иудеи претерпели кару столь жестокою, что рассказ о ней до сих пор вселяет ужас в каждого дерзающего читать об этом. Ты только взгляни, сколь жестоко божественное правосудие. Сыновья несут наказание за отцов своих вплоть до наших дней. Иудеи же пребывают в рабстве во всех частях мира и, умирая в своем ослеплении, подлежат каре вечной³³.

Неужели ты и в самом деле думаешь, будто милосердие Божие превышает суда Его? Разумеется, в самом Боге ни то, ни другое не выше и не ниже, ибо все, что есть в Боге, равно присуще Ему. Но взглянем на дела правосудия и дела милосердия, и тогда мы увидим, что дела правосудия превыше дел милосердия. Господь сам свидетельствует об этом: «Много званых, а мало избранных»³⁴. Вспомни только, сколько язычников и скверных христиан претерпевает муки адские, сколь незначительно число людей добронравных, и ты без труда поймешь, что гораздо многочисленнее сосуды гнева, чем сосуды правды — ведь избранные Божии суть сосуды милосердия; нечестивцы же суть сосуды суда нелицеприятного.

Пусть не вселяют в тебя надежду примеры Марии Магдалины, доброго разбойника, Петра или Павла. Ведь одна Мария, один разбойник, один Петр и один-единственный Павел. Разве ты и в самом деле надеешься быть причисленным к этим немно-

---

³³ «В Средневековье была сфабрикована правовая теория, согласно которой христианский мир, призванный воспринять наследие Римской империи, одержал верх над иудеями благодаря вооруженной силе императора Тита. Данная теория и другие подобные ей измышления, являющиеся равным образом несправедливыми и апокрифическими, предоставляли князьям мира сего основание рассматривать иудеев в правовом отношении в качестве рабов». Ср. *L'Église du Verbe incarné*, Paris, 1945, t. I, p. 271. Кроме того, должно быть ясно, что иудеи точно так же, как и язычники, по простосердечию или даже незнанию своему могли мистически принадлежать к истинной Церкви, Телу Христову (JOURNET С., *op. cit.*, p. 111, p. 1).

³⁴ Мф 20, 16.

гим, ты, совершивший грехи столь тяжкие, что смутили они Церковь, ты, оскорбивший небо и землю?

Из глаз твоих катятся слезы, сердце твое постоянно взывает о милосердии, а ты все еще не получил его. Многие молитвы любящих тебя не были услышаны. Отчего это? Разумеется, оттого, что тыходишь в число сосудов суда нелицеприятного. Твоя надежда заставила тебя трудиться впустую. Лучше последуй моему совету. Небо тебя отвергает, земля не принимает тебя. Кто в силах вынести столь великий срам? Не лучше ли тебе умереть, чем так жить? Выбери смерть, и если некому причинить смерть тебе, тогда убей себя сам».

Эту мысль печаль внушала мне с невероятным упрямством, и вся ее рать вторила ей, громогласно восклицая: «Смерть — прибежище твое!»

Эти слова ужаснули меня, и, упав на землю ничком, застонал я: «Господи, помоги! Господи, не оставь меня! Приди, надежда моя, приди!»

* * *

И тотчас надежда сошла с неба, прикоснулась ко мне, приободрила меня, подняла с колен и молвила так: «Когда же ты повзрослеешь? Доколе будешь ты пребывать в учениках? Столько раз ты ввязывался в бой и прокладывал себе путь среди теней смерти, но так и не научился драться? Прекрати беспокоиться насчет великого суда Божия! Будь храбрым, малодушный! Пусть трепещут те, кто не желает обратиться к Богу, кто бежит по жизни без тревог и забот, кто устремляется вослед суете, но так и не познал путей миролюбия. Пусть трепещет грешник, который грешит, но оправдывает себя: «Что плохого сделал я?» Пусть трепещет тот, кто не желает обратиться сердцем своим, кто был зван, но отказался прийти, кто не ведает Бога и «не хочет вразумиться, чтобы делать добро»³⁵.

---

³⁵ Пс 35, 4.

Вот кому следует опасаться сказанного Апостолом: «Страшно впасть в руки Бога живого»³⁶. Таких, несомненно, настигнет суд Божий. Люди такого покроя подпадают под Его суд. Но вразумленный грешник, припадающий к стопам милосердного Отца своего и говорящий: «Отче! Я согрешил против неба и пред Тобою»³⁷, но «будь милостив ко мне, грешнику»³⁸, пусть доверяет Господу, ибо Тот, Кто привлек его к Себе, несомненно, примет и оправдает его.

Пусть печаль попытается отыскать, если сможет, такой, например, случай, когда бы даже величайший грешник, обратившийся к Богу, не был принят и оправдан Им. Да, действительно, Исава не получил прощения, «хотя просил о том со слезами»³⁹, но это вовсе не противоречит нашему утверждению, ибо Исава замаливал не грехи свои, а просил со слезами вернуть ему утраченные мирские имена, каковые он не имел возможности возвратить себе.

Не следует думать, будто суд Божий карает грешников так, чтобы совершенно отсечь их от милосердия, или будто милосердие настолько обеляет праведника, что он становится неподвластным истине. Важно помнить, что «все пути Господни — милость и истина»⁴⁰, ведь Бог применяет милосердие к грешникам, воздавая земными благами за добрые дела, совершенные ими в миру, да и в последующей жизни наказывает их меньше, чем они того заслужили. Судом правды Своей Он настигает только избранных, наказывая их в этой жизни, дабы не были они поражены вечными муками. Ныне тебе следует терпеливо сносить все наказания Господни, ибо ты согрешил. Покайся, ибо для отпущения твоих грехов достаточно благодати.

---

³⁶ Евр 10, 31.

³⁷ Лк 15, 21.

³⁸ Лк 18, 13.

³⁹ Евр 12, 17. В связи с рассуждением Савонаролы см. также комментарий св. Фомы *Ad Hebreos*, 12, 17, п. 694.

⁴⁰ Пс 24, 10. См. также *Summa Teol.*, I, q. 21, а. 4.

«Сын мой, не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя»⁴¹, «ибо Господь кого любит, того наказывает»⁴². Он «бьет всякого сына, которого принимает»⁴³. Потому будь твердым в терпении, ибо Бог обращается с тобой, как отец с сыном. Пусть мало избранных по сравнению с грешниками, и все-таки неисчислимо число тех, кто будет спасен. Неправда, будто Мария Магдалина одна, и добрый разбойник один, и Петр один, и Павел один, ибо неисчислимы те, кто, следуя примеру раскаяния их, были приняты Господом и обрели многие и великие богатства, дарованные благодатью.

Дела милосердия отнюдь не уступают суду Божию, ибо милосердие награждает праведников дарами столь великими, что дела его бесконечно превосходят дела истины. Разве ты не знаешь, что «милости Господней полна земля»⁴⁴? Сыщется ли на земле такая тварь, которая могла бы гордиться тем, что имеет и чего не получила бы из рук милосердия? Даже если ты тяжко обидел Бога, милосердие Его больше всех грехов мира. Пусть не волнует тебя число и тяжесть грехов. Разве милосердие не посетило тебя? Разве милосердие уже не облобызало тебя?

Вот, ты упал и не разбился. Почему? Разве ты не сосуд хрупкий, который при падении должен разлететься на куски, если только кто-нибудь не поддержит его рукой? Так отчего же при падении ты не разбился? Кто поддержал тебя своею рукой? Кто, спрашиваю я, если не Господь?

Это — великий знак избранности твоей. Воистину, избранный, «когда он будет падать, не упадет; ибо Господь поддерживает его за руку»⁴⁵. Не написал ли Апостол, что «любящим Бога... все содействует ко благу»⁴⁶, даже грех содействует ко благу

⁴¹ Евр 12, 5. Ср. также: «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притч 3, 11-12).

⁴² Евр 12, 6.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Пс 32, 5.

⁴⁵ Пс 36, 24.

⁴⁶ Рим 8, 28.

их? Рассуди, то же падение, делающее человека более смиренным и предусмотрительным, не содействует ли ко благу его? И не Господь ли поднимает упавшего в то мгновение, когда его поднимает смирение?

Ты возлюбил Господа и многие годы трудился для Него. Однако впоследствии, подъяв сердце свое гордостью, ты стал поступать «по суетности ума своего»⁴⁷. Тогда Господь убрал руку Свою, и ты упал в пучину морскую. Однако Господь удостоил тебя чести и простер руку Свою, и ты не претерпел крушения⁴⁸. Итак, повторяй: «Сильно толкнули меня, чтоб я упал; но Господь поддержал меня»⁴⁹.

Не так бывает с грешниками. Не так с теми, кто осужден Богом. Когда они падают, то не спешат подняться, ибо, упорствуя в греховности своей, оправдывают злодеяние свое или имеют «лоб блудницы», «отбрасывают стыд»⁵⁰ и не боятся более Бога и не стыдятся людей.

Потому встань и будь тверд!

«Будь тверд и мужествен»⁵¹. «Надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твое, надейся на Господа!»⁵². Ты уже испытал, сколь малозначима сила твоя, поэтому смирись «под крепкую руку Божию»⁵³ и впредь будь более предусмотрителен. Тебе необходимо терпение. Бесперывно молись — и Господь услышит тебя в Свое время. Встань же и гони прочь от себя всякую печаль. Припади к ногам Господним, Он же избавит и спасет тебя».

С этими словами надежда вознеслась на небеса, приободрив и чудотворно утешив меня.

---

⁴⁷ Еф 4, 17.

⁴⁸ Ср.: «Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня» (Пс 117, 18).

⁴⁹ Пс 117, 13.

⁵⁰ Иер 3, 3.

⁵¹ Ис Нав 1, 6.

⁵² Пс 26, 14.

⁵³ 1 Петр 5, 6.

V

Желая всей душой тотчас последовать ее совету, обратился я к Богу и, припав к ногам Спасителя моего, доверчиво повторил: «БУДЬ МНЕ КАМЕННОЮ ТВЕРДЫНЕЮ, ДОМОМ ПРИБЕЖИЩА, ЧТОБЫ СПАСТИ МЕНЯ» (Пс 30, 3).

Воистину, Ты Бог великий и всесильный, Искупитель и Спаситель, заступник всех верных Твоих! К Тебе доверчиво обращаюсь я. Надежда привела меня к Тебе. Надежда, которой Ты всегда вверял нас в милосердии Твоем. Приободренный надеждой, без страха предстаю я перед лицом Твоим. Повинюсь — я недостоин ее, но она увлекла меня за собой. Страшно было мне по великой греховности моей войти в чертог Твой, но она вернула доверие мне. Вот она, пред лицом Твоим, она же — свидетель мой.

Скажу Господу моему, я, плоть и грех. Надежда научила меня и побудила доверчиво отворить уста мои. Она сказала мне: «Господь милосерден, Он не изгонит тебя, Он не разгневется, и радостно выслушает тебя, и даст все, о чем просишь ты».

Я доверился ей, «и потому говорил»⁵⁴. Однако, узрев величие Твое, я был сильно сокрушен и «сказал в опрометчивости моей: “всякий человек — ложь”»⁵⁵. Итак, никогда больше не стану доверять человеку, но только Тебе, ибо только Ты верен каждому слову Своему, тогда как каждый человек — ложь. «Что́ воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения приму»⁵⁶, — ибо отныне буду жить не для себя самого, но для Тебя. Деляя добро во имя любви Твоей, перенесу я всякое зло. И совершу это не по добродетели собственной, но «имя Господне призову, обеты мои воздам Господу перед всем народом Его». Ибо, воистину, «дорога́ в очах Господних смерть святых Его»⁵⁷.

⁵⁴ Пс 115, 1 и след.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, 4.

⁵⁷ Там же, 4-6.

«Будь мне каменною твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня» от врагов моих. Враги суть грехи мои, которые навлекают на меня суд Твой. Не устоять мне перед судом Твоим, если Ты не станешь защитой мне. Да будет щитом моим, Господи, милосердие Твое. «Благоволением, как щитом, венчаешь его»⁵⁸. Мне нечего предложить суду правды, чтобы смягчить гнев Его. Все, что есть у меня, обличает меня. У меня есть Только Ты, Господи!

Оставь негодование Твое, Господи. Будь для меня Богом — Заступником! Огради меня крыльями Твоими, защити меня, и под крыльями Твоими буду в безопасности⁵⁹. Что делает мне правосудие Твое, если Ты оградишь меня? Господи, суд Твой умолкнет и вложит в ножны меч гнева Твоего. Правда Твоя будет незлобной ввиду блаженства воплощения Твоего, язв Страстей Твоих и крови любви Твоей. Она отдалится от меня, говоря: «Возрадуйся, сын мой, ты предупредил меня, отныне спокойно ложись и спи, ибо Господь дает тебе жить в безопасности»⁶⁰.

Господи, будь мне каменною твердынею, домом прибежища, дабы во время дождя и бури, а также во время искушений мог я укрыться у Тебя, ибо в Тебе только спасение мое. Будь для меня домом прибежища.

Вложи руку мою в пронзенные копьем ребра Твои, чтобы мог я войти в лоно милосердия Твоего, дабы найти там спасение от малодушия и от бурь. Укрой меня в шатре Твоем, в день несчастья спаси меня в прибежище дома Твоего. Пусть домом прибежища станет неизреченное милосердие Твое, чтобы спасти меня. Воистину, буду спасен только в доме прибежища Твоего, ибо Ты поставил его в высочайшем месте. И место сие подобно крепости, где никакой противник уже не опасен. О, если бы мне было дано остаться в нем навсегда! Всякий живущий здесь неуязвим.

---

⁵⁸ Пс 5, 13.

⁵⁹ Ср. Пс 90, 4.

⁶⁰ Ср. Пс 4, 9.

Итак, Господи, открой мне дверь прибежища Твоего, чтобы спасти меня от всякого искушения и мучения и всякой нужды. Открой мне лоно милости Твоей, милосердия Твоего, чтобы спасти меня. Сюда не подступиться искусителю, не вскарабкаться ни клеветнику, ни клятвопреступнику, говорящему на братьев своих. Здесь буду я жить в безопасности и чаять себя обретшим спасение.

Благодарю Тебя, добрый Иисусе, что ниспослал мне надежду, поднявшую меня из пыли и грязи и установившую меня перед лицом Твоим, дабы Ты был Богом, заступником моим и домом прибежища, ради спасения моего.

VI

Но вот — смущена душа моя! Вновь приходит печаль! Опять грядет она, на сей раз под знаменем правды. Отнюдь не намерена она отступать после вчерашнего сражения, но теперь иное у нее оружие. Минувшей ночью похитила она оружие мое и мечами моими вооружила ратников своих. Отныне, безоружному и израненному, что делать мне? Вот кричит она бесстыдно и, уверенная в своей победе, обрушивается на меня: «Где твой заступник? Где дом прибежища? Где избавление? Ужели все еще упорствуешь в тщетной вере своей? Все утешения — плод измышления твоего. Вообразил себе Бога, будто искупитель Он, заступник твой и дом прибежища твоего. Мнишь, будто поднялся до небес. Само собой разумеется, ты обманулся вымыслом своим и утешился тщетной надеждой. Неужто ты и в самом деле мог помыслить, будто ты был вознесен на «третье небо»⁶¹? Одумайся — все это воздушные замки!

---

⁶¹ См. ДАНТЕ, *Рай* XXVIII, 29, 104, то есть «Престолы Божьего лица», где отражаются мысли Бога, Верховного судьи, как учит св. Григорий Великий (590-604). — ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ, *Божественная комедия. Ад, Чистилище, Рай*. Пер. М. Лозинского; SIEBZEHNER-VIVANTI G., *Dizionario della Divina Commedia*, a cura di M. Messina, Milano, 1965. — *Прим. пер.*

Образумься, вспомни о том, сколь тяжел грех неблагодарности. Не она ли иссушает источник милосердия? Вспомни — Господь оплакал Иерусалим и предсказал ему неминуемые беды такими словами: «Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду. И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне»⁶². Господь не пожелал умолчать о причине стольких бедствий и присовокупил: «За то, что ты не узнал времени посещения твоего»⁶³. Так случилось потому именно, что неблагодарность заслуживает не только отнятия благодетний, но и сурового наказания.

Неужто этого правила не должно прилагать к душе? Ведь в Писании душа нередко изображается так, словно пребывает она в Иерусалиме, упорствующем в неузнавании времени посещения Божия, осаждаемом бесами и различными искушениями, в городе, павшем под натиском их и превращенном в развалины, ибо не осталось в нем ни добродетели, ни доброго дела, которое не было бы осквернено. Не забывай, что Иерусалим был лишен благодати и не был возрожден только за то, что не узнал времени посещения своего.

Так что ты подобен этому городу, коему Бог оказал честь многими и великими благодетиями, которые ты, однако, не только не узнал, но показал себя неблагодарным. Он создал тебя по образу и подобию Своему. Он даровал тебе рождение в Церкви Его, а не среди неверных. Он дал тебе счастье жить в цветущем городе⁶⁴. Он освятил тебя водой крещения. Он воспитал тебя в верующей семье. Ты же сломя голову помчался вдогонку за мыслью своей — «по суетности ума своего»⁶⁵ — и сорвался в пропасть грехов.

---

⁶² Лк 19, 43-44.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Т.е. Флоренции. По этимологии Флоренция значит «цветущий город». — Прим. пер.

⁶⁵ Еф 4, 17.

Господь воззвал к тебе — ты не ответил. Не раз предупреждал Он тебя — ты пренебрег Его зовом. Многократно озарял Он тебя, предоставлял тебе возможность прозреть и пробуждал тебя ото сна! Он взывал к тебе — ты под разными предложениями сторонился Его. Он привлекал тебя к Себе — ты оказывал сопротивление! Наконец, победило неизреченное и бесконечное милосердие Его! Ты согрешил — Он пришел к тебе. Ты упал — Он поднял тебя. Ты не замечал Его — Он не отставал ни на шаг от тебя. Ты был слеп — Он дал прозрение тебе.

Вместо шумной светской жизни и смятения океана Он дал тебе тишину и тихую гавань веры. Он облачил тебя в одежды святой монастырской жизни. Он пожелал, чтобы Ты стал священником. Он призвал тебя в школу познания Своего. Ты же всегда оставался неблагодарным и исполнял дело Божие как придется, хотя тебе были ведомы следующие слова Писания: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно»⁶⁶.

Однако и тогда Божественное благоволение тебя не оставило, ибо со снисхождением приблизило тебя к высочайшим дарам, обогатив тебя самым значимым из даров — знанием Священного Писания, наделило уста твои проповедническим даром и сделало тебя одним из предводителей народа. Ты же учил других, но пренебрег собой. Ты врачевал других, но не вылечил себя самого. «От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою»⁶⁷. Ты стал ничем, ничем и пребудешь навечно.

---

⁶⁶ Иер 48, 10. В данном, как и в последующих абзацах, содержится наиболее яркий автобиографический очерк, украшающий последние размышления Савонаролы, который полностью сознает личную благодать, данную ему Господом, и перед лицом Божиим вопрошает о своем соответствии этому дару. Его совестливость причиняет ему гораздо больше страданий, нежели бесчестные судьбы, которые в тот роковой май пытались заставить его взять на себя самые страшные клеветнические измышления (Ср. CENTI T. S., *Girolamo Savonarola, Il frate che sconvolse Firenze*, Citta Nuova Ed., Roma 1988, pp. 137 ss.).

⁶⁷ Иез 28, 17.

Неужели неведомо тебе, что «раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много»⁶⁸. Или неведомо тебе, что Бог сопротивляется гордыне? «Как ты упал с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “Взойду на небо”»⁶⁹. Но на самом деле ты будешь ввергнут в глубины преисподней. «Под тобой подстилается червь, и черви — покров твой»⁷⁰.

Неужели ты все еще надеешься обрести милосердие, ты, смутивший многих людей, ты, неоднократно призванный и предупрежденный Богом, но отказавшийся ответить Ему? Так где же правда Божия? Где равноправный суд? Не всегда милосердие поддерживает грешника. Есть пределы у милосердия, ибо сказано: «Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли. За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас»⁷¹. Все это оттого, что не всегда милосердие дарует прощение грешнику.

Неужели ты до сих пор так и не понял, что в отношении тебя милосердие подошло к концу? Именно в отношении тебя, получившего столь многие благодеяния, но павшего в глубину пропасти, приобретшего столь многие богатства, но по гордыне и тщеславию своему ставшему смущением мира сего. Поэтому нечего льстить себя бесполезной надеждой, до которой ты силишься

---

⁶⁸ Лк 12, 47.

⁶⁹ Ис 14, 12 и сл.

⁷⁰ Ис 14, 11.

⁷¹ Притч 1, 24 и сл. Говоря об «автобиографичности» предыдущих абзацев, следует проявлять осмотрительность и не давать увлечь себя парадоксально отрицательной оценкой поведения узника, преодолевающего печаль на грани отчаяния. Изучение свидетельств современников Савонаролы показывает, что в его поведении не было ровным счетом ничего, что может дать основание столь суровому обвинению. Мы полагаем, что и в данном случае Савонарола последовательно проводит свою мысль — даже в наихудших обстоятельствах верующий человек должен способствовать торжеству надежды в своем сердце.

дотянуться. Лучше подумай, как жить вольной жизнью. Перестань мучить себя насчет наказаний адских по эту и по ту сторону жизни! Научись жить вместе со всеми, кто дни свои проводит в удовольствиях, а потом одним махом падает в ад.

Отбрось, наконец, стыд, пусть будет и у тебя «лоб блудницы»⁷². «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!»⁷³ Язва твоя безнадежна, ибо неисцелима!»

При этих словах взревела вся ее рать: «Язва твоя безнадежна, ибо неисцелима!»

* * *

При всем том, памятуя о наставлении надежды, матери моей, и преодолевая уныние, встал я на ноги, насколько позволяли мне силы, и возвел глаза к небу, откуда чаял дожидаться помощи. И надежда с сияющим от улыбки лицом, украшенная Божественным блистанием, сходя с высот, обратилась ко мне: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?»⁷⁴ Кто осмеливается устанавливать меры милосердия, бесконечное делать конечным и кто пытается вычерпать море ладонью? Или ты не слышал сказанное Господом: «Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему»⁷⁵? Укажи мне человека безгрешного. Кто станет утверждать, что чисто сердце его?

Воистину, молитва Господня — «Отче наш» — предназначена каждому из нас. По этой молитве нам следует повторять — «И прости нам долги наши»⁷⁶. Именно такой молитве научил Господь Апостолов. Или молитва сия не относится к другим людям? Разве не Апостолам были дарованы первоначальные проявления Духа Святого? Чего ради Господь стал бы учить их этой молитве, будь они безгрешными? Но если и Апостолы были затронуты грехом, кто дерзнет превозносить безгрешие свое?

---

⁷² Иер 3, 3.

⁷³ Ис 22, 13.

⁷⁴ Иов 38, 2.

⁷⁵ Иез 18, 22.

⁷⁶ Мф 6, 12.

Услышь любимого ученика Господа: «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем сами себя, и истины нет в нас»⁷⁷. И Апостол Иаков удостоверил: «Все мы много согрешаем»⁷⁸. Ведь и святые «все согрешили» и нуждаются в милосердии Господа. Недаром сказано: «Семь раз упадет праведник, и встанет»⁷⁹. Потому милосердие бесконечно, ибо всякий раз, когда грешник раскаивается, тотчас милосердие приходит в помощь ему.

И не важно, велики или малы грехи. Ты повержен? Так что же, встань — и милосердие встретит тебя. Упал? Позови — и милосердие поспешит к тебе. Еще раз упал и снова повержен? Обратись к Господу, и перед тобой раскроется сострадание Его. Ты упал в третий или четвертый раз? Пролей слезы — и милосердие не оставит тебя. Сколько раз согрешишь, столько раз и вставай, ибо милосердие бесконечно.

Зачем ты, Печаль, окаянная между женами, попрекаешь полученными благодеяниями? Разве Давид, величайший Пророк, не обрел столь великие и многие благодеяния, что Господь сказал о нем: «Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида»⁸⁰? И при всем том он грешил, и грешил тяжко, как прелюбодеянием, так и смертоубийством праведника и невинного. Однако Господь не исчерпал для него милосердия Своего.

К чему твои разглагольствования насчет греха гордости? Или сам Давид не вздымал сердце свое гордостью, распорядившись о переписи народа Израилева? Ведь пожелал он прославить мощь свою, царя великого и могущественного. Но и это не было поставлено в упрек ему. Отчего так? Оттого, что он не помыслил укрыть грех свой и не возгордился им, подобно Содому. И так сказал он: «Исповедаю Господу преступления мои»⁸¹.

Дело в том, что не милосердие устанавливает границы себе, но грешники, чтобы не могло оно приблизиться к ним, ибо мило-

---

⁷⁷ 1 Ин 1, 8.

⁷⁸ Иак 3, 2.

⁷⁹ Притч 24, 16.

⁸⁰ Деян 13, 22.

⁸¹ Пс 31, 5.

сердие стоит на рубежах их, но они отвергают его. Потому и написано: «Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне — опора твоя!»⁸² «Разомкни уста свои, — говорит милосердие, — я преисполню их». Подставь передник свой, и я отсыплю в лоно ваше «мерюю доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною»⁸³. Упорствуй в молитве и слезах раскаяния, ибо Тот, Кто возлюбил тебя и потребовал, по благодати и благодеяниям любви Своей, твоей любви, намерен не отступить, но довершить дело свое.

Есть ли естественная причина, начинающая дело свое, но бросающая его на полдороги? Известно, что рост семени не прекращается до тех пор, пока не доведет до совершенства плод свой. Сыщется ли птица, оставляющая птенцов своих прежде, чем они смогут самостоятельно прокормить себя? Отчего пернатые поступают таким образом? Есть ли им от этого польза? По правде говоря, никакой. Одни только хлопоты. Следовательно, лишь любовь заставляет естественные причины доводить до совершенства свои начинания. Побуждает их к этому доброта, которую они жаждут распространить, ибо «добро склонно к распространению само по себе»⁸⁴. И если так поступают твари земные, то разве не так сделает Творец? Воистину, Он есть любовь, бесконечная доброта и благо. Как же может Он не довести до конца дело Свое?

Помни слова, изреченные Господом нашим Иисусом, Который провозглашает: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его»⁸⁵.

Посему, возлюбивший тебя, привлекая тебя благодеяниями Своими и благодатью Своей и очищая тебя от грехов, несомненно совершит дело Свое. Воистину, это есть приуготовление жизни вечной. Так отчего же при падении ты не разбился?

⁸² Ос 13, 9.

⁸³ Лк 6, 38.

⁸⁴ Ср. DION. AREOPAGITA, *De Div. Nom.*, cap. 1, 20 (PG 3, 720). На этот принцип неоднократно указывает св. Фома в *Summa Theologica* (I, q. 5, a. 4; 27, a. 5; I-II, q. 1 a 4; q. 2, a. 3, etc.).

⁸⁵ Ин 4, 34.

Не оттого ли, что Господь простер руку Свою? Не оттого ли, что преклонил к тебе сердце Свое? И не оттого ли, что побудил тебя к покаянию? И утешил тебя? Не для того ли, чтобы очистить тебя и, сделав тебя достойным благодати Своей, привести к жизни вечной? Все это — не праздные мечтания твои или вымысел твой, но богодухновение.

Но пусть даже и мечтания. Что из того? Чем плохи они? Разве происходят они не от добродетели веры? Ведь всякое добро происходит от Бога, значит, и вымысел этот есть Божественное озарение. Радуйся словам этим!»

VII

Внимая этим речам, сердце мое было настолько утешено, что от радости стал я повторять вслед за Псалмопевцем: «Господь — свет мой и спасение мое, кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей, кого мне страшиться?»⁸⁶

И, распростершись в слезах у ног Господа, воскликнул я: «Господи, если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое!»⁸⁷ «ИБО ТЫ КАМЕННАЯ ГОРА МОЯ И ОГРАДА МОЯ, РАДИ ИМЕНИ ТВОЕГО ВОДИ МЕНЯ И УПРАВЛЯЙ МНОЮ»⁸⁸.

---

⁸⁶ Пс 26, 1.

⁸⁷ Пс 26, 3.

⁸⁸ Пс 30, 4. М. Феррара, мнение которого насчет автобиографического истолкования размышлений Савонаролы мы не полностью разделяем, подводя итог своим наблюдениям над композиционной стороной данного сочинения, писал в 1976 году: «Перо замерло на этих словах — свидетельстве неколебимого мужества Савонаролы: «*Domine, si consistant adversum me castra, non timebit cor meum*». Кольцо вражды безжалостно сомкнулось вокруг Савонаролы 20-22 мая в тот самый момент, когда два папских комиссара, прибывших из Рима для того, чтобы нанести узнику последний смертельный удар, инициировали новый судебный процесс и организовали новый круг пыток. Хроника рокового 23 мая 1498 года подтверждает, что сердце Савонаролы ничуть не дрогнуло» (GIROLAMO SAVONAROLA, *Operette Spirituali*, vol. II, Ed. Nazionale, Firenze 1976, p. 398).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА	19
Детство и отрочество	21
Монашеское призвание — вступление в Орден Проповедников	27
Послушание и первые ученые степени	33
Первоначальное пребывание в Тоскане	40
Странствующий проповедник Ломбардской монастырской провинции	51
Настоятель монастыря св. Марка	58
Рождение Конгрегации св. Марка	68
Дни потопа	78
Ловец человеков в бурном море	86
Лига, флорентийцы и Савонарола	97
Жгучие слова. Испытание кардинальской шапкой	106
Нежданное торжество осени 1496 года	116
1497 год — отлучение от Церкви	123
Под знаком тюрьмы и интердикта	133
Безоружный пророк	143
Пленник монастыря св. Марка	151
Судебные процессы и приговор	157
Великое мученичество	167
Жизнь после жизни: спор о реабилитации	173
МОЛИТВЫ ИЗ ТЕМНИЦЫ	185
<i>Введение к «Молитвам из темницы»</i>	187
Истолкование и размышления на тему Псалма «Помилуй меня, Боже» (Псалом 50)	193
Истолкование и размышления на тему Псалма «На Тебя, Господи, уповаю» (Псалом 30)	243

Сдано в набор 12.02.1998 г. Подписано в печать 25.07.1998 г.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Гарнитура «Академия».

Издательство Францисканцев

123557 Москва, Ср. Тишинский пер., 10 — 1.Тел./факс (095) 254-69-28.

Druk i oprawa: Białostockie Zakłady Graficzne

Кем он был — этот суровый доминиканский проповедник, фра Джироламо Савонарола — бунтарем, ниспровергателем авторитетов (в том числе, и церковных) или пророком, восстановителем Церкви и гениальным реформатором? Каким образом ему удавалось приводить в священный трепет толпы верующих, внимавших его горячим проповедям, влиять на взгляды и поступки таких выдающихся людей как Микеланджело, Боттичелли, Максим Грек? Что позволило ему совершить то, что не удавалось политикам: смирить гнев французского короля Карла VIII, завоевавшего практически всю Италию, и уберечь Флоренцию от грабежа и насилия?

И по сей день, спустя 500 лет после трагической смерти Савонаролы, его личность по-прежнему вызывает огромный интерес и порождает множество вопросов. Впрочем, многое в его жизни представляется бесспорным — например, то, что она целиком была посвящена самоотверженному служению Христу — вплоть до смертной казни во Флоренции, в городе, обязанном о. Джироламо своим спасением...